

СОЧИНЕНІЯ А. ПУШКИНА.

I.

Александр Пушкин

Санкт-Петербург, 1838. Тираж 1000 экз.

СОЧИНЕНІЯ

Александра Пушкина.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭКСПЕДИЦИИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

MDCCCXXVIII.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлены были въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Апрѣля 3 дня 1837 года.

Ценсоръ Никитенко.

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

Pètri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière.

ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПЛЕТНЕВУ.

*Не мысля гордый светъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбл,
Хотѣлъ бы я тебя представить
Залогъ достойнѣ тебя,
Достойнѣ души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты;
Но такъ и быть — рукою пристрастной
Прими собранье пестрыхъ главъ,
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.*

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

И жить торопится, и чувствовать спѣшитъ.

К. Вяземскій.

I.

«Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ,
«Когда не вшутку занемогъ;
«Онъ уважать себя заставилъ,
«И лучше выдумать не могъ:
«Его примѣръ другимъ наука;
«Но, Боже мой, какая скука
«Съ больнымъ сидѣть и день и ночь,
«Не отходя ни шагу прочь!
«Какое низкое коварство
«Полуживаго забавлять,
«Ему подушки поправлять,
«Печально подносить лекарство,

«Вздыхать и думать про себя :
«Когда же чортъ возьметъ тебя!»»

II.

Такъ думалъ молодой повѣса,
Летя въ пыли на почтовыхъ,
Всевышней волею Зевеса
Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ.
Друзья Людмилы и Руслана!
Съ героемъ моего романа,
Безъ предисловія, сей же часъ,
Позвольте познакомить васъ:
Онъгинь, добрый мой пріятель,
Родился на берегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель!
Тамъ нѣкогда гулялъ и я:
Но вреденъ сѣверъ для меня ¹.

III.

Служивъ отлично благородно,
Долгами жилъ его отецъ,
Давалъ три бала ежегодно,
И промотался наконецъ.
Судьба Евгенія хранила:
Сперва *madame* за нимъ ходила,
Потомъ *monsieur* ее смѣнилъ.

Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
Monsieur l'Abbé, Французъ убогой,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шутя,
Не докучалъ моралью строгой,
Слегка за шалости браниль,
И въ Лѣтній-садъ гулять водиль.

IV.

Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной,
Monsieur прогнали со двора.
Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ;
Остриженъ по послѣдней модѣ;
Какъ *dandy*² Лондонскій одѣтъ,
И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
Онъ пофранцузски совершенно
Могъ изъясняться и шсаль,
Легко мазурку танцовалъ,
И кланялся непринужденно :
Чего жъ вамъ больше? свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

V.

Мы всѣ учились понемногу,
Чему нибудь и какъ нибудь :

Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
 У насъ немудрено блеснуть.
 Онъгинъ былъ, по мнѣнью многихъ
 (Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
 Ученый малый, но педантъ :
 Имѣлъ онъ счастливый талантъ
 Безъ принужденья въ разговорѣ
 Коснуться до всего слегка,
 Съ ученымъ видомъ знатока
 Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
 И возбуждать улыбку дамъ
 Огнемъ неожиданныхъ эпиграмъ.

VI.

Латынь изъ моды вышла нынѣ :
 Такъ, если правду вамъ сказать,
 Онъ зналъ довольно полатынѣ,
 Чтобъ эпиграфы разбирать,
 Потолковать объ Ювеналѣ,
 Въ концѣ письма поставить *vale*,
 Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
 Изъ Энеиды два стиха.
 Онъ рыться не имѣлъ охоты
 Въ хронологической пыли
 Бытописанія земли;
 Но дней минувшихъ анекдоты,

Отъ Ромула до нашихъ дней,
Хранилъ онъ въ памяти своей.

VII.

Высокой страсти не имѣя
Для звуковъ жизни не щадить,
Не могъ онъ ямба отъ хорей,
Какъ мы ни бились, отличить;
Бранилъ Гомера, Феокрита;
За то читалъ Адама Смита,
И былъ глубокий экономъ,
То есть, умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣеть,
И чѣмъ живетъ, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣеть.
Отецъ понять его не могъ,
И земли отдавалъ въ залогъ.

VIII.

Всего, что зналъ еще Евгенийъ,
Пересказать мнѣ недосугъ;
Но въ чемъ онъ истинный былъ геній,
Что зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ,
Что было для него измлада
И трудъ, и мука, и отрада,
Что занимало цѣлый день

Его тоскующую лѣнь,
 Была наука страсти нѣжной,
 Которую воспѣлъ Назонъ,
 За что страдальцемъ кончилъ онъ
 Свой вѣкъ блестящій и мятежной
 Въ Молдавіи, въ глуши степей,
 Вдали Италіи своей.

IX.

.

X.

Какъ рано могъ онъ лицемѣрить,
 Таить надежду, ревновать,
 Разувѣрять, заставить вѣрять,
 Казаться мрачнымъ, изнывать,
 Являться гордымъ и послушнымъ,
 Внимательнымъ, иль равнодушнымъ!
 Какъ томно былъ онъ молчаливъ,
 Какъ пламенно краснорѣчивъ,
 Въ сердечныхъ письмахъ какъ небреженъ!
 Однимъ дыша, одно любя,
 Какъ онъ умѣлъ забыть себя!
 Какъ взоръ его былъ быстръ и нѣженъ,

Стыдливъ и дерзокъ, а порой
Блесталь послушною слезой!

XI.

Какъ онъ умѣлъ казаться новымъ,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньемъ готовымъ,
Пріятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиленья,
Невинныхъ лѣтъ предубѣжденья
Умомъ и страстью побѣждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и трбовать признанья,
Подслушать сердца первый звукъ,
Преслѣдовать любовь — и вдругъ
Добиться тайнаго свиданья,
И послѣ ей наединѣ
Давать уроки въ тишинѣ!

XII.

Какъ рано могъ ужъ онъ тревожить
Сердца кокетокъ записныхъ!
Когда жъ хотѣлось уничтожить
Ему соперниковъ своихъ,
Какъ онъ язвительно злословилъ!
Какія сѣти имъ готовилъ!
Но вы, блаженные мужья,

Съ нимъ оставались вы друзья:
Его ласкалъ супругъ лукавѣй,
Фобласа давній ученикъ,
И недовѣрчивый старикъ,
И рогоносецъ величавый,
Всегда довольный самъ собой,
Своимъ обѣдомъ и женой.

XIII. XIV.

.....
.....
.....

XV.

Бывало, онъ еще въ постель,
Къ нему записочки несутъ.
Что? приглашенья? Въ самомъ дѣлѣ,
Три дома на вечеръ зовутъ:
Тамъ будетъ балъ, тамъ дѣтскій праздникъ.
Куда жъ поскачетъ мой проказникъ?
Съ кого начнетъ онъ? Все равно,
Вездѣ поспѣтъ немудрено.
Покаместъ, въ утреннемъ уборѣ,
Надѣвъ широкій боливаръ ³,
Онъгинъ ѣдетъ на бульваръ,
И такъ гуляетъ на просторѣ,

Пока недремлющій брегеть
Не прозвонить ему объѣдъ.

XVI.

Ужъ темно; въ санки онъ садится;
« Поди! поди! » раздался крикъ;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротникъ.
Къ Talon ⁴ помчался: онъ увѣренъ,
Что тамъ ужъ ждетъ его ***;
Вошелъ, и пробка въ потолокъ,
Вина кометы брызнулъ токъ,
Предъ нимъ *rost-beef* окровавленный,
И трюфли, роскошь юныхъ лѣтъ,
Французской кухни лучший цвѣтъ,
И Стразбурга пирогъ нетлѣнный
Межъ сыромъ Лимбургскимъ живымъ
И ананасомъ золотымъ.

XVII.

Еще бокаловъ жажда просить
Залить горячій жиръ котлетъ;
Но звонъ брегета имъ доносить,
Что новъй начался балетъ.
Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательныхъ актрисъ,

Почетный гражданинъ кулись,
Онъгинъ полетѣль къ театру,
Гдѣ каждый, критикой дыша,
Готовъ охлопать *entrechat*,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать — для того,
Чтобъ только слышали его.

XVIII.

Волшебный край! Тамъ, въ стары годы,
Сатиры смѣлой властелинъ,
Блисталъ Фонвизинъ, другъ свободы,
И переимчивый Княжнинъ;
Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ молодой Семеновой дѣлилъ;
Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнея геній велпчавой;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой;
Тамъ и Дидло вѣнчался славой;
Тамъ, тамъ, подъ сѣнію кулись,
Младые дни мои неслись.

XIX.

Мои богини! Что вы? гдѣ вы?
Внемлите мой печальный гласъ:

Всѣ тѣже ль вы? другія ль дѣвы,
Смѣнивъ, не замѣнили васъ?
Услышу ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли Русской Терпсихоры
Душой исполненный полетъ?
Иль взоръ унылый не найдетъ
Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной,
И, устремивъ на чуждый свѣтъ
Разочарованный лорнетъ,
Веселья зритель равнодушной,
Безмолвно буду я зѣвать
И о быломъ вспоминать?

XX.

Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ;
Партеръ и кресла, все кипитъ;
Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ,
И, взвившись, занавѣсъ шумитъ.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена,
Стоитъ Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружить,
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,
Летитъ, какъ пухъ отъ устъ эола;

То стань советъ, то разовѣть,
И быстрой ножкой ножку бѣть.

XXI.

Все хлопаеть. Онѣгинъ входитъ;
Идетъ межъ кресель по ногамъ;
Двойной лорнетъ скосясь наводитъ
На ложи незнакомыхъ дамъ;
Всѣ ярусы окинулъ взоромъ,
Все видѣлъ: лицами, уборомъ
Ужасно недоволенъ онъ;
Съ мужчинами со всѣхъ сторонъ
Раскланялся; потомъ на сцену
Въ большомъ разсѣяньи взглянулъ,
Отворотился и зѣвнулъ
И молвилъ: «всѣхъ пора насмѣну;
Балеты долго я терпѣлъ,
Но и Дидло мнѣ надоѣлъ»⁵.

XXII.

Еще амуры, черти, змѣи
На сценѣ скачутъ и шумятъ;
Еще усталые лакеи
На шубахъ у подъѣзда спятъ;
Еще не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Еще снаружи и внутри

Вездѣ блистають фонари;
Еще прозябнувъ бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера вокругъ огней
Бранять господь и бьютъ въ ладони:
А ужь Онѣгинь вышла вонъ;
Домой одѣться ѣдетъ онъ.

XXIII.

Изобразу ль въ картинѣ вѣрной
Уединенный кабинетъ,
Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрной
Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ?
Все, чѣмъ для прихоти обильной
Торгуетъ Лондонъ щепетильной
И по Балтическимъ волнамъ
За лѣсъ и сало возитъ намъ,
Все, что въ Парижѣ вкусъ голодной,
Полезный промыселъ избравъ,
Изобрѣтаетъ для забавъ,
Для роскоши, для нѣги модной,
Все украшало кабинетъ
Философа въ осьмнадцать лѣтъ.

XXIV.

Янтарь на трубкахъ Цареграда,
Фарфоръ и бронза на столѣ,

И, чувствъ изнѣженныхъ отрада,
Духи въ граненомъ хрусталѣ;
Гребенки, шпички стальные,
Прямые ножницы, кривые,
И щетки тридцати родовъ,
И для ногтей, и для зубовъ.
Руссо (замѣчу мимоходомъ)
Не могъ понять, какъ важный Гримъ
Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ,
Краснорѣчивымъ сумасбродомъ⁶?
Защитникъ вольности и правъ
Въ семь случаевъ совсѣмъ неправъ.

XXV.

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ
И думать о красѣ ногтей:
Къ чему безплодно спорить съ вѣкомъ?
Обычай деспотъ межъ людей.
Второй * * *, мой Евгенийъ,
Боясь ревнивыхъ осужденій,
Въ своей одеждѣ былъ педантъ
И то, что мы назвали франтъ.
Онъ три часа по крайней мѣрѣ
Предъ зеркалами проводилъ,
И изъ уборной выходилъ
Подобный вѣтреной Венерѣ,

Когда, надѣвъ мужской нарядъ,
Богиня ѣдетъ въ маскарадъ.

XXVI.

Въ послѣднемъ вкусѣ туалетомъ
Занявъ вашъ любопытный взглядъ,
Я могъ бы предъ ученымъ свѣтомъ
Здѣсь описать его нарядъ;
Конечно бѣ это было смѣло,
Описывать мое же дѣло:
Но *панталоны, фракъ, жилетъ,*
Всѣхъ этихъ словъ на Русскомъ нѣтъ.
А вижу я, винюсь предъ вами,
Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
Пестрѣтъ гораздо меньше бѣ могъ
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывалъ я встарь
Въ Академическій Словарь.

XXVII.

У насъ теперь не то въ предметѣ.
Мы лучше поспѣшимъ на балъ,
Куда стремглавъ въ ямской каретѣ
Ужъ мой Онѣгинъ поскакалъ.
Передъ померкшими домами
Вдоль сонной улицы рядами
Двойные фонари каретъ

Веселый изливаютъ свѣтъ
 И радуги на снѣгъ наводятъ;
 Усыанъ плошками кругомъ,
 Блестить великолѣпный домъ;
 По цѣльнымъ окнамъ тѣни ходять,
 Мелькаютъ профили головъ,
 И дамъ, и модныхъ чудаковъ.

XXVIII.

Вотъ нашъ герой подѣхалъ къ сѣнямъ;
 Швейцара мимо онъ стрѣлой
 Взлетѣлъ по мраморнымъ ступенямъ,
 Расправилъ волоса рукой,
 Вошелъ. Полна народу зала;
 Музыка ужъ гремѣть устала;
 Толпа мазуркой занята;
 Кругомъ и шумъ и тѣснота;
 Бренчатъ кавалергарда шпоры;
 Летаютъ ножки милыхъ дамъ;
 По ихъ плѣнительнымъ слѣдамъ
 Летаютъ пламенные взоры,
 И ревомъ скрипокъ заглушенъ
 Ревнивый шопоть модныхъ женъ.

XXIX.

Во дни веселій и желаній
 Я былъ отъ баловъ безъ ума:

Вѣрный нѣтъ мѣста для признаній
И для врученія письма.
О вы, почтенные супруги!
Вамъ предложу свои услуги;
Прошу мою замѣтить рѣчь:
Я васъ хочу предостеречь.
Вы также, маменьки, поостроже
За дочерьми смотрите вслѣдъ,
Держите прямо свой лорнетъ;
Не то . . . не то, избави, Боже!
Я это потому пишу,
Что ужъ давно я не грѣшу.

XXX.

Увы, на разныя забавы
Я много жизни погубилъ!
Но если бѣ не страдали правы,
Я балы бѣ до сихъ поръ любилъ.
Люблю я бѣшепую младость,
И тѣсноту, и блескъ, и радость,
И дамъ обдуманнѣйшій нарядъ;
Люблю ихъ ножки: только врьдѣ
Найдете вы въ Россіи цѣлой
Три пары стройныхъ женскихъ ногъ.
Ахъ, долго я забыть не могъ
Двѣ ножки! . . . Грустный, охладѣлой,

Я все ихъ помню, и во снѣ
Онѣ тревожатъ сердце мнѣ.

XXXI.

Когда жъ, и гдѣ, въ какой пустынь,
Безумецъ, ихъ забудешь ты?
Ахъ, ножки, ножки! гдѣ вы нынѣ?
Гдѣ мнете вешніе цвѣты?
Взлелѣяны въ восточной нѣгѣ,
На сѣверномъ, печальномъ снѣгѣ
Вы не оставили слѣдовъ:
Любили мягкихъ вы ковровъ
Роскошное прикосновенье.
Давно ль для васъ я забывалъ
И жажду славы и похвалъ,
И край отцевъ и заточенье?
Исчезло счастье юныхъ лѣтъ,
Какъ на лугахъ вашъ легкій слѣдъ.

XXXII.

Діаны грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестнѣй чѣмъ-то для меня.
Она, пророчествуя взгляду
Неоцѣненную награду,
Влечетъ условною красой

Желаній своевольный рой.
Люблю ее, мой другъ Эльвина,
Подъ длинной скатертью столовъ,
Весной на муравѣ луговъ,
Зимой на чугуна камина,
На зеркальномъ паркете заль,
У моря на гранитѣ скаль.

XXXIII.

Я помню море предъ грозою:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться мильхъ ногъ устами!
Нѣтъ, никогда средъ пылкихъ дней
Кипящей младости моей
Я не желалъ съ такимъ мученьемъ
Лобзать уста младыхъ Армидъ,
Иль розы пламенныхъ ланитъ,
Иль перси, полныя томленьемъ,
Нѣтъ, никогда порывъ страстей
Такъ не терзалъ души моей!

XXXIV.

Мнѣ памятно другое время:
Въ завѣтныхъ иногда мечтахъ

Держу я счастливое стремя,
И ножку чувствую въ рукахъ;
Опять кипитъ воображенье,
Опять ея прикосновенье
Зажгло въ увидшемъ сердцѣ кровь,
Опять тоска, опять любовь. . .
Но полно прославлять надменныхъ
Болтливой лирою своей:
Онѣ не стоять ни страстей,
Ни пѣсень, ими вдохновенныхъ;
Слова и взоръ волшебницъ сихъ
Обманчивы, какъ ножки ихъ.

XXXV.

Что жъ мой Онѣгинъ? Полусонный
Въ постелю съ бала ѣдетъ онъ,
А Петербургъ неугомонный
Ужъ барабаномъ пробужденъ.
Встаетъ купецъ, идетъ разнощикъ,
На биржу тянется извозчикъ,
Съ кувшиномъ Охтенка спѣшитъ,
Подъ ней снѣгъ утренній хруститъ.
Проснулся утра шумъ пріятный;
Открыты ставни; трубный дымъ
Столбомъ восходитъ голубымъ,
И хлѣбникъ, Нѣмецъ аккуратный,

Въ бумажномъ колпакѣ, не разъ
Ужъ отворялъ свой *vasisдасъ*.

XXXVI.

Но, шумомъ бала утомленной
И утро въ полночь обрати,
Спокойно спить въ тѣни блаженной
Забавъ и роскоши дитя.
Проснется заплодень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра,
И завтра то же, что вчера.
Но былъ ли счастливъ мой Евгений,
Свободный, въ цвѣтъ лучшихъ лѣтъ,
Среди блистательныхъ побѣдъ,
Среди всеневныхъ наслаждений?
Вотще ли былъ онъ средь шировъ
Неосторожень и здоровъ?

XXXVII.

Нѣтъ: рано чувства въ немъ остыли;
Ему накучили свѣта шумъ;
Красавицы недолго были
Предметъ его привычныхъ думъ;
Пыльны утомить успѣли;
Друзья и дружба надошли,
Затѣмъ, что не всегда же могъ

Beef-steaks и Страсбургскій пирогъ
 Шампанской обливать бутылкой
 И сыпать острыя слова,
 Когда болѣла голова;
 И хоть онъ былъ повѣса пылкой,
 Но разлюбилъ онъ наконецъ
 И брань, и саблю, и свинець.

XXXVIII.

Недугъ, котораго причину
 Давно бы отыскать пора,
 Подобный Англійскому *сплину*,
 Короче: Русская *хандра*
 Имъ овладѣла понемногу;
 Онъ застрѣлиться, слава Богу,
 Попробовать не захотѣлъ,
 Но къ жизни вовсе охладѣлъ.
 Какъ *Child-Harold*, утрюмый, томный,
 Въ гостиныхъ появлялся онъ;
 Ни сплетни свѣта, ни бостонь,
 Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный,
 Ничто не трогало его,
 Не замѣчалъ онъ ничего.

XXXIX. XL. XLI.

.....

XLII.

Причудницы большаго свѣта!
Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ.
И правда то, что въ наши лѣта
Довольно скученъ высшій тонъ.
Хоть, можетъ быть, иная дама
Толкуеть Сея и Бентама;
Но вообще ихъ разговоръ
Несносный, хоть невинный вздоръ.
Къ тому жъ онъ такъ непорочны,
Такъ величавы, такъ умны,
Такъ благочестія полны,
Такъ осмотрительны, такъ точны,
Такъ неприступны для мужчинъ,
Что видъ ихъ ужъ раждаетъ сплинь ⁷.

XLIII.

И вы, красотки молодья,
Которыхъ позднею порой
Уносятъ дрожки удалья
По Петербургской мостовой,
П васъ покинулъ мой Евгенийъ.
Отступникъ бурныхъ наслажденій,
Онѣгинъ дома заперся,
Зѣвая за перо взялся,
Хотѣлъ писать: но трудъ упорный

Ему былъ тошень; ничего
Не вышло изъ пера его,
И не попалъ онъ въ цехъ задорный
Людей, о коихъ не сужу,
Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу.

XLIV.

И снова, преданный бездѣлю,
Томясь душевной пустотой,
Усѣлся онъ съ похвальной цѣлю
Себѣ присвоить умъ чужой;
Отрядомъ книгъ оставилъ полку,
Читаль, читаль, а все безъ толку:
Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
На всѣхъ различныя вериги;
И устарѣла старина,
И старымъ бредить новизна.
Какъ женщину, опъ оставилъ книги,
И полку, съ пыльной ихъ семьей,
Задержнулъ траурной тафтой.

XLV.

Условій свѣта свергнувъ бремя,
Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился я въ то время.
Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность

И рѣзкій, охлажденный умъ.
Я былъ озлобленъ, онъ утрюмъ;
Страстей игру мы знали оба:
Томила жизнь обоихъ насъ;
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ;
Обоихъ ожидала злоба
Слѣпой фортуны и людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней.

XLVI.

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей;
Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней:
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того змѣя воспоминаній,
Того раскаянье грызеть.
Все это часто придаетъ
Большую прелесть разговору.
Сперва Онѣгина языкъ
Меня смущалъ; но я привыкъ
Къ его язвительному спору,
И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
И злости мрачныхъ эпиграмъ.

XLVII.

Какъ часто лѣтнею порою,
Когда прозрачно и свѣтло

Ночное небо надъ Невою ⁸,
И водъ веселое стекло
Не отражаетъ ликъ Діаны,
Вспомня прежнихъ лѣтъ романы,
Вспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, безпечны вновь,
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Какъ въ лѣсъ зеленой изъ тюрьмы
Перенесенъ колодникъ сонной,
Такъ уносились мы мечтой
Къ началу жизни молодой.

XLVIII.

Съ душею, полной сожалѣній,
И опершися на гранитъ,
Стоялъ задумчиво Евгенийъ,
Какъ описаль себя Питтъ ⁹.
Все было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые,
Да дрожекъ отдаленный стукъ
Съ Мильонной раздавался вдругъ;
Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей рѣкѣ,
И насъ плѣняли вдалекѣ
Рожекъ и пѣсня удалая.

Но слаще, средь ночныхъ забавъ,
Напѣвъ Торкватовыхъ октавъ!

XLIX.

Адриатическія волны!
О Брента! нѣтъ, увижу васъ,
И, вдохновенья снова полный,
Услышу вашу волшебный гласъ!
Онъ святъ для внуковъ Аполлона;
По гордой лѣрѣ Альбіона
Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.
Ночей Италиі златой
Я нѣгой наслажусь на волѣ,
Съ Венеціанкою молодой,
То говорливой, то нѣмой,
Плывя въ таинственной гондолѣ;
Съ ней обрѣтутъ уста мои
Языкъ Петрарки и любви.

L.

Придетъ ли часъ моей свободы?
Пора, пора! взываю къ ней;
Брожу надъ моремъ ¹⁰, жду погоды,
Маню вѣтрила кораблей.
Подъ ризой бурь съ волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда жъ начну я вольный бѣгъ?

Пора покинуть скучный брегъ
Мнѣ нежрізненной стихіи,
И средь полуденныхъ зыбей,
Подъ небомъ Африки моей ¹¹,
Вздыхать о сумрачной Россіи,
Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ сердце я похоронилъ.

II.

Онѣгинъ былъ готовъ со мною
Увидѣть чуждыя страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгій срокъ разведены.
Отецъ его тогда скончался.
Передъ Онѣгинымъ собрался
Займодавецъ жадный полкъ.
У каждаго свой умъ и толкъ:
Евгеній, тяжбы ненавидя,
Довольный жребіемъ своимъ,
Наслѣдство предоставилъ имъ,
Большой потери въ томъ не видя,
Иль предузнавъ издалека
Кончину дяди старика.

III.

Вдругъ получилъ онъ въ самомъ дѣлѣ
Отъ управителя докладъ,

Что дядя при смерти въ постель
И съ нимъ проститься былъ бы радъ.
Прочтя печальное посланье,
Евгеній тотчасъ на свиданье
Стремглавъ по почтѣ поскакалъ.
И ужъ заранѣ зѣвалъ,
Приготовляясь, денегъ ради,
На вздохи, скуку и обманъ
(И тѣмъ я началъ мой романъ);
Но, прилетѣвъ въ деревню дяди,
Его нашель ужъ на столѣ,
Какъ дань, готовую землѣ.

LIII.

Нашель онъ полонъ дворъ услуги;
Къ покойнику со всѣхъ сторонъ
Съѣзжались недруги и други,
Охотники до похоронъ.
Покойника похоронили.
Попы и гости ѣли, пили,
И послѣ важно разошлись,
Какъ будто дѣломъ занялись.
Вотъ нашъ Онѣгинъ сельскій житель,
Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель
Хозяинъ полный, а досель
Порядка врагъ и расточитель,

И очень радъ, что прежній путь
Перемѣнилъ на что нибудь.

LIV.

Два дня ему казались новы
Уединенныя поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихаго ручья;
На третій, роща, холмъ и поле
Его не занимали болъ,
Потомъ ужъ наводили сонъ;
Потомъ увидѣлъ ясно онъ,
Что и въ деревнѣ скука таже,
Хоть нѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ,
Ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ.
Хандра ждала его на стражѣ,
И бѣгала за нимъ она,
Какъ тѣнь, иль вѣрная жена.

LV.

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
Въ глуши звучнѣе голосъ лирной,
Живѣе творческіе сны.
Досугамъ посвятятся невиннымъ,
Брожу надъ озеромъ пустыннымъ,
И *far niente* мой законъ.

Я каждыиъ утромъ пробужденъ
Для сладкой нѣги и свободы:
Читаю мало, много сплю,
Летучей славы не ловлю.
Не такъ ли я въ былые годы
Провелъ въ бездѣйствіи, въ тиши
Мои счастливейшіе дни?

LVI.

Цвѣты, любовь, деревня, праздность,
Поля! я преданъ вамъ душой.
Всегда я радъ замѣтить разность
Между Оцѣгинымъ и мной,
Чтобы насмѣшливый читатель,
Или какой нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здѣсь мои черты,
Не повторялъ потомъ безбожно,
Что намаралъ я свой портретъ,
Какъ Байронъ, гордости поэтъ,
Какъ будто намъ ужъ невозможно
Писать поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ?

LVII.

Замѣчу кстати: всѣ поэты
Любви мечтательной друзья.

Бывало, милые предметы
 Мнѣ снились, и душа моя
 Ихъ образъ тайный сохранила;
 Ихъ послѣ муза оживила:
 Такъ я, безпечень, воспѣвалъ
 И дѣву горь, мой идеаль,
 И плѣнницъ береговъ Салгира.
 Теперь отъ васъ, мои друзья,
 Вопросъ нерѣдко слышу я:
 «О комъ твоя вздыхаетъ лира?
 «Кому, въ толпѣ ревнивыхъ дѣвъ,
 «Ты посвятилъ ея напѣвъ?

LVIII.

«Чей взоръ, волнуня вдохновенье,
 «Умильной лаской наградилъ
 «Твое задумчивое пѣнье?
 «Кого твой стихъ боготворилъ?»
 И, други, никого, ей Богу!
 Любви безумную тревогу
 Я безотрадно испыталъ.
 Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
 Горячку рифмъ: онъ тѣмъ удвоилъ
 Поэзіи священный бредъ,
 Петраркѣ шествуя вослѣдъ,
 А муки сердца успокоилъ,

Поймалъ и славу между тѣмъ;
Но я, любя, былъ глушь и нѣмь.

LIX.

Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный умъ.
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
Пишу, и сердце не тоскуетъ;
Перо, забывшись, не рисуетъ,
Близъ неоконченныхъ стиховъ,
Ни женскихъ ножекъ, ни головъ;
Погасшій пепель ужъ не вспыхнетъ.
Я все грущу; но слезъ ужъ нѣтъ,
И скоро, скоро бури слѣдъ
Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ.
Тогда-то я начну писать
Поэму, пѣсень въ двадцать пять.

LX.

Я думалъ ужъ о формѣ плана,
И какъ героя назову.
Покаместъ моего романа
Я кончилъ первую главу;
Пересмотрѣлъ все это строго:
Противорѣчій очень много,
Но ихъ исправить не хочу.

Цензурѣ долгъ свой заплачу,
И журналистамъ на съѣденье
Плоды трудовъ моихъ отдамъ:
Иди же къ Невскимъ берегамъ,
Новорожденное творенье!
И заслужи мнѣ славы дань —
Кривые толки, шумъ и брань!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

—

О рус!

Всг.

О Русь!

I.

Деревня, гдѣ скучаль Евгений,
Была прелестный уголокъ;
Тамъ другъ невинныхъ наслаждений
Благословить бы небо могъ.
Господскій домъ, уединенный,
Горой отъ вѣтровъ огражденный,
Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
Луга и нивы золотыя,
Мелькали села здѣсь и тамъ,
Стада бродили по лугамъ,
И сѣни расширяль густыя

Огромный, запущенный садъ,
Приютъ задумчивыхъ дріадъ.

II.

Почтенный замокъ былъ построенъ,
Какъ замки строиться должны:
Отменно прочень и спокоень,
Во вкусъ умной старины.
Вездѣ высокіе покои,
Въ гостиной штофные обои,
Портреты дѣдовъ на стѣнахъ,
И печи въ пестрыхъ изразцахъ.
Все это нынѣ обветшало,
Не знаю право почему:
Да впрочемъ другу моему
Въ томъ нужды было очень мало,
Затѣмъ, что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

III.

Онъ въ томъ покоѣ поселился,
Гдѣ деревенскій старожиль
Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ.
Все было просто: полъ дубовый,
Два шкафа, столъ, диванъ пуховый,
Нигдѣ ни пятнышка чернилъ.

Онѣгинъ шкафы отворилъ:
Въ одномъ нашель тетрадь расхода,
Въ другомъ наливокъ цѣлый строй,
Кувшины съ яблочной водой,
И календарь осьмаго года:
Старикъ, имѣя много дѣлъ,
Въ иныя книги не глядѣлъ.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ только время проводить,
Сперва задумалъ нашъ Евгенийъ
Порядокъ новый учредить.
Въ своей глуши мудрецъ пустынной,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ:
Мужикъ судьбу благословилъ.
За то въ углу своемъ надулся,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его расчетливый сосѣдъ;
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ,
Что онъ опаснѣйшій чудакъ.

V.

Сначала всѣ къ нему ѣзжали;
Но такъ какъ съ задняго крыльца

Обыкновенно подавали
Ему Донскаго жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышатъ ихъ домашни дроги:
Поступкомъ оскорблясь такимъ,
Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
«Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродить,
«Онъ фармазонъ; онъ пьетъ одно
«Стаканомъ красное вино;
«Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
«Все да, да нлтъ, не скажетъ да-съ
«Иль нлтъ-съ.» Таковъ былъ общій гласъ.

VI.

Въ свою деревню въ ту же пору
Помѣщикъ новый прискакалъ,
И столь же строгому разбору
Въ сосѣдствѣ поводъ подавалъ:
По имени Владиміръ Лепской,
Съ душою прямо Геттингенской,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Поклонникъ Канта и поэтъ.
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,

Всегда восторженную рѣчь
И кудри черные до плечь.

VII.

Отъ хладнаго разврата свѣта
Еще увянуть не успѣвъ,
Его душа была согрѣта
Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ.
Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда;
Его лелѣяла надежда,
И міра новый блескъ и шумъ
Еще плѣнили юный умъ.
Онъ забавлялъ мечтою сладкой
Сомнѣнья сердца своего.
Цѣль жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой;
Надъ ней онъ голову ломалъ,
И чудеса подозрѣвалъ.

VIII.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна;
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждетъ она;
Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
За честь его принять оковы,
И что не дрогнетъ ихъ рука

Разбить сосудъ клеветника;
 Что есть избранные судьбою . . .

.

IX.

Негодованье, сожалѣнье,
 Ко благу чистая любовь,
 И славы сладкое мученье
 Въ немъ рано волновали кровь.
 Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтѣ;
 Подъ небомъ Шиллера и Гете,
 Ихъ поэтическимъ огнемъ
 Душа воспламенилась въ немъ;
 И музъ возвышенныхъ искусства,
 Счастливецъ, онъ не постыдилъ:
 Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
 Всегда возвышенныя чувства,
 Порывы дѣвственной мечты
 И прелесть важной простоты.

X.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
 И пѣснь его была ясна,

Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ.
Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
И нѣчто, и туману даль,
И романтическія розы;
Онъ пѣлъ тѣ дальныя страны,
Гдѣ долго въ лоно тишины
Лились его живыя слёзы;
Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ осмнадцать лѣтъ.

XI.

Въ пустынѣ, гдѣ одинъ Евгений
Могъ оцѣнить его дары,
Господь сосѣдственныхъ селеній
Ему не нравились пиры;
Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной.
Ихъ разговоръ благоразумной
О сѣнокосѣ, о винѣ,
О псарнѣ, о своей роднѣ,
Конечно, не блистала ни чувствомъ,
Ни поэтическимъ огнемъ,
Ни острою, ни умомъ,
Ни общежитія искусствомъ;

Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
Гораздо меньше былъ уменъ.

XII.

Богатъ, хорошъ собою, Ленскій
Вездѣ былъ принятъ какъ женихъ:
Таковъ обычай деревенскій;
Всѣ дочекъ прочили своихъ
За полурусскаго сосѣда.
Взойдетъ ли онъ — тотчасъ бесѣда
Заводитъ слово стороной
О скукѣ жизни холостой;
Зовутъ сосѣда къ самовару,
А Дуня разливаетъ чай;
Ей шепчутъ: «Дуня, примѣчай!»
Потомъ приносятъ и гитару:
И запищать она (Богъ мой!):
*Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!*¹² . . .

XIII.

Но Ленскій, не имѣвъ кончно
Охоты узы брака пестъ,
Съ Онъгинимъ желалъ сердечно
Знакомство покороче свестъ.
Они сошлись: волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой.

Сперва взаимной разнотою
Они другъ другу были скучны;
Потомъ поправились; потомъ
Съѣзжались каждый день верхомъ,
И скоро стали неразлучны.
Такъ люди, первый каюсь я,
Отъ *дѣлать-нечего* друзья.

XIV.

Но дружбы нѣтъ и той межъ нами;
Всѣ предразсудки истребя,
Мы почитаемъ всѣхъ пулями,
А единицами себя;
Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;
Двуногихъ тварей миллионы
Для насъ орудіе одно;
Намъ чувство дико и смѣшно.
Сносиѣ многихъ былъ Евгеній;
Хоть онъ людей, конечно, зналъ,
И вообще ихъ презиралъ;
Но правилъ нѣтъ безъ исключеній:
Пныхъ онъ очень отличалъ,
И вчужѣ чувство уважалъ.

XV.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой:
Поэта пылкій разговоръ,

И умъ, еще въ сужденьяхъ зыбкой,
И вѣчно вдохновенный взоръ —
Онъгину все было ново;
Онъ охладительное слово
Въ устахъ старался удержать,
И думалъ: глупо мнѣ мѣшать
Его минутному блаженству;
И безъ меня пора придетъ;
Пускай покамѣстъ онъ живетъ,
Да вѣритъ міра совершенству;
Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ
И юный жаръ, и юный бредъ.

XVI.

Межъ ними все раждало споры
И къ размышленію влекло:
Племеньъ минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предразсудки вѣковые,
И гроба тайны роковыя,
Судьба и жизнь, въ свою чреду,
Все подвергалось ихъ суду.
Поэтъ въ жару своихъ сужденій
Читалъ забѣвшисъ между тѣмъ,
Отрывки сѣверныхъ поэмъ;
И снисходительный Евгеній,

Хоть ихъ немного понималъ,
Прилежно юношѣ внималъ.

XVII.

Но чаще занимали страсти
Умы пустынниковъ моихъ.
Ушедъ отъ ихъ мятежной власти,
Онѣгинъ говорилъ объ нихъ
Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья.
Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненья
И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
Блаженный тотъ, кто ихъ не зналъ,
Кто охлаждалъ любовь разлукой,
Вражду злословіемъ; порой
Зѣвалъ съ друзьями и женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дѣдовъ вѣрный капиталъ
Коварной двойкѣ не ввѣрялъ!

XVIII.

Когда прибѣгнемъ мы подъ знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснетъ пламя,
И намъ становятся смѣшны
Ихъ своевольство, иль порывы
И запоздалые отзывы:
Смиренные не безъ труда,

Мы любимъ слушать иногда
Страстей чужихъ языкъ мятежный,
И намъ онъ сердце шевелить;
Такъ точно старѣй инвалидъ
Охотно клонить слухъ прилѣжный
Къ разговорамъ юныхъ усачей,
Забывшій въ хижинѣ своей.

XIX.

За то и пламенная младость
Не можетъ ничего скрывать:
Вражду, любовь, печаль и радость,
Она готова разболтать.
Въ любви считаясь инвалидомъ,
Онѣгинъ слушалъ съ важнымъ видомъ,
Какъ, сердца исповѣдь любя,
Поэтъ высказывалъ себя.
Свою доврчивую совѣсть
Онъ простодушно обнажалъ.
Евгеній безъ труда узналъ
Его любви младую повѣсть,
Обильный чувствами рассказъ,
Давно не новыми для насъ.

XX.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
Уже не любятъ; какъ одна

Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, вездѣ одно мечташье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль!
Ни охлаждающая даль,
Ни долгія лѣта разлуки,
Ни музамъ данные часы,
Ни чужеземныя красы,
Ни шумъ веселій, ни науки
Души не измѣнили въ немъ,
Согрѣтой дѣвственнымъ огнемъ.

XXI.

Чуть отрокъ, Ольгою плененный,
Сердечныхъ мукъ еще не зная,
Онъ былъ свидѣтель умиленный
Ея младенческихъ забавъ;
Въ тѣни хранительной дубравы
Онъ раздѣлялъ ея забавы,
И дѣтямъ прочили вѣнцы
Друзья-сосѣди, ихъ отцы.
Въ глуши, подъ сѣнью смиренной,
Невинной прелести полна,
Въ глазахъ родителей, она
Цвѣла какъ ландышъ потаенной,

Незнаемый въ травѣ глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII.

Она поэту подарила
Младыхъ восторговъ первый сонъ;
И мысль объ ней одушевила
Его цѣвницы первый стонъ.
Простите, игры золотыя!
Онъ рощи полюбилъ густыя,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звѣзды, и луну —
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулку средь вечерней тьмы,
И слезы, тайныхъ мукъ отраду. . . .
Но нынѣ видимъ только въ ней
Замѣну тусклыхъ фонарей.

XXIII.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда какъ утро весела,
Какъ жизнь поэта простодушна,
Какъ поцѣлуй любви мила,
Глаза какъ небо голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голосъ, легкій станъ,

Все въ Ольгѣ. но любой романъ
 Возьмите, и найдете вѣрно
 Ея портретъ: онъ оченъ милъ;
 Я прежде самъ его любилъ;
 Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно.
 Позвольте мнѣ, читатель мой,
 Заняться старшею сестрой.

XXIV.

Ея сестра звалась Татьяна ¹³. . . .
 Впервые именемъ такимъ
 Страницы нѣжныя романа
 Мы своевольно освятимъ.
 И что жъ? оно пріятно, звучно;
 Но съ нимъ, я знаю, неразлучно
 Воспоминанье старины
 Иль дѣвичьей. Мы всѣ должны
 Признаться, вкусу очень мало
 У насъ и въ нашихъ именахъ
 (Не говоримъ ужъ о стихахъ);
 Намъ просвѣщенье не пристало,
 И намъ досталось отъ него
 Жеманство — больше ничего.

XXV.

И такъ она звалась Татьяной.
 Ни красотой сестры своей,

Ни свѣжестью ея румяной,
Не привлекла бѣ она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто цѣлый день одна
Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей.
Ея изнѣженные пальцы
Не знали игль; склоняся на пальцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примѣта:
Съ послушной куклою дитя
Приготавливается шутя
Къ приличію, закону свѣта,

И важно повторяетъ ей
Уроки маменьки своей.

XXVII.

Но куклы, даже въ эти годы,
Татьяна въ руки не брала;
Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нею не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды; страшные рассказы
Зимою въ темнотѣ ночей
Плѣняли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги на широкій лугъ
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла :
Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ вѣтрныхъ утѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И, вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.

Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ празднои тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы;
Они ей замѣняли всё;
Она влюбилась въ обманы
И Ричардсона и Руссо.
Отецъ ея былъ добрый мальчикъ,
Въ прошедшемъ вѣкъ заповздалый,
Но въ книгахъ не видалъ вреда:
Онъ, не читая никогда,
Ихъ почиталъ пустой игрушкой,
И не заботился о томъ,
Какой у дочки тайный томъ
Дремалъ до утра подъ подушкой.
Жена жъ его была сама
Отъ Ричардсона безъ ума.

XXX.

Она любила Ричардсона,
Не потому, чтобы прочла,

Не потому, чтобъ Грандисона
Она Ловласу предпочла ¹⁴;
Но встарину Княжна Алина,
Ея Московская кузина,
Твердила часто ей объ нихъ.
Въ то время былъ еще женихъ
Ея супругъ, но по неволѣ;
Она вздыхала о другомъ,
Который сердцемъ и умомъ
Ей нравился гораздо болѣ;
Сей Грандисонъ былъ славный франтъ,
Игрокъ и гвардіи сержантъ.

XXXI.

Какъ онъ, она была одѣта
Всегда по модѣ и къ лицу.
Но не спросясь ея совѣта,
Дѣвицу повезли къ вѣнцу.
И чтобъ ея разсѣять горе,
Разумный мужъ уѣхалъ вскорѣ
Въ свою деревню, гдѣ она,
Богъ знаетъ кѣмъ окружена,
Рвалась и плакала сначала,
Съ супругомъ чуть не развелась;
Потомъ хозяйствомъ занялась,
Привыкла, и довольна стала.

Привычка свѣше намъ дана:
Замѣна счастію она ¹⁵.

XXXII.

Привычка усладила горе,
Неотразимое ничѣмъ;
Открытіе большое вскорѣ
Ее утѣшило совсѣмъ.
Она межъ дѣломъ и досугомъ
Открыла тайну, какъ супругомъ
Единовластно управлять,
И все тогда пошло настать.
Она ѣзжала по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ била осердясь,
Все это мужа не спросясь.

XXXIII.

Бывало, писывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью
И говорила нараспѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И Руской Н, какъ N Французскій,
Произносить умѣла въ носъ;

Но скоро все перевелось:
Корсетъ, альбомъ, Княжну Полину,
Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
Она забыла; стала звать
Акулькой прежнюю Селину,
И обновила наконецъ
На ватъ шафоръ и чепецъ.

XXXIV.

Но мужъ любилъ ее сердечно,
Въ ея затѣи не входилъ,
Во всемъ ей вѣровала безопасно,
А самъ въ халатъ ѣлъ и пилъ.
Покойно жизнь его катилась;
Подъ вечеръ иногда сходилась
Сосѣдей добрая семья,
Нецеремонные друзья,
И потужить, и позлословить,
И посмѣяться кой о чемъ.
Проходить время: между тѣмъ
Прикажутъ Ольгѣ чай готовить;
Тамъ ужинъ, тамъ и спать пора,
И гости ѣдутъ со двора.

XXXV.

Они хранили въ жизни мирной
Привычки милой старины;

У нихъ на масленицѣ жирной
Водились Русскіе блины.

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

Имъ квасъ какъ воздухъ былъ потребень,
И за столомъ у нихъ гостямъ
Носили блюда по чипамъ.

XXXVI.

И такъ они старѣли оба.
И отворились наконецъ
Передъ супругомъ двери гроба,
И новый онъ пріялъ вѣнецъ.
Онъ умеръ въ часъ передъ обѣдомъ,
Оплаканный своимъ сосѣдомъ,
Дѣтьми и вѣрною женой,
Чистосердечнѣй, чѣмъ иной.
Онъ былъ простой и добрый баринъ,
И тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
Надгробный памятникъ гласить:
Смиренный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ,

*Господній рабъ и Бригадиръ
Подъ камнею сямъ вкушаетъ миръ.*

XXXVII.

Своимъ пенатамъ возвращенный,
Владиміръ Ленскій посѣтилъ
Сосѣда памятникъ смиренный,
И вздохъ онъ пеплу посвятилъ;
И долго сердцу грустно было.
« *Roog-Yorick* ¹⁶! молвилъ онъ уныло,
« Онъ на рукахъ меня держалъ;
« Какъ часто въ дѣтствѣ я игралъ
« Его Очаковской медалью!
« Онъ Ольгу прочилъ за меня,
« Онъ говорилъ: дождусь ли дня? . . . »
И, полный искренней печалью,
Владиміръ тутъ же начерталъ
Ему надгробный мадригалъ.

XXXVIII.

И тамъ же надписью печальной
Отца и матери, въ слезахъ,
Почтилъ онъ прахъ патріархальной. . . .
Увы! на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ;

Другія имъ вослѣдъ идуть. . . .
 Такъ наше вѣтреное племя
 Растеть, волнуется, кипить
 И къ гробу прадедовъ тѣснить.
 Придетъ, придетъ и наше время,
 И паши внуки въ добрый часъ
 Изъ міра вытѣснятъ и насъ.

XXXIX.

Покамѣсть упивайтесь ею,
 Сей легкой жизнію, друзья!
 Ея ничтожность разумѣю,
 И мало къ ней привязанъ я;
 Для призраковъ закрылъ я вѣжды;
 Но отдаленныя надежды
 Тревожатъ сердце иногда:
 Безъ непримѣтнаго слѣда
 Мнѣ было бь грустно міръ оставить.
 Живу, пишу не для похвалъ;
 Но я бы, кажется, желалъ
 Печальный жребій свой прославить,
 Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
 Напомнилъ хоть единый звукъ.

XL.

И чье нибудь онъ сердце тронетъ;
 И сохраненная судьбой,

Быть можетъ, въ Лстѣ не потонеть
Строфа, слагаемая мной;
Быть можетъ — лестная надежда! —
Укажетъ будущій певѣжда
На мой прославленный портретъ,
И молвить: то-то былъ поэтъ!
Прими жъ мое благодаренье,
Поклонникъ мирныхъ аонидъ,
О ты, чья память сохранить
Мои летучія творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплетъ лавры старика!

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

—

Elle était fille, elle était amoureuse.

MALFILATEUR.

I.

«Куда? Ужъ эти мнѣ поэты!»

— Прощай, Онѣгинъ, мнѣ пора. —

«Я не держу тебя; но гдѣ ты
Свои проводишь вечера?»

— У Лариныхъ. — «Вотъ это чудно.

Помилуй! и тебѣ не трудно
Такъ каждый вечеръ убивать?»

— Ни мало. — «Не могу понять.

Отселѣ вижу, что такое:

Вопервыхъ, слушай, правъ ли я?

Простая, Русская семья,

Къ гостямъ усердіе большое,

Варенье, вѣчный разговоръ
 Про дождь, про лень, про скотный дворъ...

II.

— Я тутъ еще бѣды не вижу. —
 «Да скука, вотъ бѣда, мой другъ.»
 — Я модный свѣтъ вашъ ненавижу;
 Милѣ мнѣ домашній кругъ,
 Гдѣ я могу — «Опять эклога!
 Да полно, милый, ради Бога.
 Ну чтожь? ты ѣдешь: очень жаль.
 Ахъ, слушай, Ленскій, да нельзя ль
 Увидѣть мнѣ Филлиду эту,
 Предметъ и мыслей, и пера,
 И слезъ, и рифмъ et cetera?
 Представь меня.» — Ты шутишь. — «Нѣту.»
 — Я радъ. — «Когда же?» — Хоть сейчасъ.
 Онъ съ охотой примутъ насъ.

III.

Поѣдемъ. —

Поскакали друти,
 Явились; имъ расточены
 Порой тяжелыя услуги
 Гостепріимной старины.
 Обрядъ извѣстный угощенья:
 Несутъ на блюдечкахъ варенья,

На столикъ ставятъ вощаной
Кувшинъ съ брусничною водой.

.....
.....
.....
.....
.....

IV.

Они дорогой самой краткой
Домой летятъ во весь опоръ ¹⁵.
Теперь подслушаемъ украдкой
Героевъ нашихъ разговоръ.
— Ну что жъ, Онѣгинъ? ты зѣвасяшь. —
«Привычка, Ленскій.» — Но скучасяшь
Ты какъ-то больше. — «Нѣтъ, равно.
Однако въ полѣ ужъ темно;
Скорѣй! пошолъ, пошолъ, Андрюшка!
Какія глупыя мѣста!
А, кстати: Ларина проста,
Но очень милая старушка;
Боюсь: брусничная вода
Мнѣ не надѣлала бъ вреда.

V.

Скажи, которая Татьяна?»
— Да та, которая, грустна

И молчалива какъ Свѣтлана,
Вошла и сѣла у окна. —
«Не ужь-то ты влюбленъ въ меньшую?»
—А что? — «Я выбралъ бы другую,
Когда бъ я былъ, какъ ты, поэтъ.
Въ чертахъ у Ольги жизни нѣтъ,
Точь въ точь въ Вандиковой Мадонѣ:
Кругла, красна лицомъ она,
Какъ эта глупая луна
На этомъ глупомъ небосклонѣ.»
Владиміръ сухо отвѣчалъ,
И послѣ во весь путь молчалъ.

VI.

Межъ тѣмъ Онѣгина явленье
У Лариныхъ произвело
На всѣхъ большое впечатлѣнье,
И всѣхъ сосѣдей развлекло.
Пошла догадка за догадкой.
Всѣ стали толковать украдкой,
Шутить, судить не безъ грѣха,
Татьянѣ прочить жениха;
Иные даже утверждали,
Что свадьба слажена совсѣмъ,
Но остановлена затѣмъ,
Что модныхъ колець не достали.

О свадьбѣ Ленскаго давно
У нихъ ужъ было рѣшено.

VII.

Татьяна слушала съ досадою
Такія сплетни; но тайкомъ
Съ неизъяснимою отрадой
Невольно думала о томъ;
И въ сердце дума заронила;
Пора пришла, она влюбилась:
Такъ въ землю падшее зерно
Весны огнемъ оживлено.
Давно ея воображенье,
Старая нѣгой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Тѣснило ей младую грудь;
Душа ждала ... кого нибудь,

VIII.

И дождалась. Открылись очи;
Она сказала: это онъ!
Увы! теперь и дни, и ночи,
И жаркій, одинокій сонъ,
Все полно имъ; все дѣвъъ милой
Безъ умолку волшебной силой
Твердить о немъ. Докучны ей

И звуки ласковыхъ рѣчей,
И взоръ заботливой прислуги.
Въ уныніе погружена,
Гостей не слушаетъ она,
И проклиняетъ ихъ досуги,
Ихъ неожиданный прїѣздъ
И продолжительный присѣсть.

IX.

Теперь съ какимъ она вниманьемъ
Читаетъ сладостный романъ,
Съ какимъ живымъ очарованьемъ
Пьетъ обольстительный обманъ!
Счастливой силою мечтанья
Одушевленные созданья,
Любовникъ Юліи Вольмаръ,
Малекъ-Адель и де Линаръ,
И Вертеръ, мученикъ мятежной,
И безподобный Грандисонъ ¹⁸,
Который намъ наводитъ сонъ,
Всѣ для мечтательницы нѣжной
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онѣгинѣ слились.

X.

Воображаясь героиней
Своихъ возлюбленныхъ творцовъ,

Кларисой, Юліей, Дельфиной,
Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
Одна съ опасной книгой бродить :
Она въ ней ищетъ и находитъ
Свой тайный жаръ, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхаетъ, и, себѣ присвоя
Чужой восторгъ, чужую грусть,
Въ забвеньи шепчетъ наизусть
Письмо для милаго героя.
Но нашъ герой, кто бъ ни былъ онъ,
Ужъ вѣрно былъ не Грандисонъ.

XI.

Свой слогъ на важный ладъ настрая,
Бывало, пламенный творецъ
Являлъ намъ своего героя
Какъ совершенства образецъ.
Онъ одарялъ предметъ любимый,
Всегда неправедно гонимый,
Душой чувствительной, умомъ
И привлекательнымъ лицомъ.
Питая жаръ чистѣйшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готовъ былъ жертвовать собой,
И при концѣ послѣдней части

Всегда наказанъ былъ порокъ,
Добру достойный былъ вѣнокъ.

ХІІ.

А нынче всѣ умы въ туманѣ,
Мораль на насъ наводитъ сонъ.
Порокъ любезенъ и въ романѣ,
И тамъ ужъ торжествуетъ онъ.
Британской музы небыллицы
Тревожатъ сонъ отроковицы,
И сталъ теперь ея кумиръ
Или задумчивый Вампиръ,
Или Мельмотъ, бродяга мрачный,
Иль Вѣчный Жидъ, или Корсаръ,
Или таинственный Сбогаръ ⁴⁹.
Лордъ Байронъ прихотью удачной
Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ.

ХІІІ.

Друзья мои, что жъ толку въ этомъ?
Быть можетъ, волею небесъ,
Я перестану быть поэтомъ,
Въ меня вселится новый бѣсъ,
И, Фебовы презрѣвъ угрозы,
Унижусь до смиренной прозы:
Тогда романъ на старѣйшій ладъ

Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья Рускаго семейства,
Любви плѣнительные сны,
Да нравы нашей старины.

XIV.

Перескажу простыя рѣчи
Отца или дяди старика,
Дѣтей условенныя втрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка,
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья;
Поссорю вновь, и наконецъ
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ...
Я вспомню рѣчи нѣги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которыя въ минувши дни
У ногъ любовницы прекрасной
Мнѣ приходили на языкъ,
Отъ коихъ я теперь отвыкъ.

XV.

Татьяна, милая Татьяна!
Съ тобой теперь я слезы лью;

Ты въ руки моднаго тирапа
Ужь отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты въ ослѣпительной надеждѣ
Блаженство темное зовешь,
Ты нѣгу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный ядъ желаній,
Тебя преслѣдуютъ мечты:
Вездѣ воображаешь ты
Приюты счастливыхъ свиданій;
Вездѣ, вездѣ передъ тобой
Твой искуситель роковой.

XVI.

Тоска любви Татьяну гонить,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонить,
И лѣнь ей далѣ ступить:
Приподнялася грудь, лапаты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухъ шумъ, и блескъ въ очахъ...
Настанетъ ночь; луна обходитъ
Дозоромъ дальный сводъ небесъ,
И соловей во мглѣ древесъ
Нагѣвы звучные заводитъ.

Татьяна въ темнотѣ не спитъ
И тихо съ няней говоритъ:

XVII.

«Не спится, няня: здѣсь такъ душно!
Открой окно, да сядь ко мнѣ.»
— Что, Таня, что съ тобой? — «Мнѣ скучно,
Поговоримъ о старинѣ.»
— О чемъ же, Таня! Я, бывало,
Хранила въ памяти немало
Старинныхъ былей, небылицъ
Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ;
А нынѣ все мнѣ темно, Таня:
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая череда!
Зашибло — «Разкажи мнѣ, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?»

XVIII.

— И, полно, Таня! Въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь. —
«Да какъ же ты вѣнчалась, няня?»
— Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,

А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
 Недѣли двѣ ходила сваха
 Къ моей роднѣ, и наконецъ
 Благословилъ меня отецъ.
 Я горько плакала со страха;
 Мнѣ съ плачемъ косу расплели,
 И съ пѣньемъ въ церковь повели.

XIX.

И вотъ ввели въ семью чужую...
 Да ты не слушаешь меня... —
 «Ахъ, няня, няня, я тоскую,
 Мнѣ тошно, милая моя :
 Я плакать, я рыдать готова!...»
 — Дитя мое, ты нездорова;
 Господь, помилуй и спаси!
 Чего ты хочешь, попроси...
 Дай окроплю святой водою,
 Ты вся горишь.. — «Я не больна;
 Я... знаешь, няня, ... влюблена.»
 — Дитя мое, Господь съ тобою! —
 И няня дѣвушку съ мольбой
 Крестила дряхлою рукой.

XX.

« Я влюблена, » шептала снова
 Старушкѣ съ горестью она.

— Сердечный другъ, ты нездорова. —

« Оставь меня: я влюблена. »

И между тѣмъ луна сіяла
И темнымъ свѣтомъ озарила
Татьяны блѣдныя красы,
И распущенные власы,
И капли слезъ, и на скамейкѣ
Предъ героиней молодой,
Съ платкомъ на головѣ сѣдой,
Старушку въ длинной тѣлогрѣйкѣ;
И все дремало въ тишинѣ
При вдохновительной лунѣ.

XXI.

И сердцемъ далеко носилась
Татьяна, смотря на луну...
Вдругъ мысль въ умѣ ея родилась...
« Поди, оставь меня одну.
Дай, няня, мнѣ перо, бумагу,
Да столъ подвинь; я скоро лягу;
Прости. » И вотъ она одна.
Все тихо. Свѣтитъ ей луна.
Облокотясь, Татьяна пишетъ,
И все Евгенийъ на умѣ,
И въ необдуманномъ письмѣ
Любовь невинной дѣвы дышетъ.

Письмо готово, сложено . . .
Татьяна! для кого жъ оно?

XXII.

Я зналъ красавицъ недоступныхъ,
Холодныхъ, чистыхъ какъ зима,
Неумолимыхъ, неподкупныхъ,
Непостижимыхъ для ума;
Дивился я ихъ спѣси модной,
Ихъ добродѣтели природной,
И признаюсь, отъ нихъ бѣжалъ,
И, мнится, съ ужасомъ читалъ
Надъ ихъ бровями надпись ада:
Оставь надежду навсегда ²⁰.
Внушать любовь для нихъ бѣда,
Пугать людей для нихъ отрада.
Быть можетъ, на берегахъ Невы
Подобныхъ дамъ видали вы.

XXIII.

Среди поклонниковъ послушныхъ
Другихъ причудницъ я видалъ,
Самолюбиво - равнодушныхъ
Для вздоховъ страстныхъ и похвалъ.
И что жъ нашелъ я съ изумленьемъ?
Онѣ, суровымъ поведеньемъ
Пугая робкую любовь,

Ее привлечь умѣли вновь
По крайней мѣрѣ сожалѣньемъ,
По крайней мѣрѣ, звукъ рѣчей
Казался иногда пѣжпѣй.
И съ легковѣрнымъ ослѣпленьемъ
Опять любовникъ молодой
Бѣжалъ за милой суетой.

XXIV.

За что жъ виновнѣ Татьяна?
За то ль, что въ милой простотѣ
Она не вѣдаетъ обмана
И вѣрять избранной мечтѣ?
За то ль, что любить безъ искусства,
Послушная влеченью чувства,
Что такъ довѣрчива она,
Что отъ небесъ одарена
Воображеніемъ мятежнымъ,
Умомъ и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцемъ пламеннымъ и пѣжнымъ?
Ужели не простите ей
Вы легкомыслія страстей?

XXV.

Кокетка судить хладнокровно;
Татьяна любить пещутя

И предается безусловно
Любви, какъ милое дитя.
Не говорить она: отложимъ —
Любви мы цѣну тѣмъ умножимъ,
Вѣрнѣе въ сѣти заведемъ;
Сперва тщеславіе кольнемъ
Надеждой, тамъ недоумѣньемъ
Измучимъ сердце, а потомъ
Ревнивымъ оживимъ огнемъ;
А то, скучая наслажденьемъ,
Невольникъ хитрый изъ оковъ
Всечасно вырваться готовъ.

XXVI.

Еще предвижу затрудненье:
Родной земли спасая честь,
Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
Письмо Татьяны перевести.
Она поруски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала,
И выражалася съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ,
И такъ писала пофранцузски...
Что дѣлать! повторяю вновь:
Донинѣ дамская любовь
Не изъяснялася поруски,

Донынѣ гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

XXVII.

Я знаю: дамъ хотѣтъ заставить
Читать поруски. Право, страхъ!
Могу ли ихъ себѣ представить
Съ Благонамѣреннымъ ²¹ въ рукахъ!
Я шлюсь на васъ, мои поэты,
Не правда ль: ~~милые~~ предметы,
Которымъ за свои грѣхи
Писали втайнѣ вы стихи,
Которымъ сердце посвящали,
Не всѣ ли, Рускимъ языкомъ
Владѣя слабо и съ трудомъ,
Его такъ мило искажали,
И въ ихъ устахъ языкъ чужой
Не обратился ли въ родной?

XXVIII.

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ
Иль при разѣздѣ на крыльцѣ
Съ семинаристомъ въ желтой шалѣ
Иль съ академикомъ въ чепцѣ!
Какъ усть румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я Руской рѣчи не люблю.

Быть можетъ, на бѣду мою,
 Красавицъ новыхъ поколѣнъе,
 Журналовъ внявъ молящій гласъ,
 Къ грамматикѣ пріучить насъ;
 Стихи введутъ въ употребленье:
 Но я какое дѣло мнѣ?
 Я вѣренъ буду старинѣ.

XXIX.

Неправильный, небрежный лепеть,
 Неточный выговоръ рѣчей
 Попрежнему 'сердечный трепеть
 Произведутъ въ груди моей;
 Раскаяться во мнѣ нѣтъ силы,
 Мнѣ галлицизмы будутъ милы,
 Какъ прошлой юности грѣхи,
 Какъ Богдановича стихи.
 Но полно. Мнѣ пора заняться
 Письмомъ красавицы моей;
 Я слово даль, и что жъ? ей-ей
 Теперь готовъ ужъ отказаться.
 Я знаю: нѣжнаго Парни
 Перо не въ модѣ въ наши дни.

XXX.

Пѣвецъ Пировъ и грусти томной ²²,
 Когда бъ еще ты былъ со мной,

Я сталъ бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, мильй мой:
Чтобъ на волшебныя напѣвы
Переложилъ ты страстной дѣвы
Иноплеменные слова.
Гдѣ ты? приди: свои права
Передаю тебѣ съ поклономъ
Но посреди печальныхъ скалъ,
Отвыкнувъ сердцемъ отъ похвалъ,
Одинъ подъ Финскимъ небосклономъ
Онъ бродить, и душа его
Не слышитъ горя моего.

XXXI.

Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу.
Читаю съ тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушалъ и эту нѣжность,
И словъ любезную небрежность?
Кто ей внушалъ умильный вздоръ,
Безумный сердца разговоръ
И увлекательный, и вредный?
Я не могу понять. Но вотъ
Неполный, слабый переводъ,
Съ живой картины списокъ блѣдный,
Или разыгранный Фрейшицъ
Перстами робкихъ ученицъ.

Письмо Татьяны къ Онъгину.

« Я къ вамъ пишу — чего же болѣ?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать.
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотѣла;
Повѣрьте: моего стыда
Вы не узнали бѣ никогда,
Когда бѣ надежду я имѣла,
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ,
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать объ одномъ
И день и ночь до новой встрѣчи.
Но говорятъ, вы нелюдимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ, все вамъ скучно,
А мы... ничѣмъ мы не блестимъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.
Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья
Я никогда не знала бѣ васъ,
Не знала бѣ горькаго мученья.

Души неопытной волненья
Смиривъ современемъ (какъ знать?),
Посердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.

« Другой! . . . Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала бы сердца я!
То въ вышнемъ суждено совѣтъ . . .
То воля Неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой . . .
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся;
Незримый, ты мнѣ былъ ужь милъ,
Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твой голосъ раздавался
Давно . . . нѣтъ, это былъ не сонъ!
Ты чуть вошелъ, я вмигъ узнала,
Вся обомлѣла, запылала
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой улаждала
Тоску волнуемой души?

И въ это самое мгновенье
Не ты ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,
Приникнулъ тихо къ изголовью?
Не ты ль, съ отрадой и любовью,
Слова надежды мнѣ шепнулъ?
Кто ты: мой Ангелъ ли хранитель,
Или коварный искуситель?
Мои сомнѣнья разрѣши.
Быть можетъ, это все пустое,
Обманъ неопытной души!
И суждено совсѣмъ иное....
Но такъ и быть! Судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ;
Разсудокъ мой изнемогаетъ,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единымъ взоромъ
Надежды сердца оживи,
Иль сонъ тяжелый перерви,
Увы, заслуженнымъ укоромъ!

« Кончаю! странно перечестъ....
Стыдомъ и страхомъ замираю...

Но мнѣ порукой ваша честь,
И смѣло ей себя ввѣрю . . . »

XXXII.

Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ;
Письмо дрожить въ ея рукѣ;
Облатка розовая сохнетъ
На воспаленномъ языкѣ.
Къ плечу головушкой склонилась.
Сорочка легкая спустилась
Съ ея прелестнаго плеча.
Но вотъ ужъ лунаго луча
Сіянье гаснетъ. Тамъ долина
Сквозь паръ яснѣетъ. Тамъ потокъ
Засеребрился; тамъ рожокъ
Пастушій будитъ семянина.
Вотъ утро; встали всѣ давно:
Моей Татьянѣ все равно.

XXXIII.

Она зари не замѣчаетъ,
Сидитъ съ поникшею главой,
И на письмо не напираетъ
Своей печати вырѣзной.
Но, дверь тихонько отпирая,
Ужъ ей Филипьевна сѣдал
Приносить на подносѣ чай.

— Пора, дитя мое, вставай:
 Да ты, красавица, готова!
 О пташка ранняя моя!
 Вечоръ ужъ какъ боялась я!
 Да, слава Богу, ты здорова!
 Тоски ночной и слѣду нѣтъ,
 Лице твое какъ маковъ цвѣтъ. —

XXXIV.

« Ахъ! няня, сдѣлай одолженье . . . »
 — Изволь, родная, прикажи! —
 « Не думай . . . право . . . подозрѣнье . . .
 Но видишь . . . ахъ! не откажи. »
 — Мой другъ, вотъ Богъ тебѣ порука. —
 « И такъ пошли тихонько внука
 Съ запиской этой къ О . . . къ тому . . .
 Къ сосѣду . . . да велѣть ему,
 Чтобъ онъ не говорилъ ни слова,
 Чтобъ онъ не называлъ меня . . . »
 — Кому-же, милая моя?
 Я нынче стала безтолкова.
 Кругомъ сосѣдей много есть:
 Куда мнѣ ихъ и перечестъ. —

XXXV.

« Какъ недогадлива ты, няня! »
 — Сердечной другъ, ужъ я стара,

Стара; тупѣть разумъ, Таня;
 А то, бывало, я востра:
 Бывало, слово барской воли... —
 « Ахъ, няня, няня! до того ли?
 Что нужды мнѣ въ твоємъ умѣ?
 Ты видишь, дѣло о письмѣ
 Къ Онѣгину. » — Ну дѣло, дѣло.
 Не гнѣвайся, душа моя,
 Ты знаешь, непонятна я...
 Да что жъ ты снова поблѣднѣла? —
 « Такъ, няня, право ничего.
 Пошли же внука своего. »

XXXVI.

Но день протекъ, и нѣтъ отвѣта.
 Другой насталь: все нѣтъ, какъ нѣтъ.
 Блѣдна какъ тѣнь, съ утра одѣта,
 Татьяна ждетъ: когда жъ отвѣтъ?
 Приѣхаль Ольгинъ обожатель.
 « Скажите: гдѣ же вашъ пріятель? »
 Ему вопросъ хозяйки былъ:
 « Онъ что-то насъ совсѣмъ забылъ. »
 Татьяна вспыхнувъ задрожала.
 — Сегодня быть онъ обѣщаль, —
 Старушкѣ Ленской отвѣчалъ:
 — Да видно почта задержала. —

Татьяна потушила взоръ,
Какъ будто слыша злой укоръ.

XXXVII.

Смеркалось; на столъ блистая
Шипѣль вечерній самоваръ,
Китайскій чайникъ нагрѣвая;
Подъ нимъ клубился легкій паръ.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкамъ темною струею
Уже душистый чай бѣжалъ,
И сливки мальчикъ подавалъ;
Татьяна предъ окномъ стояла,
На стекла хладныя дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестнымъ пальчикомъ писала
На отуманенномъ стеклѣ
Завѣтный вензель *O* да *E*.

XXXVIII.

И между тѣмъ душа въ ней ныла,
И слезъ былъ полонъ томный взоръ.
Вдругъ топотъ! . . . кровь ея застыла.
Вотъ ближе! скачутъ . . . и на дворъ
Евгеній. «Ахъ!» и легче тѣни
Татьяна прыгъ въ другія сѣни,
Съ крыльца на дворъ, и прямо въ садъ;

Летить, летить; взглянуть назадъ
 Не смѣть; мигомъ обѣжала
 Куртины, мостики, лужокъ,
 Аллею къ озеру, лѣсокъ,
 Кусты сирень переломала,
 По цвѣтникамъ летя къ ручью,
 И задыхаясь на скамью

XXXIX.

Упала. . .

«Здѣсь онъ! здѣсь Евгений!

О Боже! что подумалъ онъ! »
 Въ ней сердце, полное мученій,
 Хранить надежды темный сонъ;
 Она дрожить и жаромъ пышитъ,
 И ждетъ: нейдетъ ли? Но не слышитъ.
 Въ саду служанки на грядкахъ
 Сбирали ягоды въ кустахъ
 И хоромъ понаказу пѣли
 (Наказъ, основанный на томъ,
 Чтобъ барской ягоды тайкомъ
 Уста лукавыя не ѣли,
 И пѣньемъ были заняты:
 Затѣя сельской остроты!).

Пѣсня двѣушекъ.

« Дѣвицы, красавицы,
 Душеньки, подруженьки,

Разыграйтесь, дѣвицы,
Разгуляйтесь, милья!
Затяните пѣсенку,
Пѣсенку завѣтную,
Заманите молодца
Къ хороводу нашему.
Какъ заманимъ молодца,
Какъ завидимъ издали,
Разбѣжимтесь, милья,
Закидаемъ вишенъемъ,
Вишенъемъ, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Пѣсенки завѣтныя,
Не ходи подсматривать
Игры наши дѣвичьи.»

XL.

Онѣ поють, и съ небреженьемъ
Внимая звонкій голосъ ихъ,
Ждала Татьяна съ нетерпѣньемъ,
Чтобъ трепеть сердца въ ней затихъ,
Чтобы прошло ланить пыланье
Но въ персяхъ то же трепетанье,
И не проходитъ жаръ ланить,
Но ярче, ярче лишь горить.
Такъ бѣдный мотылекъ и блещеть,

И бьется радужнымъ крыломъ,
Плѣненный школьнымъ шалуномъ;
Такъ зайчикъ въ озими трепещетъ,
Увидя вдругъ издалека
Въ кусты припадшаго стрѣлка.

XLI.

Но наконецъ она вздохнула
И встала со скамьи своей;
Пошла : но только повернула
Въ аллею; прямо передъ ней,
Блестая взорами, Евгений
Стоить подобно грозной тѣни,
И какъ огнемъ обожжена
Остановилась она.
Но слѣдствія неожиданой встрѣчи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не въ силахъ я;
Мнѣ должно послѣ долгой рѣчи
И погулять и отдохнуть:
Докончу послѣ какъ нибудь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

—

La morale est dans la nature de choses.

Нескжж.

I. II. III. IV. V. VI. ²³

VII.

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,
И тѣмъ ее вѣрнѣе губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей.
Развратъ бывало хладнокровной
Наукой славился любовной,
Самъ о себѣ вездѣ трубя,
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хваленыхъ дѣдовскихъ времянь:
Ловласовъ обветшала слава

Со славой красныхъ каблуковъ
И величавыхъ париковъ.

VIII.

Кому не скучно лицемѣрить,
Различно повторять одно?
Стараться важно въ томъ увѣрить,
Въ чемъ всѣ увѣрены давно?
Все тѣ же слышать возраженья;
Уничтожать предразсужденья,
Которыхъ не было и нѣтъ
У дѣвочки въ тринадцать лѣтъ?
Кого не утомятъ угрозы,
Моленья, клятвы, мнимый страхъ,
Записки на шести листахъ,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры тетокъ, матерей,
И дружба тяжкая мужей?

IX.

Такъ точно думалъ мой Евгенийъ.
Онъ въ первой юности своей
Былъ жертвой бурныхъ заблужденій
И необузданныхъ страстей.
Привычкой жизни избалованъ,
Однимъ навремя очарованъ,
Разочарованный другимъ,

Желаньемъ медленно томимъ,
Томимъ и вѣтреннымъ успѣхомъ,
Внимая въ шумѣ и въ тиши
Роптанье вѣчное души,
Зѣвоту подавляя смѣхомъ:
Вотъ, какъ убиль онъ восемь лѣтъ,
Утрата жизни лучшей цвѣтъ.

X.

Въ красавицъ онъ ужъ не влюблялся,
А волочился какъ нибудъ;
Откажутъ — мигомъ утѣшался;
Измѣнять — радъ былъ отдохнуть.
Онъ ихъ искалъ безъ упоенья,
А оставлялъ безъ сожалѣнья,
Чуть помня ихъ любовь и злость.
Такъ точно равнодушный гость
На *вистъ* вечерній прѣзжаетъ,
Садится; кончилась игра,
Онъ уѣзжаетъ со двора,
Спокойно дома засыпаетъ,
И самъ не знаетъ поутру,
Куда поѣдетъ ввечеру.

XI.

Но, получивъ посланье Тани,
Онѣгинъ живо тронуть былъ:

Языкѣ дѣвическихъ мечтаній
Въ немѣ думы роємъ возмутилъ;
И вспомнилъ онъ Татьяны милой
И блѣдный цвѣтъ, и видъ унылой;
И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
Душею погрузился онъ.
Быть можетъ, чувствій пылъ старинной
Имъ паминуту овладѣлъ;
Но обмануть онъ не хотѣлъ
Довѣрчивость души невинной.
Теперь мы въ садъ перелетимъ,
Гдѣ встрѣтилась Татьяна съ нимъ.

XII.

Минуты двѣ они молчали,
Но къ ней Онѣгинъ подошелъ
И молвилъ: « Вы ко мнѣ писали,
Не отпирайтесь. Я прочелъ
Души довѣрчивой признанья,
Любви невинной изліянья;
Мнѣ ваша искренность мила;
Она въ волненье привела
Давно умолкнувшія чувства;
Но васъ хвалить я не хочу;
Я за нее вамъ отплачу
Признаньемъ также безъ искусства;

Примите исповѣдь мою:
Себя на судъ вамъ отдаю.

XIII.

« Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ
Я ограничить захотѣлъ ;
Когда бъ мнѣ быть отцемъ, супругомъ
Пріятный жребій повелѣлъ ;
Когда бъ семейственной картиной
Плѣнился я хоть мигъ единой:
То вѣрно бъ кромѣ васъ одной
Невѣсты не искалъ иной.
Скажу безъ блестоковъ мадригальныхъ:
Нашедъ мой прежній идеалъ,
Я вѣрно бъ васъ одну избралъ
Въ подружки дней моихъ печальныхъ,
Всего прекраснаго въ залогъ,
И былъ бы счастливъ . . . сколько могъ!

XIV.

« Но я не созданъ для блаженства:
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Ихъ вовсе не достоинъ я.
Повѣрьте (совѣсть въ томъ порукой),
Супружество намъ будетъ мукой.
Я, сколько ни любилъ бы васъ,

Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;
Начнете плакать: ваши слезы
Не тронуть сердца моего,
А будутъ лишь бѣсить его.
Судите жъ вы, какія розы
Намъ заготовить Гименей
И, можетъ быть, на много дней!

XV.

« Что можетъ быть на свѣтѣ хуже
Семьи, гдѣ бѣдная жена
Груститъ о недостойномъ мужѣ
И днемъ и вечеромъ одна;
Гдѣ скучный мужъ, ей цѣну зная
(Судьбу однако жъ проклиная),
Всегда нахмурень, молчаливъ,
Сердитъ и холодно-ревнивъ!
Таковъ я. И того ль искали
Вы чистой, пламенной душой,
Когда съ такою простотою,
Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали?
Ужели жребій вамъ такой
Назначень строгою судьбой?

XVI.

« Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата;
Не обновлю души моей. . .

Я васъ люблю любовью брата
 И, можетъ быть, еще нѣжнѣй.
 Послушайте жъ меня безъ гнѣва:
 Смѣнитъ неразъ младая дѣва
 Мечтами легкія мечты:
 Такъ деревцо свои листы
 Мѣняетъ съ каждою весною.
 Такъ видно Небомъ суждено.
 Полюбите вы снова: но . . .
 Учитесь властвовать собою,
 Не всякой васъ, какъ я, пойметъ;
 Къ бѣдѣ неопытность ведетъ. »

XVII.

Такъ проповѣдывалъ Евгений.
 Сквозь слезъ не видя ничего,
 Едва дыша, безъ возраженій,
 Татьяна слушала его.
 Онъ подаль руку ей. Печально
 (Какъ говорится, *машинально*)
 Татьяна молча оперлась;
 Головкой томною склонясь,
 Пошла домой вокругъ огорода;
 Явились вмѣстѣ, и никто
 Не вздумалъ имъ пѣнять на то:
 Имѣть сельская свобода

Свои счастливыя права,
Какъ и надменная Москва.

XVIII.

Вы согласитесь, мой читатель,
Что очѣнь мило поступилъ
Съ печальной Таней нашъ пріятель;
Не въ первый разъ онъ тутъ явилъ
Души прямое благородство,
Хотя людей недоброхотство
Въ немъ не падило ничего.
Враги его, друзья его
(Что, можетъ быть, одно и тоже)
Его честили такъ и сякъ.
Враговъ имѣеть въ мірѣ всякъ:
Но отъ друзей спаси насъ, Боже!
Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!
Объ нихъ недаромъ вспомнилъ я.

XIX.

А что? Да такъ. Я усыплю
Пустыя, черныя мечты;
Я только въ скобкахъ замѣчаю,
Что нѣтъ презрѣнной клеветы,
На чердакъ вралемъ рожденной
И свѣтской чернью ободренной,
Что нѣтъ нелѣпицы такой,

Ни эпиграмы площадной,
Которой бы вашъ другъ съ улыбкой,
Въ кругу порядочныхъ людей,
Безъ всякой злобы и затѣй,
Не повторилъ стократъ ошибкой;
А впрочемъ онъ за васъ горой:
Онъ васъ такъ любить . . . какъ родной!

XX.

Гм! гм! Читатель благородной,
Здорова ль ваша вся родня?
Позвольте: можетъ быть, уютно
Теперь узнать вамъ отъ меня,
Что значать именно *родные*.
Родные люди вотъ какіе:
Мы ихъ обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О Рождествѣ ихъ навѣщать,
Или по почтѣ поздравлять,
Чтобъ остальное время года
Не думали о насъ они . . .
И такъ, дай Богъ имъ долги дни!

XXI.

За то любовь красавицъ нѣжныхъ
Надежнѣй дружбы и родства:

Надъ нею и средь бурь мятежныхъ
Вы сохраняете права.
Конечно такъ. Но вихорь моды,
Но своенравіе природы,
Но мнѣнья свѣтскаго потокъ. . .
А милый полъ, какъ пухъ, лежокъ.
Къ тому жь и мнѣнія сунруга
Для добродѣтельной жепы
Всегда почтены быть должны;
Такъ ваша вѣрная подруга
Бываетъ вмгъ увлечена:
Любовью шутить сатана.

XXII.

Кого жь любить? Кому же вѣрить?
Кто не измѣнитъ намъ одинъ?
Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣритъ
Услужливо на нашъ аршинъ?
Кто клеветы про насъ не сѣтъ?
Кто насъ заботливо лелѣтъ?
Кому порокъ нашъ не бѣда?
Кто не наскучитъ никогда?
Призрака суетный искатель,
Трудовъ напрасно не губя,
Любите самага себя,
Достопочтенный мой читатель!

Предметъ достойный: ничего
Любезнѣй вѣрно нѣтъ его.

XXIII.

Что было слѣдствіемъ свиданья?
Увы, не трудно угадать!
Любви безумныя страданья
Не перестали волновать
Младой души, печали жадной;
Нѣтъ, пуще страстью безотрадной
Татьяна бѣдная горитъ;
Ея постели сонъ бѣжитъ;
Здоровье, жизни цвѣтъ и сладость,
Улыбка, дѣвственный покой,
Пропало все, что звукъ пустой,
И меркнетъ милой Тани младость:
Такъ одѣваетъ бури тѣнь
Едва раждающійся день.

XXIV.

Увы, Татьяна, увядасть;
Блѣднѣеть, гаснетъ и молчитъ!
Ничто ея не занимаетъ,
Ея души не шевелитъ.
Качая важно головою,
Сосѣди шепчутъ межъ собою:
Пора, пора бы замужъ ей!...

Но полно. Надо мнѣ скорѣй
Развеселить воображенье
Картиной счастливой любви.
Невольно, милые мои,
Меня стѣсняетъ сожалѣнье;
Простите мнѣ: я такъ люблю
Татьяну милую мою!

XXV.

Чась отъ часу плѣненный болѣ
Красами Ольги молодой,
Владиміръ' сладостной неволѣ
Предался полною душой.
Онъ вѣчно съ ней. Въ ея покоѣ
Они сидятъ впотемкахъ двое;
Они въ саду, рука съ рукой,
Гуляютъ утренней порой;
И что жь? Любовью упоенный,
Въ смятеніи нѣжнаго стыда,
Онъ только смѣетъ иногда,
Улыбкой Ольги ободренный,
Развитьишь локономъ играть,
Иль край одежды цаловать.

XXVI.

Онъ иногда читаетъ Олѣ
Правоучительный романъ,

Въ которомъ авторъ знаетъ болѣ
Природу, чѣмъ Шатобрианъ;
А между тѣмъ двѣ - три страницы
(Пустыя бредни, небылицы,
Опасныя для сердца дѣвъ)
Онъ пропускаетъ покраснѣвъ.
Уединясь отъ всѣхъ далѣко,
Они надъ шахматной доской,
На столъ облокотясь, порой
Сидятъ, задумавшись глубоко,
И Ленскій пѣшкою ладью
Беретъ въ разсѣяньи свою.

XXVII.

Поѣдетъ ли домой: и дома
Онъ занять Ольгою своей;
Легучіе листки альбома
Прилѣжно украшаетъ ей;
То въ нихъ рисуетъ сельски виды,
Надгробный камень, храмъ Киприды,
Или на лирѣ голубка,
Перомъ, и красками слегка;
То на листкахъ воспоминанья,
Пониже подписи другихъ,
Онъ оставляетъ нѣжный стихъ,
Безмолвный памятникъ мечтанья,

Мгновенной думы легкой слѣдъ,
 Все тотъ же послѣ многихъ лѣтъ.

XXVIII.

Конечно вы неразъ видали
 Уѣздной барышни альбомъ,
 Что всѣ подружки измарали
 Съ конца, съ начала и кругомъ.
 Сюда, на зло правописанью,
 Стихи безъ мѣры, по преданью,
 Въ знакъ дружбы вѣрной вписаны,
 Уменьшены, продолжены.
 На первомъ листикѣ встрѣчаешь :
 Qu'écritez vous sur ces tablettes;
 И подпись: t. à v. Annette;
 А на послѣднемъ прочитаешь :
 «Кто любитъ больше тебя,
 «Пусть пишетъ dalje меня.»

XXIX.

Тутъ непременно вы найдете
 Два сердца, факель и цвѣтки;
 Тутъ вѣрно клятвы вы прочтете
 Въ любви до гробовой доски;
 Какой нибудь *niutъ* армейской
 Тутъ подмахнулъ стишокъ злодѣйской.
 Въ такой альбомъ, мои друзья,

Признаться, радъ писать и я,
Увѣренъ будучи душою,
Что всякой мой усердный вздоръ
Заслужить благосклонный взоръ,
И что потомъ съ улыбкой злою
Не стануть важно разбирать,
Остро, иль нѣтъ, я могъ соврать.

XXX.

Но вы, разрозненные томы
Изъ библіотеки чертей,
Великолѣпные альбомы,
Мученье модныхъ рифмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстаго кистью чудотворной,
Иль Баратынскаго перомъ,
Пускай сожжетъ васъ Божій громъ!
Когда блистательная дама
Мнѣ свой in - quarto подаетъ,
И дрожь и злость меня беретъ,
И шевелится эпиграма
Во глубинѣ моей души,
А мадригалы имъ пиши!

XXXI.

Не мадригалы Ленскій пишетъ
Въ альбомѣ Ольги молодой;

Его перо любовью дышитъ,
Не хладно блещетъ остротой;
Что ни замѣтить, ни услышитъ
Объ Ольгѣ, онъ про то и пишетъ:
И полны истины живой
Текутъ элегіи рѣкой.
Такъ ты, Языковъ вдохновенный,
Въ порывахъ сердца своего,
Поешь, Богъ вѣдаетъ, кого,
И сводъ элегій драгоценный
Представитъ нѣкогда тебѣ
Всю повѣсть о твоей судьбѣ.

XXXII.

Но тише! Слышишь? Критикъ строгой
Повелѣваетъ сбросить намъ
Элегіи вѣнокъ убогой;
И нашей братьѣ, рифмачамъ,
Кричитъ: «Да перестаньте плакать,
«И все одно и то же квакать,
«Жалѣть о прежнемъ, о быломъ:
«Довольно, — пойте о другомъ!»
— Ты правъ, и вѣрно намъ укажешь
Трубу, личину и кинжалъ,
И мыслей мертвый капиталъ
Отсюду воскресить прикажешь:

Не такъ ли, другъ? — Ничуть. Куда!
«Пишите оды, госнода,

XXXIII.

«Какъ ихъ писали въ мощны годы,
«Какъ было встарь заведено. . . .»

— Однѣ торжественныя оды!

И, полно, другъ, не все ль равно?

Припомни, что сказалъ сатирикъ!

Чужаго толка хитрый лирикъ

Ужели для тебя сноснаѣ

Унылыхъ нашихъ рифмачей? —

«Но все въ элегіи ничтожно;

Пустая цѣль ея жалка;

Межъ тѣмъ цѣль оды высока

И благородна. . . .» Тутъ бы можно

Поспорить намъ, но я молчу:

Два вѣка ссорить не хочу.

XXXIV.

Поклонникъ славы и свободы,

Въ волненьи бурныхъ думъ своихъ,

Владиміръ и писалъ бы оды,

Да Ольга не читала ихъ.

Случалось ли поэтамъ слезнымъ

Читать въ глаза своимъ любезнымъ

Свои творенья! Говорятъ,

Что въ мірѣ выше нѣтъ награды.
И впрямь, блаженъ любовникъ скромной,
Читающій мечты свои
Предмету пѣсень и любви,
Красавицѣ пріятно - томной!
Блаженъ . . . хоть, можетъ быть, она
Совсѣмъ инымъ развлечена.

XXXV.

Но я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой нянѣ,
Подругѣ юности моей;
Да послѣ скушнаго обѣда
Ко мнѣ забредшаго сосѣда,
Поймавъ неждано за полу,
Душу трагедіей въ углу,
Или (но это кромѣ шутокъ),
Тоской и рифмами томимъ,
Бродя надъ озеромъ моимъ,
Пугаю стадо дикихъ утокъ:
Внявъ пѣвью сладкозвучныхъ строфъ,
Онѣ слетаютъ съ береговъ.

XXXVI ²⁴. XXXVII.

А что жъ Опѣгинъ? Кстати, братья!
Терпѣнья вашего прошу:

Его вседневныя занятя
Я вамъ подробно опишу.
Онѣгинъ жилъ анахоретомъ;
Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ
И отправлялся налегкѣ
Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ;
Нѣвцу Гюльнары подражая,
Сей Гелеспонтъ переплывалъ,
Потомъ свой кофе выпивалъ,
Плохой журналъ перебирая,
И одѣвался.

XXXVIII. XXXIX.

Прогулки, чтенье, сонъ глубокой,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
Порой бѣлянки черноокой
Младой и свѣжій поцалуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
Обѣдъ довольно прихотливый,
Бутылка свѣтлаго вина,
Уединенье, тишина:
Вотъ жизнь Онѣгина святая;
И нечувствительно онъ ей
Предался, красныхъ лѣтнихъ дней
Въ безпечной нѣгѣ не считая,
Забывъ и городъ и друзей
И скуку праздничныхъ затѣй.

XL.

Но наше сѣверное лѣто,
Карриатура южныхъ зимъ,
Мелькнетъ и нѣтъ: извѣстно это,
Хоть мы признаться не хотимъ.
Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась,
Ложился на поля туманъ,
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоялъ Ноябрь ужъ у двора.

XLI.

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходить на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ — и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ;

Въ избушкѣ распѣвая, дѣва ²⁵
Прядеть, и, зимнихъ другъ ночей,
Трепцить лучинка передъ ней.

XII.

И вотъ уже трещать морозы
И серебрятся средь полей . . .
(Читатель ждетъ ужъ рифмы *розы* :
На, вотъ возьми ее скорѣй!)
Опрятнѣй моднаго паркета,
Блится рѣчка, льдомъ одѣта.
Мальчишекъ радостный народъ ²⁶
Коньками звучно рѣжетъ лёдъ;
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на лёдъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

XIII.

Въ глуши что дѣлать въ эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучаетъ взору
Однообразной наготой.
Скакать верхомъ въ степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Невѣрный зацѣпляя лёдъ,

Того и жди, что упадетъ.
 Сиди подъ кровлею пустынной,
 Читай; вотъ Прадтъ, вотъ W. Scott!
 Не хочешь? Повѣрай расходъ,
 Сердись, иль пей, и вечеръ длинной
 Кой-какъ пройдетъ, и завтра тожь,
 И славно зиму проведешь.

XLIV.

Прямымъ Онъгинъ Чильдъ-Гарольдомъ
 Вдался въ задумчивую лѣнь:
 Со сна садится въ ванну со льдомъ;
 И послѣ, дома цѣлый день,
 Одинъ, въ расчеты погруженный,
 Тупымъ кіемъ вооруженный,
 Онъ на бильярдѣ въ два шара
 Играетъ съ самаго утра.
 Настанетъ вечеръ деревенскій:
 Бильярдъ оставленъ, кій забыть,
 Передъ каминомъ столъ накрытъ;
 Евгенийъ ждетъ: вотъ ѣдетъ Ленскій
 На тройкѣ чалыхъ лошадей:
 Давай обѣдать поскорѣй!

XLV.

Вдовы Клико или Моэта
 Благословенное вино

Въ бутылкѣ мерзлой для поэта
 На столъ тотчасъ принесено.
 Оно сверкаетъ Ипокреной ²⁷;
 Оно своей игрой и пѣной
 (Подобіемъ того - сего)
 Меня плѣняло: за него
 Послѣдній бѣдный лептъ, бывало,
 Даваль я, помните ль, друзья?
 Его волшебная струя
 Раждала глупостей немало,
 А сколько шутокъ, и стиховъ,
 И споровъ, и веселыхъ сновъ!

XLVI.

Но измѣняетъ пѣной шумной
 Оно желудку моему,
 И я *бордо* благоразумной
 Ужъ нынче предпочель ему.
 Къ *аи* я больше неспособенъ;
Аи любовницѣ подобенъ
 Блестящей, вѣтреной, живой,
 И своенравной, и пустой...
 Но ты, *бордо*, подобенъ другу,
 Который, въ горѣ и въ бѣдѣ,
 Товарищъ всегда, вездѣ,
 Готовъ намъ оказать услугу,
 Иль тихой раздѣлитъ досутъ.
 Да здравствуетъ *бордо*, нашъ другъ!

XLVII.

Огонь потухъ; едва золою
 Подернуть уголь золотой;
 Едва замѣтную струею
 Виѣтся парь, и теплотой
 Каминь чуть дышетъ. Дымъ изъ трубокъ
 Въ трубу уходитъ. Свѣтлый кубокъ
 Еще шипитъ среди стола.
 Вечерняя находитъ мгла...
 (Люблю я дружескія враки
 И дружескій бокаль вина
 Порою той, что названа
 Пора межъ волка и собаки,
 А почему, не вижу я.)
 Теперь бесѣдуютъ друзья:

XLVIII.

«Ну, что сосѣдки? Что Татьяна?
 Что Ольга рѣзвая твоя?»
 — Налей еще мнѣ полстакана...
 Довольно, милый... Вся семья
 Здорова; кланяться велѣли.
 Ахъ, милый, какъ похорошѣли
 У Ольги плечи, что за грудь!
 Что за душа!... Когда нибудь
 Заѣдемъ къ нимъ; ты ихъ обяжешь;
 А то, мой другъ, суди ты самъ:

Два раза заглянулъ, а тамъ
Ужъ къ нимъ и носу не покажешь.
Да вотъ . . . какой же я болванъ!
Ты къ нимъ на той недѣлѣ званъ. —

XLIX.

«Я?» — Да, Татьяны именины
Въ субботу. Олинъка и мать
Велѣли звать, и нѣтъ причины
Тебѣ на зовъ не прѣзжать. —
«Но куча будетъ тамъ народу
И всякаго такого сброду . . .»
— И, никого, увѣренъ я!
Кто будетъ тамъ? своя семья.
Поѣдемъ, сдѣлай одолженъе!
Ну что жъ? — «Согласенъ.» — Какъ ты милъ!
При сихъ словахъ онъ осушилъ
Стаканъ, сосѣдкѣ приношенъе,
Потомъ разговорился вновь
Про Ольгу: такова любовь!

L.

Онъ весель былъ. Черезъ двѣ недѣли
Назначенъ былъ счастливый срокъ:
И тайна брачныя постели,
И сладостной любви вѣнокъ
Его восторговъ ожидали.

Гимена хлопоты, печали,
Зѣвоты хладная чреда
Ему не снились никогда.
Межь тѣмъ — какъ мы, враги Гимена,
Въ домашней жизни зримъ одинъ
Рядъ утомительныхъ картинъ,
Романъ во вкусѣ Лафонтена. . . ²⁸
Мой бѣдный Ленскій, сердцемъ онъ
Для оной жизни былъ рожденъ.

II.

Онъ былъ любимъ . . . по крайней мѣрѣ
Такъ думалъ онъ, и былъ счастливъ.
Стократъ блаженъ, кто преданъ вѣрѣ,
Кто, хладный умъ утомивъ,
Покоится въ сердечной нѣгѣ,
Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ,
Пли, нѣжнѣй, какъ мотылекъ,
Въ весенній впившійся цвѣтокъ;
Но жалокъ тотъ, кто все предвидитъ,
Чья не кружится голова,
Кто всѣ движенья, всѣ слова
Въ ихъ переводѣ ненавидитъ,
Чье сердце опытъ остудилъ
И забываться запретилъ!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

—

О, не знай епхъ сграшыхъ словъ,
Ты моя Свѣтлана!

Жуковскій

1.

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго надворѣ;
Зимы ждала - ждала природа;
Снѣгъ выпалъ только въ январѣ
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру побѣлѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ;
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зѣмнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ
И мягко устланныя горы

Зимы блистательнымъ ковромъ :
Все ярко, все бѣло кругомъ.

II.

Зима . . . Крестьянинъ торжествуя
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ нибудъ;
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки жужку посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:
Ему и больно и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно . . .

III.

Но, можетъ быть, такого рода
Картины васъ не привлекутъ:
Все это низкая природа;
Изящнаго немного тутъ.
Согрѣтый вдохновенья богомъ,
Другой поэтъ роскошнымъ слогомъ
Живописалъ намъ первый снѣгъ

И всѣ оттѣнки зимнихъ нѣгъ ²⁹:
Онъ васъ плѣнитъ, я въ томъ увѣренъ,
Рисуя въ пламенныхъ стихахъ
Прогулки тайныя въ саяхъ;
Но я бороться не намѣренъ
Ни съ нимъ покамѣсть, ни съ тобой,
Пѣвецъ Финляндки молодой ³⁰!

IV.

Татьяна (Руская душою,
Сама не зная почему),
Съ ея холодною красою
Любила Рускую зиму,
На солнцѣ иней въ день морозной,
И сани, и зарю поздной
Сіянье розовыхъ снѣговъ,
И мглу Крещенскихъ вечеровъ.
Постаринѣ торжествовали
Въ ихъ домѣ эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышень своихъ гадали,
И имъ сулили каждый годъ
Мужевъ военныхъ и походъ.

V.

Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины,

И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны.
Ее тревожили примѣты;
Таинственно ей всѣ предметы
Провозглашали чтонибудь,
Предчувствія тѣснили грудь.
Жеманный котъ, на печкѣ сидя,
Мурлыча, лапкой рыльцо мыль:
То несомнѣнный знакъ ей былъ,
Что ѣдутъ гости. Вдругъ увидя
Младой двурогой ликъ луны
На небѣ съ лѣвой стороны,

VI.

Она дрожала и блѣднѣла.
Когда жъ падучая звѣзда
По небу темному летѣла
И разсыпалася: тогда
Въ смятеніи Таня торопилась,
Пока звѣзда еще катилась,
Желанье сердца ей шепнуть.
Когда случалось гдѣнибудь
Ей встрѣтить чернаго монаха,
Иль быстрый заяцъ межъ полей
Перебѣгалъ дорогу ей:
Не зная, что начать со страха,

Предчувствій горестныхъ полна,
Ждала несчастья ужъ она.

VII.

Что жъ? Тайну прелесть находила
И въ самомъ ужасѣ она:
Такъ насъ природа сотворила,
Къ противорѣчю склонна.
Настали святки. То-то радость!
Гадаеть вѣтреная младость,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежить свѣтла, необозрима,
Гадаеть старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратно;
И все равно: надежда имъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.

VIII.

Тягьяна любопытнымъ взоромъ
На воскъ потопленный глядитъ:
Онъ чудно-вылитымъ узоромъ
Ей что-то чудное гласитъ;
Изъ блюда, полного водою,
Выходятъ кольца чередою;
И выпулось колечко ей

Подъ пѣсенку старинныхъ дней:
 « Тамъ мужики-то все богаты!
 « Гребутъ лопатой серебро;
 « Кому поемъ, тому добро
 « И слава! » Но сулить утраты
 Сей пѣсни жалостный напѣвъ;
 Милѣй кошурка сердцу дѣвъ ³¹.

IX.

Морозна почь; все небо ясно;
 Свѣтилъ небесныхъ дивный хоръ
 Течетъ такъ тихо, такъ согласно . . .
 Татьяна на широкій дворъ
 Въ открытомъ платьѣцѣ выходитъ,
 На мѣсяцъ зеркало наводитъ;
 Но въ темномъ зеркалѣ одна
 Дрожитъ печальная луна . . .
 Чу . . . снѣгъ хруститъ . . . прохожій; дѣва
 Къ нему на цыпочкахъ летитъ,
 И голосокъ ея звучитъ
 Нѣжнѣй свирѣльнаго напѣва:
 Какъ ваше имя ³²? Смотритъ онъ
 И отвѣчаетъ: Агаѣонъ.

X.

Татьяна, по совѣту няни,
 Сбираясь ночью ворожить,

Тихонько приказала въ банѣ
На два прибора столъ накрыть;
Но стало страшно вдругъ Татьяна...
И я — при мысли о Свѣтланѣ
Мнѣ стало страшно — такъ и быть...
Съ Татьяной намъ не воровать.
Татьяна поясокъ шелковой
Сняла, раздѣлась и въ постель
Легла. Надъ нею вѣется Лель,
А подъ подушкою пуховой
Дѣвичье зеркало лежитъ.
Утихло все. Татьяна спитъ.

XI.

И снится чудный сонъ Татьянѣ:
Ей снится, будто бы она
Идетъ по снѣговой полянѣ,
Печальцой мглой окружена;
Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
Шумить, клубить волной своею
Кипучій, темный и сѣдой
Потокъ, не скованный зимой;
Двѣ жердочки, склеенны льдиной,
Дрожащій гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ;
И предъ шумящею пучиной,

Недоумѣнія полна,
Остановилася она.

XII.

Какъ на досадную разлуку,
Татьяна ропщетъ на ручей;
Не видитъ никого, кто руку
Съ той стороны подалъ бы ей;
Но вдругъ сугробъ зашевелился,
И кто жъ изъ-подъ него явился?
Большой взъерошенный медвѣдь;
Татьяна : *ахъ!* а онъ реветъ,
И лапу съ острыми когтями
Ей протянуль; она скрѣпясь
Дрожащей ручкой оперлась,
И боязливыми шагами
Перебралась черезъ ручей;
Пошла — и что жъ? медвѣдь за ней.

XIII.

Она, взглянуть назадъ не смѣя,
Поспѣшный ускоряетъ шагъ;
Но отъ косматаго лакея
Не можетъ убѣжать никакъ;
Кряхтя валить медвѣдь несносный,
Предъ ними лѣсъ; недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ;

Отягчены ихъ вѣтви всѣ
Клоками снѣга; сквозь вершины
Осинъ, березъ и липъ нагихъ
Сіяетъ лучъ свѣтилъ nocturnыхъ;
Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
Метелью всѣ занесены,
Глубоко въ снѣгъ погружены.

XIV.

Татьяна въ лѣсъ; медвѣдь за нею;
Снѣгъ рыхлой поволокою ей;
То длинный сукъ ея за шею
Защипитъ вдругъ, то изъ ушей
Златыя серги вырветъ силой;
То въ хрупкомъ снѣгѣ съ ножки шлою
Увязнетъ мокрой башмачокъ;
То выронитъ она платокъ;
Поднять ей некогда; боится,
Медвѣдя слышитъ за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бѣжитъ, онъ все вослѣдъ;
И силъ уже бѣжать ей нѣтъ.

XV.

Упала въ снѣгъ; медвѣдь проворно
Ея хватаетъ и несетъ;

Она безчувственно-покорна;
 Не шевелится, не дохнетъ;
 Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой:
 Вдругъ межъ деревъ шалашъ убогой;
 Кругомъ все глушь; отсюда онъ
 Пустыннымъ снѣгомъ занесёнъ;
 И ярко свѣтится окошко,
 И въ шалашѣ и крикъ, и шумъ;
 Медвѣдь промолвилъ: *здѣсь мой кумъ:*
Погрѣйся у него немножко!
 И въ сѣни прямо онъ идетъ,
 И на порогъ ее кладетъ.

XVI.

Опомнилась, глядитъ Татьяна:
 Медвѣдя нѣтъ; она въ сѣняхъ;
 За дверью крикъ и звонъ стакана,
 Какъ на большихъ похоронахъ;
 Не видя тутъ ни капли толку,
 Глядитъ она тихонько въ щелку,
 И что же! видитъ . . . за столомъ
 Сидятъ чудовища кругомъ :
 Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
 Другой съ пѣтушьей головой,
 Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
 Тутъ оставъ чопорный и гордой,

Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ.

XVII.

Еще страшнѣй, еще чуднѣе:
Вотъ ракъ верхомъ на паукъ,
Вотъ черепъ на гусиной шеѣ.
Вертится въ красномъ колпакѣ,
Вотъ мельница въприсядку пляшетъ
И крыльями трещить и машеть;
Лай, хохоть, пѣнье, свистъ и хлопъ,
Людская молвь и конскій топъ! ³³
Но что подумала Татьяна,
Когда узнала межъ гостей
Того, кто милъ и страшень ей —
Героя нашего романа!
Онѣгинъ за столомъ сидитъ
И въ дверь украдкою глядитъ.

XVIII.

Онъ знакъ подастъ, и всѣ хлопчутъ;
Онъ пьетъ, всѣ пьютъ и всѣ кричатъ;
Онъ засмѣется, всѣ хохочутъ;
Нахмурить брови, всѣ молчатъ;
Онъ тамъ хозяинъ: это ясно.
И Таня ужъ не такъ ужасно,
И любопытная, теперь

Немного растворила дверь...
Вдругъ вѣтеръ дунуль, загашая
Огонь свѣтильниковъ ночныхъ;
Смутилась шайка домовыхъ;
Онѣгинъ, взорами сверкал,
Изъ-за стола гремя встаетъ;
Всѣ встали: онъ къ дверямъ идетъ.

XIX.

И страшно ей; и торопливо
Татьяна силится бѣжать:
Нельзя никакъ; нетерпѣливо
Метаясь, хочетъ закричать:
Не можетъ; дверь толкнулъ Евгенийъ:
И взорамъ адскихъ привидѣній
Явилась дѣва; ярый смѣхъ
Раздался дико; очи всѣхъ,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавыя языки,
Рога и пальцы костяные,
Все указываетъ на нее,
И всѣ кричатъ: мое! мое!

XX.

Мое! сказалъ Евгенийъ грозно,
И шайка вся сокрылась вдругъ;

Осталася во тѣмѣ морозной
Младая дѣва съ нимъ самъ-другъ;
Онѣгинъ тихо увлекаетъ ³⁴
Татьяну въ уголь, и слагаетъ
Ее на шаткую скамью,
И клонить голову свою
Къ ней на плечо; вдругъ Ольга входитъ,
За нею Ленскій; свѣтъ блеснулъ;
Онѣгинъ руку замахнулъ
И дико онъ очами бродитъ,
И незваныхъ гостей бранить:
Татьяна чуть жива лежитъ.

XXI.

Споръ громче, громче: вдругъ Евгений
Хватаетъ длинный ножъ, и вмигъ
Поверженъ Ленскій; страшно тѣни
Сгустились; нестерпимый крикъ
Раздался. . . хижина шатнулась. . .
И Таня въ ужасъ проснулась. . .
Глядитъ, ужъ въ комнатѣ свѣтло;
Въ окнѣ сквозь мерзлое стекло
Зари багряный лучъ играетъ;
Дверь отворилась. Ольга къ ней,
Авроры сѣверной алѣй
И легче ласточки, влетаетъ;

«Ну,» говорить: «скажи жь ты мнѣ,
Кого ты видѣла во снѣ?»

XXII.

Но та, сестры не замѣчая,
Въ постелѣ съ книгою лежитъ,
За листомъ листъ перебирая,
И ничего не говоритъ.
Хоть не являла книга эта
Ни сладкихъ вымысловъ поэта,
Ни мудрыхъ истинъ, ни картинъ:
Но ни *Виргилій*, ни *Расинъ*,
Ни *Скоттъ*, ни *Байронъ*, ни *Сенека*,
Ни даже *Дамскихъ Модъ Журналь*
Такъ никого не занималь:
То былъ, друзья, *Мартынъ Задека* ³⁵,
Глава *Халдейскихъ мудрецовъ*,
Гадатель, толкователь сновъ.

XXIII.

Сіе глубокое творенье
Завезъ кочующій купецъ
Однажды къ нимъ въ уединенье,
И для *Татьяны* наконецъ
Его съ *разрозненной Мальвиной*
Онъ уступилъ за три съ полтиной,
Въ придачу взявъ еще за нихъ

Собранье басень площадныхъ,
Грамматику, двѣ Петріады,
Да Мармонтеля третій томъ.
Мартынъ Задека сталъ потомъ
Любимецъ Тани... Онъ отрады
Во всѣхъ печаляхъ ей дарить,
И безотлучно съ нею спить.

XXIV.

Ее тревожить сновидѣнье.
Не зная, какъ его понять,
Мечтанья страшнаго значенье
Татьяна хочетъ отыскать.
Татьяна въ оглавленьи краткомъ
Находить азбучнымъ порядкомъ
Слова: боръ, буря, воронъ, ель,
Ежъ, мракъ, мостокъ, медвѣдь, метель,
И прочая. Ея сомнѣній
Мартынъ Задека не рѣшитъ;
Но сонъ зловѣщій ей сулитъ
Печальныхъ много приключеній.³
Дней нѣсколько она потомъ
Все безпокоилась о томъ.

XXV.

Но вотъ багряною рукою³⁶
Заря отъ утреннихъ долинъ

Выводить съ солнцемъ за собою
 Веселый праздникъ именинъ.
 Съ утра домъ Лариной гостями
 Весь полонъ; цѣлыми семьями
 Сосѣди съѣхались въ возкахъ,
 Въ кибиткахъ, въ бричкахъ и въ саняхъ.
 Въ передней толкотня, тревога;
 Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ,
 Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
 Шумъ, хохоть, давка у порога,
 Поклоны, шарканье гостей,
 Кормилицъ крикъ и плачь дѣтей.

XXVI.

Съ своей супругою дородной
 Приѣхалъ толстый Пустяковъ;
 Гвоздинъ, хозяинъ превосходной,
 Владѣлецъ нищихъ мужиковъ;
 Скотинины, чета съдая,
 Съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, считая
 Отъ тридцати до двухъ годовъ;
 Уѣздный франтикъ Пѣтушковъ;
 Мой братъ двоюродный, Буяновъ,
 Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ ³⁷
 (Какъ вамъ, конечно, онъ знакомъ),
 И отставной Совѣтникъ Фляновъ,

Тяжелый сплетникъ, старый плутъ,
Обжора, взяточникъ и шутъ.

XXVII.

Съ семьей Панфила Харликова
Пріѣхалъ и мосье Трике,
Острякъ, недавно изъ Тамбова,
Въ очкахъ и въ рыжемъ парикѣ.
Какъ истинный Французъ, въ карманѣ
Трике привезъ куплетъ Татьянѣ
На голось, знаемый дѣтьми:
Reveillez vous, belle endormie.
Межъ ветхихъ пѣсень альманаха
Былъ напечатанъ сей куплетъ;
Трике, догадливый поэтъ,
Его на свѣтъ явилъ изъ праха,
И смѣло — вмѣсто belle Nina —
Поставилъ belle Tatiana.

XXVIII.

И вотъ изъ ближняго посада
Созрѣвшихъ барышень кумиръ,
Уѣздныхъ матушекъ отрада,
Пріѣхалъ ротный командиръ;
Вошелъ. . . Ахъ, новость, да какая!
Музыка будетъ полковая!
Полковникъ самъ ее послалъ.

Какая радость: будетъ балъ!
Дѣвчонки прыгаютъ заранѣ ³⁸.
Но кушать подали. Четой
Идутъ за столъ рука съ рукой.
Тѣснятся барышни къ Татьянѣ;
Мужчины противъ: и крестясь
Толпа жужжить, за столъ садясь.

XXIX.

Намигъ умолкли разговоры;
Уста жуютъ. Со всѣхъ сторонъ
Гремятъ тарелки и приборы,
Да рюмокъ раздается звонъ.
Но вскорѣ гости понемногу
Подъемяютъ общую тревогу;
Никто не слушаетъ, кричать,
Смѣются, спорятъ и пищать.
Вдругъ двери настезь. Ленскій входитъ
И съ нимъ Онѣгинъ. « Ахъ, Творецъ! »
Кричитъ хозяйка: « наконецъ! »
Тѣснятся гости; всякъ отводитъ
Приборы, стулья поскорѣй;
Зовутъ, сажаютъ двухъ друзей.

XXX,

Сажаютъ прямо противъ Тани,
И, утренней луны блѣднѣй

И трепетный гонимой лани,
Она темнеющих очей
Не подымаетъ: пышетъ бурно
Въ ней страстный жаръ; ей душно, дурно;
Она привѣтствій двухъ друзей
Не слышитъ; слезы изъ очей
Хотятъ ужъ капать; ужъ готова
Бѣдняжка въ обморокъ упасть:
Но воля и разсудка власть
Превозмогли. Она два слова
Сквозь зубы молвила тишкомъ
И усидѣла за столомъ.

XXXI.

Траги - нервическихъ явленій,
Дѣвичьихъ обмороковъ, слезъ
Давно терпѣть не могъ Евгений:
Довольно ихъ онъ перенесъ.
Чудакъ, полавъ на пиръ огромной,
Ужъ былъ сердитъ. Но, дѣвы томной
Замѣтя трепетный порывъ,
Съ досады взоры опустивъ,
Надулся онъ, и негодуя,
Поклялся Ленскаго взбѣсить
И ужъ порядкомъ отомстить.
Теперь, заранѣ торжествуя,

Онъ сталъ чертить въ душѣ своей
Каррикутуры всѣхъ гостей.

XXXII.

Конечно, не одинъ Евгений
Смятенье Тани видѣть могъ;
Но цѣлью взоровъ и сужденій
Въ то время жирный былъ пирогъ
(Къ несчастію, пересоленной);
Да вотъ въ бутылкѣ засмоленной,
Между жаркимъ и бланманже,
Цимлянское несутъ уже;
За нимъ строй рюмокъ узкихъ, длинныхъ,
Подобныхъ тали твоей,
Зизи, кристалль души моей,
Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ,
Любви приманчивый фіяль,
Ты, отъ кого я пьянъ бывалъ!

XXXIII.

Освободясь отъ пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипить; и вотъ съ осанкой важной,
Куплетомъ мучимый давно,
Трике встаетъ; предъ нимъ собранье
Хранить глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива; Трике,

Къ ней обратясь съ листкомъ въ рукѣ,
Запѣлъ фальшивя. Плески, клики
Его привѣтствуютъ. Она
Пѣвцу присѣсть принуждена;
Поэтъ же скромный, хотъ великій,
Ея здоровье первый пьетъ
И ей куплетъ передаетъ.

XXXIV.

Пошли привѣты, поздравленья;
Татьяна всѣхъ благодарить.
Когда же дѣло до Евгенья
Дошло; то дѣвы томный видъ,
Ея смущеніе, усталость
Въ его душѣ родили жалость:
Онъ молча поклонился ей,
Но какъ-то взоръ его очей
Былъ чудно-нѣженъ. Отъ того ли,
Что онъ и вправду тронуть былъ,
Иль онъ кокетствуя шамилъ,
Невольно ль, иль изъ доброй воли;
Но взоръ сей нѣжность изъявилъ:
Онъ сердце Тани оживилъ.

XXXV.

Гремятъ отодвинутые стулья;
Толпа въ гостиную валить:

Такъ пчель изъ лакомага улья
На ниву шумный рой летить;
Довольный праздничнымъ обѣдомъ,
Сосѣдъ сошитъ передъ сосѣдомъ;
Подсѣли дамы къ комельку:
Дѣвицы шепчуть въ уголку;
Столъ зеленый раскрыты:
Зовуть задорныхъ игроковъ
Бостонъ, и ломберъ стариковъ,
И вистъ, донинѣ знаменитый,
Однообразная семья,
Всѣ жадной скуки сыновья.

XXXVI.

Ужъ восемь роберовъ сыграли
Герои виста; восемь разъ
Они мѣста перемѣняли;
И чай несутъ. Люблю я часъ
Опредѣлять обѣдомъ, чаемъ
И ужиномъ. Мы время знаемъ
Въ деревнѣ безъ большихъ суетъ:
Желудокъ — вѣрный нашъ брегеть;
И, кстати, я замѣчу въ скобкахъ,
Что рѣчь веду въ моихъ строфахъ
Я столь же часто о пирахъ,
О разныхъ кушаньяхъ и пробкахъ,

Какъ ты, божественный Омиръ,
Ты, тридцати вѣковъ кумиръ!

XXXVII. XXXVIII ³⁹. XXXIX.

Но чай несутъ: дѣвицы чинно
Едва за блюдечки взялись,
Вдругъ изъ-за двери въ залѣ длинной
Фаготъ и флейта раздались.
Обрадованъ музыки громомъ,
Оставя чашку чаю съ ромомъ,
Парисъ окружныхъ городковъ,
Подходитъ къ Ольгѣ Пѣтушковъ,
Къ Татьянѣ Ленскій, Харликову,
Невѣсту переспѣлыхъ лѣтъ,
Береть Тамбовскій мой поэтъ,
Умчалъ Буйновъ Пустякову,
И въ залу высъпали всѣ,
И балъ блеститъ во всей красѣ.

XL.

Въ началѣ моего романа
(Смотрите первую тетрадь)
Хотѣлось въ родѣ мнѣ Альбана
Балъ Петербургскій описать;
Но, развлечень пустымъ мечтаньемъ,
Я занялся воспоминаньемъ
О ножкахъ мнѣ знакомыхъ дамъ.

По вашимъ узенькимъ слѣдамъ,
О ножки, полно заблуждаться!
Съ измѣнной юности моей
Пора мнѣ сдѣлаться умнѣй,
Въ дѣлахъ и въ слогахъ поправляться,
И эту пятую тетрадь
Отъ отступлений очищать.

XLI.

Однообразный и безумный,
Какъ вихоръ жизни молодой,
Кружится вальса вихоръ шумный;
Чета мелькаетъ за четой.
Къ минутѣ мщенья приближаясь,
Онъгинъ, втайнѣ усмѣхаясь,
Подходитъ къ Ольгѣ. Быстро съ ней
Вертится около гостей,
Потомъ на стулъ ее сажаетъ,
Заводитъ рѣчь о томъ, о семь:
Спустя минутъ двѣ, потомъ
Вновь съ нею вальсъ онъ продолжаетъ;
Всѣ въ изумленьи. Ленскій самъ
Не вѣритъ собственнымъ глазамъ.

XLII.

Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремѣлъ мазурки громъ,

Въ огромной залѣ все дрожало,
Паркетъ трещалъ подѣ каблукомъ,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, какъ дамы,
Скользимъ по лаковымъ доскамъ.
Но въ городахъ, по деревнямъ,
Еще мазурка сохранила
Первоначальныя красы:
Припрыжки, каблуки, усы,
Все тѣ же; ихъ не измѣнила
Лихая мода, нашъ тиранъ,
Недугъ новѣйшихъ Россіянъ.

XLIII ⁴⁰. XLIV.

Буяновъ, братецъ мой задорной,
Къ герою нашему подвель
Татьяну съ Ольгою: проворно
Онѣгинъ съ Ольгою пошелъ;
Ведетъ ее, скользя небрежно,
И наклонясь ей шепчетъ нѣжно
Какой - то пошлый мадригалъ,
И руку жметъ — и запымалъ
Въ ея лицѣ самолюбивомъ
Румянецъ ярче. Ленскій мой
Все видѣлъ: вспыхнулъ, самъ не свой;
Въ негодованіи ревнивомъ

Поэтъ конца мазурки ждетъ
И въ котильонъ ее зоветъ.

XLV.

Но ей нельзя. Нельзя? Но что же?
Да Ольга слово ужъ дала
Онѣгину. О, Боже, Боже!
Что слышитъ онъ? Она могла...
Возможно ль? Чуть лишь изъ пеленокъ,
Кокетка, вѣтреный ребенокъ!
Ужъ хитрость вѣдаетъ она,
Ужъ измѣнять научена!
Не въ силахъ Ленскій снести удара;
Проказы женскія кляня,
Выходить, требуетъ коня
И скачетъ. Пистолетовъ пара,
Двѣ пули — больше ничего —
Вдругъ разрѣшать судьбу его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

—

La sotto giorni nubilosi e brevi
Nasce una gente a cui l'morir non dole

РѢКА.

I.

Замѣтивъ, что Владиміръ скрылся,
Онѣгичъ, скукой вновь гошимъ,
Близъ Ольги въ думу погрузился,
Довольный мщеніемъ своимъ.
За нимъ и Олишка зѣвала,
Глазами Ленскаго искала,
И безконечный котильонъ
Ее томилъ какъ тяжкій сонъ.
Но конченъ онъ. Идутъ за ужинъ.
Постели стелютъ; для гостей
Ночлегъ отводятъ отъ сѣней
До самой дѣвичи. Всѣмъ нуженъ

Покойный сонъ. Онъгинъ мой
Одинъ уѣхалъ спать домой.

II.

Все успокоилось: въ гостиной
Храпитъ тяжелый Пустяковъ
Съ своей тяжелой половиной.
Гвоздинъ, Буяновъ, Пѣтушковъ
И Фляновъ, не совсѣмъ здоровой,
На стульяхъ улеглись въ столовой,
А на полу мосье Трике,
Въ фуфайкѣ, въ старомъ колакѣ.
Дѣвицы въ комнатахъ Татьяны
И Ольги всѣ объаты сномъ.
Одна, печально подъ окномъ
Озарена лучемъ Діаны,
Татьяна бѣдная не спитъ
И въ поле темное глядитъ.

III.

Его неожиданнымъ появленьемъ,
Мгновенной вѣжностью очей
И страннымъ съ Ольгой поведеньемъ
До глубины души своей
Она проникнута; не можетъ
Никакъ понять его; тревожить
Ее ревнивая тоска,

Какъ будто хладная рука
Ей сердце жметъ, какъ будто бездна
Подъ ней чернѣеть и шумить...
« Погибну, » Таня говоритъ:
« Но гибель отъ него любезна.
« Я не рошщу: зачѣмъ роптать?
« Не можетъ онъ мнѣ счастья дать.»

IV.

Впередъ, впередъ, моя исторья!
Лице насъ новое зоветъ.
Въ пяти верстахъ отъ Красногорья,
Деревни Ленскаго, живетъ
И здравствуетъ еще донынѣ,
Въ философической пустынѣ,
Зарѣцкій, нѣкогда буянь,
Картежной шайки атаманъ,
Глава повѣсь, трибунъ трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отецъ семейства холостой,
Надежный другъ, помѣщикъ мирный
И даже честный человѣкъ:
Такъ исправляется нашъ вѣкъ!

V.

Бывало, льстивый голось свѣта
Въ немъ злую храбрость выхвалялъ.

Онъ, правда, въ тузъ изъ пистолета
Въ пяти саженьяхъ попадалъ.
И то сказать, что и въ сраженьи
Разъ въ настоящемъ упоеньи
Онъ отличился, смѣло въ грязь
Съ коня Калмыцкаго свалясь,
Какъ зюзя пьяный, и Французамъ
Достался въ плѣнь драгой залогъ!
Новѣйшій Регуль, чести богъ,
Готовый вновь предаться узамъ,
Чтобъ каждымъ утромъ у Веры ⁴¹
Въ долгъ осушать бутылки три.

VI.

Бывало, онъ трунилъ забавно,
Умѣлъ морочить дурака
И умнаго дурачить славно,
Иль явно, иль изподтишка,
Хоть и ему инья штуки
Не проходили безъ науки,
Хоть иногда и самъ впросакъ
Онъ попадался, какъ простакъ.
Умѣлъ онъ весело поспорить,
Остро и тупо отвѣчать,
Порой расчетливо смолчать,
Порой расчетливо повздорить,

Друзей поссорить молодыхъ
И на барьеръ поставить ихъ,

VII.

Иль помириться ихъ заставить,
Дабы позавтракать втроемъ,
И послѣ тайно обезславить
Веселой шуткою, враньемъ;
Sed alia tempora! Удалость
(Какъ сонъ любви, другая шалость)
Проходить съ юностью живой.
Какъ я сказала, Зарѣцкій мой,
Подъ сѣнь черемухъ и акацій
Отъ бурь укрывшись наконецъ,
Живеть какъ истинный мудрецъ,
Капусту садить, какъ Горацій,
Разводить утокъ и гусей
И учить азбукъ дѣтей.

VIII.

Онъ былъ не глупъ; и мой Евгений,
Не уважая сердца въ немъ,
Любилъ и духъ его суждений,
И здравый толкъ о томъ - о семъ.
Онъ съ удовольствіемъ, бывало,
Видался съ нимъ; и такъ нимало
Поутру не былъ удивлѣнъ,

Когда его увидѣлъ онъ.
Тотъ, послѣ перваго привѣта,
Прервавъ начатый разговоръ,
Онъгину, ослабя взоръ,
Вручилъ записку отъ поэта.
Къ окну Онъгинъ подошелъ
И про себя ее прочелъ.

IX.

То былъ пріятный, благородной,
Короткій вызовъ, иль *картель*:
Учтиво, съ ясностью холодной
Звалъ друга Ленскій на дуэль.
Онъгинъ съ перваго движенья,
Къ послу такого порученья
Оборотясь, безъ лишнихъ словъ
Сказалъ, что онъ *всегда готовъ*.
Зарѣцкій всталъ безъ объясненій;
Остаться долъ не хотѣлъ,
Имя дома много дѣлъ,
И тотчасъ вышелъ: но Евгений
Наединѣ съ своей душой
Былъ недоволенъ самъ собой.

X.

И подѣломъ: въ разборъ строгомъ,
На тайный судъ себя призвавъ,

Онъ обвинялъ себя во многомъ:
Вопервыхъ, онъ ужъ былъ неправъ,
Что надъ любовью робкой, пѣжной
Такъ подшутилъ вечеръ небрежно:
А вовторыхъ, пускай поэтъ
Дурачится: въ осмнадцать лѣтъ
Оно протительно. Евгенийъ,
Всѣмъ сердцемъ юношу любя,
Былъ долженъ оказать себя
Не мячикомъ предразсуждений,
Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и съ умомъ.

XI.

Онъ могъ бы чувства обнаружить,
А не щетиниться, какъ звѣрь;
Онъ долженъ былъ обезоружить
Младое сердце. « Но теперь
Ужъ поздно; время улетѣло...
Къ тому жъ, онъ мыслить, въ это дѣло
Вмѣшался старый дуэлистъ;
Онъ золь, онъ сметникъ, онъ рѣчиствъ...
Конечно: быть должно презрѣнне
Цѣной его забавныхъ словъ;
Но шопоть, хохотня глушцовъ... »
И вотъ общественное мнѣнне! ⁴²

Пружина чести, нашъ кумирь!
И вотъ, на чемъ вертится міръ!

XII.

Кипя враждой нетерпѣливой,
Отвѣта дома ждетъ поэтъ;
И вотъ сосѣдъ велерѣчивой
Привезъ торжественно отвѣтъ.
Теперь ревнивцу то-то праздникъ!
Онъ все боялся, чтобъ проказникъ
Не отшутился какъ нибудь,
Уловку выдумавъ и грудь
Отворотивъ отъ пистолета.
Теперь сомнѣнья рѣшены:
Они на мельницу должны
Приѣхать завтра до разсвѣта,
Взвести другъ на друга курокъ
И мѣтить въ ляжку иль въ високъ.

XIII.

Рѣшась кокетку ненавидѣть,
Кипящій Ленскій не хотѣлъ
Предъ поединкомъ Ольгу видѣть,
На солнце, на часы смотрѣлъ,
Махнулъ рукою напоследокъ —
И очутился у сосѣдокъ.
Онъ думалъ Олиньку смутить,

Своимъ прїѣздомъ поразить;
Не тутъ-то было: какъ и прежде,
Навстрѣчу бѣднаго пѣвца
Прыгнула Олинька съ крыльца,
Подобна вѣтреной надеждѣ,
Рѣзва, безпечна, весела,
Ну точно та же, какъ была.

XIV.

« Зачѣмъ вечеръ такъ рано скрылись? »
Былъ первый Олинькинъ вопросъ.
Всѣ чувства въ Ленскомъ помутились,
И молча онъ повѣсилъ носъ.
Исчезла ревность и досада
Предъ этой ясностію взгляда,
Предъ этой нѣжной простотой,
Предъ этой рѣзвою душой!
Онъ смотритъ въ сладкомъ умиленьѣ;
Онъ видитъ: онъ еще любимъ!
Ужъ онъ, раскаяньемъ томимъ,
Готовъ просить у ней прощенье,
Трепещетъ, не находитъ словъ:
Онъ счастливъ, онъ почти здоровъ...

XV. XVI. XVII.

И вновь задумчивый, унылый
Предъ милой Ольгою своей,

Владиміръ не имѣть силы
Вчерашній день напомнить ей;
Онъ мыслить: «буду ей спаситель;
Не потерплю, чтобъ развратитель
Огнемъ и вздохомъ и похвалъ
Младое сердце искушалъ;
Чтобъ червь презрѣнный, ядовитый
Точилъ лилеи стебелекъ;
Чтобы двухутренній цвѣтокъ
Увялъ еще полураскрытый.»
Все это значило, друзья:
Съ пріятелемъ стрѣляюсь я.

XVIII.

Когда бъ онъ зналъ, какая рана
Моей Татьяны сердце жгла!
Когда бы вѣдала Татьяна,
Когда бы знать она могла,
Что завтра Ленскій и Евгенийъ
Заспорятъ о могильной сѣни:
Ахъ, можетъ быть, ея любовь
Друзей соединила бъ вновь!
Но этой страсти и случайно
Еще никто не открывалъ.
Онѣгинъ обо всемъ молчалъ;
Татьяна изнывала тайно;

Одна бы няня знать могла,
Да не догадлива была.

XIX.

Весь вечеръ Ленскій былъ разсѣянъ,
То молчаливъ, то весель вновь;
Но тотъ, кто музою взлелѣянъ,
Всегда таковъ: нахмуря бровь,
Садился онъ за клавикорды,
И бралъ на нихъ одни аккорды;
То, къ Ольгѣ взоры устремивъ,
Шепталъ: не правда ль? я счастливъ.
Но поздно; время ѣхать. Сжалось
Въ немъ сердце, полное тоской;
Прощаясь съ дѣвой молодой,
Оно какъ будто разрывалось
Она глядитъ ему въ лицо.
«Что съ вами?» — Такъ. — И на крыльцо.

XX.

Домой пріѣхавъ, пистолеты
Онъ осмотрѣлъ, потомъ вложилъ
Опять ихъ въ ящикъ, и раздѣтый
При свѣчкѣ Шиллера открылъ;
Но мысль одна его объемлетъ;
Въ немъ сердце грустное не дремлетъ:
Съ неизъяснимою красой

Онъ видитъ Ольгу предъ собой.
 Владиміръ книгу закрываетъ,
 Беретъ перо; его стихи,
 Полны любовной чепухи,
 Звучать и льются. Ихъ читаетъ
 Онъ вслухъ, въ лирическомъ жару,
 Какъ Д** пьяный на пиру.

XXI.

Стихи на случай сохранились;
 Я ихъ имѣю; вотъ они:
 «Куда, куда вы удалились,
 «Весны моей златые дни?
 «Что день грядущій мнѣ готовить?
 «Его мой взоръ напрасно ловить,
 «Въ глубокой мглѣ таятся онъ.
 «Нѣтъ нужды; правъ судьбы законъ.
 «Паду ли я, стрѣлой пронзенный,
 «Иль мимо пролетитъ она,
 «Все благо: бдѣнія и сна
 «Приходитъ часъ опредѣленный;
 «Благословенъ и день заботъ,
 «Благословенъ и тьмы приходъ!

XXII.

«Блеснетъ завтра лучъ денницы
 «И заиграетъ яркій дѣсь;

«А я, быть можетъ, я гробницы
«Сойду въ таинственную сѣнь,
«И память юнаго поэта
«Поглотить медленная Лета,
«Забудеть мѣръ меня; но ты
«Придешь ли, дѣва красоты!
«Слезу пролить надъ ранней урной
«И думать : онъ меня любилъ,
«Онъ мнѣ единой посвятилъ
«Разсвѣтъ печальный жизни бурной! . . .
«Сердечный другъ, желанный другъ,
«Приди, приди : я твой супругъ! . . .»

XXIII.

Такъ онъ писалъ *темно и вяло*
(Что романтизмомъ мы зовѣмъ,
Хоть романтизма тутъ ни мало
Не вижу я; да что намъ въ томъ?)
И наконецъ передъ зарёю,
Склонясь усталой головою,
На модномъ словѣ *идеалъ*
Тихонько Ленскій задремалъ;
Но только соннымъ обаянемъ
Онъ позабылся, ужъ сосѣдъ
Въ безмолвной входитъ кабинетъ
И будить Ленскаго воззваньемъ:

«Пора вставать: седьмой ужъ часъ.
«Онъгинъ вѣрно ждетъ ужъ насъ.»

XXIV.

Но ошибался онъ: Евгенийъ
Спаль въ это время мертвымъ спомъ.
Уже рѣдѣютъ ночи тѣни
И встрѣченъ Вesperь пѣтухомъ;
Онъгинъ спитъ себѣ глубоко.
Ужъ солнце катится высоко
И перелетная метель
Блеститъ и вѣется; но постель
Еще Евгенийъ не покинулъ,
Еще надъ нимъ летаетъ сонъ.
Вотъ наконецъ проснулся онъ
И помы заѣса раздвинулъ;
Глядитъ — и видитъ, что пора
Давно ужъ ѣхать со двора.

XXV.

Онъ поскорѣй звонитъ. Вбѣгаетъ
Къ нему слуга Французъ Гильо,
Халатъ и туфли предлагаетъ
И подаетъ ему бѣлье.
Спѣшитъ Онъгинъ одѣваться,
Слугъ велитъ приготовляться
Съ нимъ вмѣстѣ ѣхать, и съ собой

Взять также ящикъ боевой.
Готовы санки бѣговыя.
Онъ сѣлъ, на мельницу летить.
Примчались. Онъ слугѣ велитъ
Ленажа ⁴³ стволы роковые
Нести за нимъ, а лошадямъ
Отбѣхать въ поле къ двумъ дубкамъ.

XXVI.

Опершись на плотину, Ленскій
Давно нетерпѣливо ждалъ;
Межъ тѣмъ, механикъ деревенскій,
Зарѣцкій жорновъ осуждалъ.
Идетъ Онѣгинъ съ извиненьемъ.
« Но гдѣ же, молвилъ съ изумленьемъ
Зарѣцкій, « гдѣ вашъ секундантъ? »
Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,
Любилъ методу онъ изъ чувства,
И челоуѣка растянуть
Онъ позволялъ, не какъ нибудь,
Но въ строгихъ правилахъ искусства,
По всѣмъ преданьямъ старины
(Что похвалить мы въ немъ должны).

XXVII.

« Мой секундантъ? » сказалъ Евгений:
« Вотъ онъ: мой другъ, *monsieur Guillot*.

Я не предвижу возраженій
 На представленіе мое:
 Хоть человекъ онъ неизвѣстный,
 Но ужъ конечно малый честный.»
 Зарѣцкій губу закусилъ.
 Онѣгинъ Ленскаго спросилъ:
 «Что жь, начинать?» — Начнемъ, пожалуй,
 Сказалъ Владиміръ. И пошли
 За мельницу. Пока въ дали
 Зарѣцкій нашъ и *честный малый*
 Вступили въ важный договоръ,
 Враги стоятъ, потупя взоръ.

XXVII.

Враги! Давно ли другъ отъ друга
 Ихъ жажда крови отвела?
 Давно ль они часы досуга,
 Трапезу, мысли и дѣла
 Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,
 Врагамъ наслѣдственнымъ подобно,
 Какъ въ страшномъ, непонятномъ снѣ,
 Они другъ другу въ тишинѣ
 Готовятъ гибель хладнокровно...
 Не засмѣются ль имъ, пока
 Не обагрилась ихъ рука,
 Не разойтятся ль любовно?....

Но дико свѣтская вражда
Боится ложнаго стыда.

XXIX.

Вотъ пистолеты ужь блеснули.
Гремитъ о шомполь молотокъ.
Въ граненый стволъ уходятъ пули
И щелкнулъ въ первый разъ курокъ.
Вотъ порохъ струйкой сѣровой
На полку сышлется. Зубчатый,
Надежно ввинченный кремь
Взведенъ еще. За ближній пень
Становится Гильо смущенный.
Плащи бросаютъ два врага.
Зарѣцкій тридцать два шага
Отмѣрялъ съ точностью отмѣнной,
Друзей развелъ по крайній слѣдъ,
И каждый взялъ свой пистолеть.

XXX.

«Теперь сходитесь.»

Хладнокровно,

Еще не цѣля, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертныя ступени.
Свой пистолеть тогда Евгенийъ,

Не преставаая наступать,
 Сталь первый тихо подымать.
 Вотъ пять шаговъ еще ступили,
 И Ленскій, жмуря лѣвый глазъ,
 Сталь также цѣлить — но какъ разъ
 Онъгинъ выстрѣлилъ... Пробили
 Часы урочные: поэтъ
 Ропяеть молча пистолеть,

XXXI.

На грудь кладеть тихонько руку
 И падаетъ. Туманный взоръ
 Изображаетъ смерть, не муку:
 Такъ медленно по скату горъ,
 На солнцѣ искрами блистая,
 Спадаетъ глыба снѣговая.
 Мгновеннымъ холодомъ облить,
 Онъгинъ къ юношѣ спѣшить,
 Глядитъ, зоветъ его... напрасно:
 Его ужъ нѣтъ. Младой пѣвецъ
 Нашель безвременный конецъ!
 Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
 Увяль на утренней зарѣ!...
 Потухъ огонь на алтарѣ!

XXXII.

Недвижимъ онъ лежалъ, и странепъ
 Быль томный миръ его чела.

Подъ грудь онъ былъ навылеть ранень;
Дымясь, изъ раны кровь текла.
Тому назадъ одно мгновенье,
Въ семь сердецъ билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипѣла кровь:
Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
Все въ немъ и тихо, и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни; окна мѣломъ
Забѣлены. Хозяйки нѣтъ.
А гдѣ, Богъ вѣсть; пропаль и слѣдъ.

XXXIII.

Пріятно дерзкой эпиграмой
Взбѣситъ оплошнаго врага;
Пріятно зрѣть, какъ онъ, упрямо
Склонивъ бодливые рога,
Невольно въ зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Пріятнѣй, если онъ, друзья,
Завоетъ сдуру: это я!
Еще пріятнѣе въ молчаньи
Ему готовить честный гробъ,
И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ
На благородномъ разстояньи;

Но отослать его къ отцамъ
Едва ль пріятно будетъ вамъ!

XXXIV.

Что жь, если вашимъ пистолетомъ
Сраженъ пріятель молодой,
Нескромнымъ взглядомъ, иль отвѣтомъ,
Или бездѣлицей иной
Васъ оскорбившій за бутылкой,
Иль даже самъ, въ досадѣ пылкой,
Васъ гордо вызвавшій на бой,
Скажите: вашею душой
Какое чувство овладѣть,
Когда недвижимъ, на землѣ,
Предъ вами, съ смертью на челѣ,
Онъ постепенно костенѣть,
Когда онъ глухъ и молчаливъ
На вашъ отчаянный призывъ?

XXXV.

Въ тоскѣ сердечныхъ утрызений,
Рукою стиснувъ пистолеть,
Глядитъ на Ленскаго Евгенийъ.
«Ну, что жь? убить,» рѣшилъ сосѣдъ.
Убить! . . . Симъ страшнымъ восклицаньемъ
Сраженъ, Онъгинъ съ содроганьемъ
Отходить и людей зоветъ.

Зарѣцкій бережно кладеть
На сани трупъ оледенѣлый;
Домой везеть онъ страшный кладъ.
Почуя мертваго, храпятъ
И бьются кони, пѣной бѣлой
Стальные мочать удила,
И полетѣли какъ стрѣла.

XXXVI.

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ,
Увяль! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья,
И жажда знаній и труда,
И страхъ порока и стыда,
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой!

XXXVII.

Быть можетъ, онъ для блага міра,
Иль хоть для славы былъ рождёнъ;

Его умолкнувшая лира
 Грсмучій, непрерывный звонъ
 Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
 Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
 Ждала высокая ступень.
 Его страдальческая тѣнь,
 Быть можетъ, унесла съ собою
 Святую тайну, и для насъ
 Погибъ животворящій гласъ,
 И за могильною чертою
 Къ ней не домчится гимнъ времянь,
 Благословенія племеньъ.

XXXVIII. XXXIX.

А можетъ быть и то: поэта
 Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
 Прошли бы юношества лѣта:
 Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ.
 Во многомъ онъ бы измѣнился,
 Разстался бъ съ музами, женился;
 Въ деревнѣ, счастливъ и рогать,
 Носилъ бы стеганный халатъ;
 Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
 Подагру бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
 Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ,
 И наконецъ въ своей постелѣ

Скончался бѣ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабѣ и лекарей.

XL.

Но что бы ни было, читатель,
Увы, любовникъ молодой,
Поэтъ, задумчивый мечтатель,
Убить пріятельской рукой!
Есть мѣсто: влѣво отъ селенья,
Гдѣ жилъ питомецъ вдохновенья,
Двѣ сосны корнями срослись;
Подъ ними струйки извились
Ручья сосѣдственной долины.
Тамъ пахарь любить отдыхать,
И жницы въ волны погружать
Приходятъ звонкіе кувшины;
Тамъ у ручья въ тѣни густой
Поставленъ памятникъ простой.

XLI.

Подъ нимъ (какъ начинается капать
Весенній дождь на злакъ полей)
Пастухъ, плетя свой пестрый лапотъ,
Поетъ про Волжскихъ рыбаей;
И горожанка молодая,
Въ деревнѣ лѣто провожая,
Когда стремглавъ верхомъ она

Несется по полямъ одна,
Коня предъ нимъ останавливаетъ,
Ременный поводъ натянувъ,
И, флеръ отъ шляпы отвернувъ,
Глазами бѣглыми читаетъ,
Простую надпись, и слеза
Туманитъ нѣжные глаза.

XLII.

И шагомъ ѣдетъ въ чистомъ полѣ,
Въ мечтанье погружаясь, она;
Душа въ ней долго поневолѣ
Судьбою Ленскаго полна;
И мыслить: «что-то съ Ольгой стало?
Въ ней сердце долго ли страдало,
Иль скоро слезъ прошла пора?
И гдѣ теперь ея сестра?
И гдѣ жъ бѣглець людей и свѣта,
Красавицъ модныхъ модный врагъ,
Гдѣ этотъ пасмурный чудакъ,
Убийца юнаго поэта?»
Со временемъ отчетъ я вамъ
Подробно обо всемъ отдамъ;

XLIII.

Но не теперь. Хоть я сердечно
Люблю героя моего,

Хоть возвращусь къ нему конечно;
Но мнѣ теперь не до него.
Лѣта къ суровой прозѣ клонятъ,
Лѣта шалуню рифму гонятъ,
И я, со вздохомъ признаюсь,
За ней лѣнивѣй волочусь.
Перу старинной нѣтъ охоты
Марать летучіе листы;
Другія, хладныя мечты,
Другія, строгія заботы
И въ шумѣ свѣта и въ тиши
Тревожатъ сонъ моей души.

XLIV.

Позналъ я гласъ иныхъ желаній,
Позналъ я новую печаль;
Для первыхъ нѣтъ мнѣ упованій,
А старой мнѣ печали жаль.
Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?
Гдѣ, вѣчная къ ней рифма, *младость*?
Ужель и впряду, наконецъ,
Увяль, увяль ея вѣнецъ?
Ужель и впрямъ, и въ самомъ дѣлѣ,
Безъ элегическихъ затѣй,
Весна моихъ промчалась дней
(Что я шутя твердилъ доселѣ)?

И ей ужель возврата нѣтъ?
Ужель мнѣ скоро тридцать лѣтъ?

XLV.

Такъ, полдень мой насталь, и пужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но, такъ и быть, простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всѣ, за всѣ твои дары;
Благодарю тебя. Тобою,
Среди тревогъ и въ тишинѣ,
Я наслаждался... и вполнѣ;
Довольно! Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.

XLVI.

Дай оглянусь. Простите жъ, сѣни,
Гдѣ дни мои текли въ глуши,
Исполнены страстей и лѣни
И сновъ задумчивой души.
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,

Въ мой уголь чаще прилетай,
Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть,
И наконецъ окаменѣть
Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ,

XLVII.

Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди всеневныхъ, модныхъ сцещъ
Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Расчетовъ, думъ и разговоровъ,
Въ семь омутъ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

—

Москва, Россiя дочь любимая,
Гдѣ равнужо тебя сыскать?

ДИЖТРИВЪ.

Какъ не любить родной Москвы?

БАРАТНИНСКІЙ.

Гоненье на Москву! что значить видѣть свѣтъ!
Гдѣ жь лучше?

Гдѣ насъ пѣть.

ГРИВОЗДОВЪ.

I.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потоппенные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя, блещутъ небеса.
Еще прозрачные, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;

Стада шумять, и соловей
Ужь пѣль въ безмолвіи ночей.

II.

Какъ грустно мнѣ твое явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
Въ моей душѣ, въ моей крови!
Съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ
Я наслаждаюсь дуновеньемъ
Въ лице мнѣ вѣющей весны
На лонѣ сельской тишины!
Или мнѣ чуждо наслажденье,
И все, что радуеть, живить,
Все, что ликуеть и блестить,
Наводитъ скуку и томленье
На душу мертвую давно,
И все ей кажется темно?

III.

Или, не радуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ?
Или съ природой оживленной
Сближаемъ думою смущенной
Мы увяданье нашихъ лѣтъ,

Которымъ возрожденья нѣтъ?
Быть можетъ, въ мысли намъ приходитъ,
Средь поэтическаго сна,
Иная, старая весна,
И въ трепеть сердце намъ приводитъ
Мечтой о дальней сторонѣ,
О чудной ночи, о лунѣ. . . .

IV.

Вотъ время: добрые лѣнивцы,
Эпикурейцы-мудрецы,
Вы, равнодушные счастливыцы,
Вы, школы Левшина ⁴⁴ птенцы,
Вы, деревенскіе Пріамы,
И вы, чувствительныя дамы,
Весна въ деревню васъ зоветъ,
Пора тепла, цвѣтовъ, работъ,
Пора гуляній вдохновенныхъ
И соблазнительныхъ ночей.
Въ поля, друзья! скорѣй, скорѣй,
Въ каретахъ, тяжело нагруженныхъ,
На долгихъ, иль на почтовыхъ,
Тянитесь изъ заставъ градскихъ.

V.

И вы, читатель благосклонный,
Въ своей коляскѣ выписной,

Оставьте градъ неугомонный,
Гдѣ веселились вы зимой;
Съ моею музой своенравной
Пойдемте слушать шумъ дубравной
Надъ безыменною рѣкой,
Въ деревнѣ, гдѣ Евгений мой,
Отшельникъ праздный и унылой,
Еще недавно жилъ зимой
Въ сосѣдствѣ Тани молодой,
Моей мечтательницы милой;
Но гдѣ его теперь ужъ нѣтъ
Гдѣ грустный онъ оставилъ слѣдъ.

VI.

Межъ горъ, лежащихъ полукрутомъ,
Пойдемъ туда, гдѣ ручеекъ,
Віясь, бѣжитъ зеленымъ лугомъ
Къ рѣкѣ сквозь липовой лѣсокъ.
Тамъ соловей, весны любовникъ,
Всю ночь поетъ; цвѣтетъ шиповникъ,
И слышенъ говоръ ключевой;
Тамъ видѣнъ камень гробовой
Въ тѣни двухъ сосенъ устарѣлыхъ.
Пришельцу надпись говоритъ:
« Владимиръ Ленскій здѣсь лежитъ,
« Погибшій рано смертью смѣлыхъ,

« Въ такой-то годъ, такихъ-то лѣтъ.
« Покойся, юноша-поэтъ! »

VII.

На вѣтви сосны преклоненной,
Бывало, ранній вѣтерокъ
Надъ этой урною смиренной
Качалъ таинственный вѣнокъ;
Бывало, въ поздніе досуги
Сюда ходили двѣ подруги,
И на могилѣ, при лунѣ,
Обнявшись плакали онѣ.
Но нынѣ... памятникъ унылой
Забыть. Къ нему привычный слѣдъ
Заглохъ. Вѣнка на вѣтви нѣтъ;
Одинъ подъ нимъ сѣдой и хилой
Пастухъ попрежнему поетъ,
И обувь бѣдную плететъ.

VIII. IX. X.

Мой бѣдный Ленскій! Изнывая,
Недолго плакала она.
Увы! невѣста молодая
Своей печали невѣрна.
Другой увлекъ ея вниманье,
Другой успѣлъ ея страдаше
Любовной лестью усыпить,

Уланъ умѣлъ ее плѣнить,
Уланъ любимъ ея душою
И вотъ ужъ съ нимъ, предъ алтарёмъ,
Она стыдливо подъ вѣнцомъ
Стоитъ съ поникшей головою,
Съ огнемъ въ потушенныхъ очахъ,
Съ улыбкой легкой на устахъ.

XI.

Мой бѣдный Ленскій, за могилой
Въ предѣлахъ вѣчности глухой,
Смутился ли, пѣвецъ унылой,
Измѣны вѣстью роковой?
Или надъ Летою усыпленной,
Поэтъ, безчувствіемъ блаженной,
Ужъ не смущается ничѣмъ,
И міръ ему закрытъ и нѣмъ?
Такъ, равнодушное забвенье
За гробомъ ожидаетъ насъ.
Враговъ, друзей, любовницъ гласъ
Вдругъ молкнетъ. Про одно имѣнье
Наслѣдниковъ сердитый хоръ
Заводитъ непристойный споръ.

XII.

И скоро звонкій голосъ Оли
Въ семействѣ Лариныхъ умолкъ

Уланъ, своей невольникъ доли,
Быль долженъ ѣхать съ нею въ полкъ.
Слезами горько обливаясь,
Старушка, съ дочерью прощаясь,
Казалось, чуть жива была;
Но Таня плакать не могла:
Лишь смертной блѣдностью покрылось
Ея печальное лицо.
Когда всѣ вышли на крыльцо,
И все прощаясь сустилось
Вокругъ кареты молодыхъ,
Татьяна проводила ихъ.

XIII.

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядѣла имъ вослѣдъ
И вотъ одна, одна Татьяна!
Увы! подруга столькихъ лѣтъ,
Ея голубка молодая,
Ея наперсница родная,
Судьбою въ даль занесена,
Съ ней навсегда разлучена.
Какъ тѣнь, она безъ цѣли бродить;
То смотреть въ опустѣлый садъ
Нигдѣ, ни въ чемъ ей нѣтъ отрадъ,
И облегченья не находить

Она подавленнымъ слезамъ,
И сердце рвется пополамъ.

XIV.

И въ одиночествѣ жестокомъ
Сильнѣе страсть ея горитъ,
И объ Онъгинѣ далекомъ
Ей сердце громче говоритъ.
Она его не будетъ видѣть;
Она должна въ немъ ненавидѣть
Убійцу брата своего.
Поэтъ погибъ но ужь его
Никто не помнитъ; ужь другому
Его невѣста отдалась:
Поэта память пронеслась
Какъ дымъ по небу голубому.
О немъ два сердца, можетъ быть,
Еще грустятъ начто грустить?

XV.

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ,
Ужъ расходились хороводы.
Ужъ за рѣкой дымясь пылалъ
Огонь рыбачій. Въ полѣ чистомъ
Луны при свѣтѣ серебряномъ
Въ свои мечты погружена,

Татьяна долго шла одна;
Шла, шла... и вдругъ передъ собою
Съ холма господскій видитъ домъ,
Селенье, рошу подъ холмомъ
И садъ надъ свѣтлою рѣкою.
Она глядитъ — и сердце въ ней
Забилось чаще и сильнѣй.

XVI.

Ее сомнѣнія смущаютъ:
«Пойду ль впередъ, пойду ль назадъ?
Его здѣсь нѣтъ. Меня не знаютъ
Взгляну на домъ, на этотъ садъ.»
И вотъ съ холма Татьяна сходитъ
Едва дыша; кругомъ обводитъ
Недоумѣнья полный взоръ
И входитъ на пустынный дворъ.
Къ ней лая кинулись собаки.
На крикъ испуганный ея
Ребятъ дворовая семья
Сбѣжалась шумно. Не безъ драки
Мальчишки разгоняли псовъ,
Взявъ барышню подъ свой покровъ.

XVII.

«Увидѣть барской домъ нельзяли?»
Спросила Таня. Поскорѣй

Къ Анисѣ дѣти побѣжали
У пей ключи взять отъ сѣней.
Анисья тотчасъ къ ней явилась,
И дверь предъ ними отворилась,
И Таня входитъ въ домъ пустой,
Гдѣ жилъ недавно нашъ герой.
Она глядитъ: забытый въ залѣ
Кій на бильярдѣ отдыхалъ;
На смятомъ канапе лежалъ
Манежный хлыстикъ. Таня далѣ;
Старушка ей: « а вотъ каминъ;
Здѣсь баринъ сиживалъ одинъ.

XVIII.

«Здѣсь съ нимъ обѣдывалъ зимою
Покойный Ленской, нашъ сосѣдъ.
Сюда пожалуйте, за мною.
Вотъ это барскій кабинетъ;
Здѣсь почивалъ онъ, кофе кушалъ,
Прикащика доклады слушалъ
И книжку поутру читалъ. . . .
И старый баринъ здѣсь живалъ.
Со мной бывало въ воскресенье,
Здѣсь подъ окномъ, надѣвъ очки,
Играть изволимъ въ дурачки.
Дай Богъ душѣ его спасенье,

А косточкамъ его покой
Въ могилѣ, въ мать-землѣ сырой!»

XIX.

Татьяна взоромъ умиленнымъ
Вокругъ себя на все глядитъ;
И все ей кажется безцѣннымъ,
Все душу томную живить
Полумучительной отрадой:
И столъ съ померкшею лампадой,
И груда книгъ, и подь окномъ
Кровать, покрытая ковромъ,
И видъ въ окно сквозь сумракъ лунной,
И этотъ блѣдный полусвѣтъ,
И Лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной
Подъ шляпой съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками, сжатыми крестомъ.

XX.

Татьяна долго въ кельѣ модной
Какъ очарована стоять.
Но поздно. Вѣтеръ всталъ холодной.
Темно въ долинь. Роща спить
Надъ отумапенной рѣкою;
Луна сокрылась за горою,
И пилигримкѣ молодой

Пора, давно пора домой.
И Таня, скрывъ свое волненье,
Не безъ того, чтобъ не вздохнуть,
Пускается въ обратный путь,
Но прежде просить позволенья
Пустынный замокъ навѣщать,
Чтобъ книжки здѣсь одной читать.

XXI.

Татьяна съ ключницей простилась
За воротами. Черезъ день
Ужъ утромъ рано вновь явилась
Она въ оставленную сѣнь,
И въ молчаливомъ кабинетѣ,
Забывъ навремя все на свѣтѣ,
Осталась наконецъ одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книги принялася.
Сперва ей было не до нихъ;
Но показался выборъ ихъ
Ей страненъ. Чтенью предалася
Татьяна жадною душой:
И ей открылся міръ иной.

XXII.

Хотя мы знаемъ, что Евгенийъ
Издавна чтенья разлюбилъ,

Однакожь нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ:
Пѣвца Гяура и Жуана,
Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человекъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

XXIII.

Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей:
Глаза внимательной дѣвицы
Устремлены на нихъ живѣй.
Татьяна видитъ съ трепетаньемъ,
Какою мыслью, замѣчаньемъ,
Бываль Онѣгинъ пораженъ,
Въ чемъ молча соглашался онъ.
На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
Черты его карандаша.
Вездѣ Онѣгина душа
Себя невольно выражаетъ,

То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

XXIV.

И начипасть понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудакъ печальный и опасной,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангель, сей надменный бѣсъ,
Что жь онъ? ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ? . . .
Ужь не пародія ли онъ?

XXV.

Ужель загадку разрѣшила?
Ужели слово найдено?
Часы бѣгутъ; она забыла,
Что дома ждуть ее давно,
Гдѣ собралися два сосѣда
И гдѣ объ ней идетъ бесѣда.
«Какъ быть? Татьяна не дитя,»

Старушка молвила крехтя.
 « Вѣдь Олинъка ея моложе.
 Пристроить дѣвушку ей-ей
 Пора; а что мнѣ дѣлать съ ней?
 Всѣмъ наотрѣзъ одно и тоже:
 Нейду. И все груститъ она,
 Да бродить по лѣсамъ одна.»

XXVI.

« Не влюблена ль она? » — Въ кого же?
 Буяновъ сватался — отказъ.
 Ивану Пѣтушкову — тоже.
 Гусарь Пыхтинъ гостилъ у насъ;
 Ужъ какъ онъ Тапею прельщался,
 Какъ мелкимъ бѣсомъ разсыпался!
 Я думала: поидеть авось;
 Куда! и снова дѣло врозь. —
 « Что жь, матушка, зачѣмъ же стало?
 Въ Москву, на ярмарку невѣсть!
 Тамъ, слышно, много праздныхъ мѣсть.»
 — Охъ, мой отецъ! доходу мало. —
 « Довольно для одной зимы;
 Не то ужъ дамъ хоть я взаймы.»

XXVII.

Старушка очень полюбила
 Совѣтъ разумный и благой;

Сочлась, и тутъ же положила
Въ Москву отправиться зимой.
И Таня слышитъ новость эту.
На судъ взыскательному свѣту
Представить ясныя черты
Провинціальной простоты,
И запоздалые наряды,
И запоздалый складъ рѣчей!
Московскихъ франтовъ и цирцей
Привлечь насмѣшливые взгляды! . . .
О, страхъ! нѣтъ, лучше и вѣрнѣй
Въ глуши лѣсовъ остаться ей.

XXVIII.

Вставая съ первыми лучами,
Теперь она въ поля слышитъ
И умиленными очами
Ихъ озирая говорить:
«Простите, мирныя долины,
И вы, знакомыхъ горъ вершины,
И вы, знакомые лѣса!
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа!
Мнѣняю милый, тихій свѣтъ
На шумъ блистательныхъ суетъ! . . .
Прости жъ и ты, моя свобода!

Куда, зачѣмъ стремлюся я?
Что мнѣ сулить судьба моя?»

XXIX.

Ея прогулки длятся долѣ.
Теперь то холмикъ, то ручей
Остановляютъ поневолѣ
Татьяну прелестью своей.
Она какъ съ давними друзьями,
Съ своими рощами, лугами
Еще бесѣдовать спѣшитъ.
Но лѣто быстрое летитъ.
Настала осень золотая.
Природа трепетна, блѣдна,
Какъ жертва, пышно убрана
Вотъ съверь тучи нагоня
Дохнулъ, завылъ, и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.

XXX.

Пришла, разсыпалась; клоками
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ. И рады мы

Проказамъ матушки зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Пейдетъ она зиму встрѣчать,
Морозной пылью подышать,
И первымъ снѣгомъ съ кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь:
Татьянѣ страшенъ зимній путь.

XXXI.

Отъѣзда день давно просрочень;
Проходитъ и послѣдній срокъ.
Осмотрѣнь, вновь обить, упрочень
Забвенью брошенный возокъ.
Обозъ обычный, три кибитки
Везутъ домашніе пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье въ банкахъ, тюфяки,
Перины, клятки съ пѣтухами,
Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякаго добра.
И вотъ въ избѣ между слугами
Поднялся шумъ, прощальный плачь:
Ведутъ на дворъ осьмнадцать клячь.

XXXII.

Въ возокъ боярскій ихъ впрягаютъ;
Готовятъ завтракъ повара;

Горой кибитки нагружаютъ;
Бранятся бабы, кучера.
На клячѣ тощей и косматой
Сидитъ форрейторъ бородатой.
Сбѣжалась челядь у воротъ
Прощаться съ барами. И вотъ
Усѣлись, и возокъ почтенный
Скользя ползеть за ворота.
«Простите, мирныя мѣста!
«Прости, пріють уединенный!
«Увижу ль васъ?» И слезъ ручей
У Тани льется изъ очей.

XXXIII.

Когда благому просвѣщенью
Отдвинемъ болѣе границъ,
Современемъ (по расчисленью
Философическихъ таблицъ,
Лѣтъ чрезъ пять сотъ) дороги вѣрно
У насъ измѣнятся безмѣрно:
Шоссе Россію здѣсь и тутъ
Соединивъ пересѣкутъ;
Мосты чугунные чрезъ воды
Шагнуть широкою дугой;
Раздвинемъ горы; подъ водой
Пророемъ дерзостные своды,

И заведетъ крещеный міръ
На каждой станціи трактиръ.

XXXIV.

Теперь у насъ дороги плохи ⁴⁵,
Мосты забытые гниютъ,
На станціяхъ клопы да блохи
Заснуть минуты не даютъ;
Трактировъ нѣтъ. Въ избѣ холодной
Высокопарный, но голодной
Для виду прейскурантъ виситъ
И тщетный дразнить аппетитъ,
Межъ тѣмъ, какъ сельскіе циклопы
Передъ медлительнымъ огнемъ
Россійскимъ лечатъ молоткомъ
Издѣлье легкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.

XXXV.

За то зимы порой холодной
Ѣзда пріятна и легка.
Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснь модной,
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, тѣша праздный взоръ,

Въ глазахъ мелькаютъ какъ заборъ ⁴⁶.
Къ несчастью, Ларина тащилась,
Боясь прогоновъ дорогихъ,
Не на почтовыхъ, на своихъ,
И наша дѣва насладила
Дорожной скукою вполне:
Семь сутокъ ѣхали онѣ.

XXXVI.

Но вотъ ужъ близко. Передъ ними
Ужъ бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ крестами золотыми,
Горятъ старинныя главы.
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церковей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца Русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

XXXVII.

Вотъ, окружень своей дубравой,
Петровскій замокъ. Мрачно онъ

Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенной,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не приѣмный даръ,
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою.
Отсель, въ думу погружень,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

XXXVIII.

Прощай, свидѣтель падшей славы,
Петровскій замокъ. Ну! не стой,
Пошоль! Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ; вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы.
Мелькаютъ мимо бутки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,

Балконы, львы на воротахъ
И стаи галокъ на крестахъ.

XXXIX. XL.

Въ сей утомительной прогулкѣ
Проходить часъ — другой, и вотъ
У Харитонья въ переулкѣ
Возокъ предъ домою у воротъ
Остановился. Къ старой теткѣ,
Четвертый годъ больной въ чахоткѣ,
Онѣ пріѣхали теперь.
Имъ настезь отворяетъ дверь
Въ очахъ, въ изорванномъ кафтанѣ,
Съ чулкомъ въ рукѣ, съдой Калмыкѣ.
Встрѣчаетъ ихъ въ гостиной крикъ
Княжны, простертой на диванѣ.
Старушки съ плачемъ обнялись,
И восклицанья полились.

XLI.

«Княжна, mon ange!» — Rchette! — «Алина!»
— Кто бь могъ подумать? — «Какъ давно!»
— Надолго ль? — «Милая! Кузина!»
— Садись! какъ это мудрено!
Ей Богу, сцена изъ романа.... —
«А это дочь моя, Татьяна.»
— Ахъ, Таня! подойди ко мнѣ;

Какъ будто брежу я во снѣ. . . .
Кузина, помнишь Грандисона? —
«Какъ, Грандисонъ? а, Грандисонъ!
Да, помню, помню. Гдѣ же онъ?»
— Въ Москвѣ, живетъ у Симеона;
Меня въ сочельникъ навѣстилъ:
Недавно сына онъ женилъ.

XLII.

А тотъ но послѣ все расскажемъ.
Не правда ль? Всей ея роднѣ
Мы Таню завтра же покажемъ.
Жаль, развѣзжать нѣтъ мочи мнѣ;
Едва - едва таскаю ноги.
Но вы замучены съ дороги;
Пойдемте вмѣстѣ отдохнуть. . . .
Охъ, силы нѣтъ устала грудь
Мнѣ тяжела теперь и радость,
Не только грусть. . . . душа моя,
Ужъ никуда негодна я. . . .
Подстарость жизнь такая гадость. . . . —
И тутъ, совсѣмъ утомлена,
Въ слезахъ раскашлялась она.

XLIII.

Больной и ласки и веселье
Татьяну трогаютъ; но ей

Нехорошо на новосельѣ,
Привыкшей къ горницѣ своей.
Подъ занавѣскою шелковой
Неспится ей въ постелѣ новой,
И ранній звонъ колоколовъ,
Предтеча утреннихъ трудовъ,
Ее съ постели подымаетъ.
Садится Таня у окна.
Рѣдѣетъ сумракъ; но она
Своихъ полей не различаетъ:
Предъ нею незнакомый дворъ,
Конюшня, кухня и заборъ.

XLIV.

И вотъ: по родственнымъ обѣдамъ
Развозятъ Таню каждый день
Представить бабушкамъ и дѣдамъ
Ея разсѣянную лѣнь.
Роднѣ, прибывшей издалеча,
Повсюду ласковая встрѣча,
И восклицанья, и хлѣбъ-соль.
«Какъ Таня выросла! Давно ль
Я, кажется, тебя крестила?»
— А я такъ на руки брала! —
«А я такъ за уши драла.»
— А я такъ пряникомъ кормила! —

И хоромъ бабушки твердятъ:
«Какъ наши годы-то летятъ!»

XLV.

Но въ нихъ невидно перемѣны;
Все въ нихъ на старый образецъ:
У тетушки княжны Елены
Все тотъ же тюлевый чепецъ;
Все бѣлится Лукерья Львовна,
Все то же лжетъ Любовь Петровна,
Иванъ Петровичъ также глупъ,
Семень Петровичъ также скупъ,
У Пелагѣи Николавны
Все тотъ же другъ, мосье Финмушь,
И тотъ же шпицъ, и тотъ же мужъ;
А онъ, все клуба членъ исправный,
Все также смиренъ, также глухъ,
И также ѣсть и пьеть за двухъ.

XLVI.

Ихъ дочки Таню обнимають.
Младья граціи Москвы
Сначала молча озирають
Татьяну съ ногъ до головы;
Ее находятъ что-то странной,
Провинціальной и жеманной,
И что - то блѣдной и худой,

А впрочемъ очень недурной;
Потомъ, покорствуя природѣ,
Дружатся съ ней, къ себѣ ведутъ,
Далуютъ, нѣжно руки жмутъ,
Взбиваютъ кудри ей по модѣ,
И повѣряютъ нараспѣвъ
Сердечны тайны, тайны дѣвъ,

XLVII.

Чужія и свои побѣды,
Надежды, шалости, мечты.
Текутъ невинныя бесѣды
Съ прикрасой легкой клеветы.
Потомъ, въ отплату лепетанья,
Ея сердечнаго признанья
Умильно требуютъ онѣ.
Но Таня, точно какъ во снѣ,
Ихъ рѣчи слышитъ безъ участья,
Не понимаетъ ничего,
И тайну сердца своего,
Завѣтный кладъ и слезъ и счастья,
Хранить безмолвно междутѣмъ,
И имъ не дѣлится ни съ кѣмъ.

XLVIII.

Татьяна вслушаться желаетъ
Въ бесѣды, въ общій разговоръ:

Но всѣхъ въ гостиной занимаетъ
Такой безсвязный, пошлый вздоръ,
Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клеветуютъ даже скучно;
Въ безплодной сухости рѣчей,
Распросовъ, силетей и вѣстей,
Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобумъ;
Не улыбнется томный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

XLIX.

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядятъ,
И про нее между собою
Неблагодарно говорятъ.
Одинъ какой-то шутъ печальной
Ее находитъ идеальной,
И, прислонившись у дверей,
Элегію готовить ей.
У скучной тетки Таню встрѣтя,
Къ ней какъ-то В подсѣлъ
И душу ей занять успѣлъ.
И близъ него ее замѣтя,

Объ ней, поправя свой парикъ,
Освѣдомляется старикъ.

L.

Но тамъ, гдѣ Мельпомены бурной
Протяжный раздается вой,
Гдѣ машетъ мантией мишурной
Она предъ хладною толпой,
Гдѣ Талія тихонько дремлетъ
И плескамъ дружескимъ не внимлетъ,
Гдѣ Терпсихоръ лишь одной
Дивится зритель молодой
(Что было также въ прежни лѣты,
Во время ваше и мое),
Не обратились на нее
Ни дамъ ревнивые лорнеты,
Ни трубки модныхъ знатоковъ
Изъ ложъ и кресельныхъ рядовъ.

LI.

Ее привозятъ и въ Собранье.
Тамъ тѣснота, волненье, жаръ.
Музыки грохотъ, свѣчь блистанье,
Мельканье, вихоръ быстрыхъ паръ,
Красавицъ легкіе уборы,
Людьми пестряющіе хоры,
Невѣсть обширный полукругъ,

Все чувства поражаетъ вдругъ.
Здѣсь кажутъ франты записные
Свое нахальство, свой жилетъ
И невнимательный лорнетъ.
Сюда гусары отпускные
Спѣшать явиться, прогремѣть,
Блеснуть, плѣнить и улетѣть.

II.

У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
Красавицъ много на Москвѣ.
Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
Луна въ воздушной синевѣ.
Но та, которую не смѣю
Тревожить лирою моею,
Какъ величавая луна
Средь жень и дѣвъ блеститъ одна.
Съ какою гордостью небесной
Земли касается она!
Какъ нѣгой грудь ея полна!
Какъ томень взоръ ея чудесной!
Но полно, полно; перестань:
Ты заплатилъ безумству дань.

III.

Шумъ, хохоть, бѣготня, поклоны,
Галопъ, мазурка, вальсъ. . . . Межь тѣмъ,

Между двухъ тетокъ, у колонны,
Незамѣчаема никѣмъ,
Татьяна смотритъ и не видитъ,
Волненье свѣта ненавидитъ;
Ей душно здѣсь она мечтой
Стремится къ жизни полевой,
Въ деревню къ бѣднымъ поселянамъ,
Въ уединенный уголокъ,
Гдѣ льется свѣтлый ручеекъ,
Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ романамъ,
И въ сумракъ липовыхъ алей,
Туда, гдѣ онъ являлся ей.

LIV.

Такъ мысль ея далече бродитъ:
Забить и свѣтъ, и шумный балъ,
А глазъ межъ тѣмъ съ нея не сводитъ
Какой-то важный генераль.
Другъ другу тетушки мигнули,
И локтемъ Таню вразъ толкнули,
И каждая шепнула ей:
«Взгляни налѣво поскорѣй.»
— Налѣво? гдѣ? что тамъ такое? —
«Ну, что бы ни было, гляди. . . .
Въ той кучкѣ, видишь? впереди,
Тамъ, гдѣ еще въ мундирахъ двое. . . .

Вотъ отошелъ вотъ бокомъ сталь. . . .»
— Кто? толстый этотъ генераль? —

LV.

Но здѣсь съ побѣдою поздравимъ
Татьяну милую мою,
И въ сторону свой путь направимъ,
Чтобъ не забыть, о комъ пою. . . .
Да кстати здѣсь о томъ два слова:
Пою пріятеля младова
И множество его пригудъ.
Благослови мой долгій трудъ,
О ты, спическая муза!
И вѣрный посохъ мнѣ вручивъ,
Не дай блуждать мнѣ вкось и вкривъ.
Довольно. Съ плечь долой обуза!
Я классицизму отдаю честь:
Хоть поздно, а вступленье есть.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

—

Fare thee well, and if for ever

Still for ever fare thee well.

ВѢЛОК.

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно Апудея,
А Цицерона не читалъ,
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединныхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась: муза въ ней
Открыла ширь молодыхъ затѣй,
Воспѣла дѣтскія веселья,

И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

II.

И свѣтъ ее съ улыбкой встрѣтилъ;
Успѣхъ насъ первый окрылилъ;
Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

III.

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
Страстей единый произволь,
Съ толпою чувства раздѣляя,
Я музу рѣзвую привелъ
На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
Грозы полуночныхъ дозоровъ:
И къ нимъ въ безумные пиры

Она несла свои дары,
И какъ Вакханочка рѣзвилась,
За чашей пѣла для гостей,
И молодежь минувшихъ дней
За нею буйно волочилась,
А я гордился межъ друзей
Подругой вѣтренной моей.

IV.

Но я отсталъ отъ ихъ союза
И вдаль бѣжалъ . . . она за мной.
Какъ часто ласковая муза
Мнѣ услаждала путь нѣмой
Волшебствомъ тайнаго расказа!
Какъ часто, по скаламъ Кавказа,
Она Ленорой, при лунѣ,
Со мной скакала на конѣ!
Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопотъ Нереиды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ Отцу міровъ.

V.

И позабывъ столицы дальней
И блескъ и шумные пиры,

Въ глуши Молдавіи печальной
Она смиренныя шатры
Племень бродящихъ посѣщала,
И между ними одичала,
И позабыла рѣчь боговъ
Для скудныхъ, странныхъ языковъ,
Для пѣсень степи ей любезной . . .
Вдругъ измѣнилось все кругомъ:
И вотъ она въ саду моемъ
Явилась барышней уѣздной,
Съ печальной думою въ очахъ,
Съ французской книжкой въ рукахъ.

VI.

И нынѣ музу я впервые
На свѣтскій рауть ⁴⁷ привожу;
На прелести ея степныя
Съ ревнивой робостью гляжу.
Сквозь тѣсный рядъ аристократовъ,
Военныхъ франтовъ, дипломатовъ
И гордыхъ дамъ она скользитъ;
Вотъ съла тихо и глядитъ,
Любуясь шумной тѣснотою,
Мельканьемъ платьевъ и рѣчей,
Явленьемъ медленнымъ гостей
Передъ хозяйкой молодою,

И темной рамою мужчинъ
Вкругъ дамъ, какъ около картинъ.

VII.

Ей нравится порядокъ стройной
Олигархическихъ бесѣдъ,
И холодъ гордости спокойной,
И эта смѣсь чиновъ и лѣтъ.
Но это кто, въ толпѣ избранной,
Стоитъ безмолвный и туманной?
Для всѣхъ онъ кажется чужимъ.
Мелькаютъ лица передъ нимъ,
Какъ рядъ докучныхъ привидѣній?
Что, сплинь иль страдающая спѣсь
Въ его лицѣ? Зачѣмъ онъ здѣсь?
Кто онъ таковъ? Уже ль Евгенийъ?
Ужели онъ? . . . Такъ, точно онъ.
«Давно ли къ намъ онъ занесенъ?

VIII.

Все тотъ же ль онъ, иль усмирился?
Иль корчитъ также чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представить онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
Космополитомъ, патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжей,

Иль маской щегольнетъ иной?
 Иль просто будетъ добрый малой,
 Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?
 По крайней мѣрѣ мой совѣтъ:
 Отстать отъ моды обветшалою.
 Довольно онъ морочилъ свѣтъ . . .»
 — Знакомъ онъ вамъ? — «И да и нѣтъ.»

IX.

— Зачѣмъ же такъ неблагоклонно
 Вы отзываетесь о немъ?
 За то ль, что мы неугомонно
 Хлопочемъ, судимъ обо всемъ;
 Что пылкихъ душъ неосторожность
 Самолюбивую ничтожность
 Иль оскорбляетъ иль смѣшитъ;
 Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ;
 Что слишкомъ часто разговоры
 Принять мы рады за дѣла;
 Что глупость вѣтрена и зла;
 Что важнымъ людямъ важны вздоры,
 И что посредственность одна
 Намъ по плечу и не странна?

X.

Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ,
 Блаженъ, кто вѣвремя созрѣлъ,

Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ;
Кто страннымъ снамъ не предавался;
Кто черни свѣтской не чуждался;
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ.
А въ тридцать выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ;
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился;
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
N. N. прекрасный человѣкъ.

XI.

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.
Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизньъ, какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою

Итти, не раздѣляя съ нсй
Ни общихъ мнѣній, ни страстей. —

XII.

Предметомъ ставъ суждений шумныхъ,
Несносно (согласитесь въ томъ)
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ,
Или печальнымъ сумасбродомъ,
Иль сатаническимъ уродомъ,
Иль даже Демономъ моимъ.
Онѣгинъ (вновь займуся имъ),
Убивъ на поединкѣ друга,
Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ
До двадцати шести годовъ,
Томясь въ бездѣйствіи досуга,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Ничѣмъ заняться не умѣлъ.

XIII.

Имъ овладѣло безпокойство,
Охота къ переменѣ мѣсть
(Весьма мучительное свойство,
Немногихъ добровольный крестъ).
Оставилъ онъ свое селенье,
Лѣсовъ и нивъ уединенье,
Гдѣ окровавленная тѣнь

Ему являлась каждый день,
И началъ странствія безъ цѣли
Доступный чувству одному.
И путешествія ему,
Какъ все на свѣтѣ, надѣли.
Онъ возвратился и попалъ,
Какъ Чацкій, съ корабля на балъ.

XIV.

Но вотъ толпа заколебалась,
По залѣ шопоть пробѣжалъ . . .
Къ хозяйкѣ дама приближалась,
За нею важный генераль.
Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Безъ взора наглаго для всѣхъ,
Безъ притязаній на успѣхъ,
Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
Безъ подражательныхъ затѣй. . .
Все тихо, просто было въ ней.
Она казалась вѣрный снимокъ
Du somme il faut . . . * * *, прости:
Не знаю, какъ перевести.

XV.

Къ ней дамы подвигались ближе,
Старушки улыбались ей;

Мужчины кланялися ниже,
Ловили взоръ ея очей;
Дѣвицы проходили тише
Предъ ней по залѣ: и всѣхъ выше
И носъ и плеча подымалъ
Вошедшій съ нею генераль.
Никто бѣ не могъ ее прекрасной
Назвать; но съ головы до ногъ
Никто бы въ ней найти не могъ
Того, что модой самовластной
Въ высокомъ Лондонскомъ кругу
Зовется vulgar. Не могу...

XVI.

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести:
Оно у насъ покамѣстъ ново,
И врядъ ли быть ему въ чести.
Оно бѣ годилось въ эпиграмфъ....
Но обращаюсь къ нашей дамѣ.
Безпечной прелестью мила,
Она сидѣла у стола
Съ блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы:
И вѣрно бѣ согласились вы,
Что Нина мраморной красою

Затмить сосѣдку не могла,
Хоть ослѣпительна была.

XVII.

«Ужели,» думаетъ Евгений:
«Ужель она? Но точно .. Нѣтъ...
Какъ! изъ глуши степныхъ селеній...»
И неотвязчивый лорнетъ
Онъ обращаетъ поминутно
На ту, чей видъ напомнилъ смутно
Ему забытыя черты.
«Скажи мнѣ, князь, не знаешь ты
Кто тамъ въ малиновомъ беретѣ
Съ посломъ Испанскимъ говорить?»
Князь на Онѣгина глядитъ.
— Ага! давно жъ ты не былъ въ свѣтѣ.
Постой, тебя представлю я. —
«Да кто жъ она?» — Жена моя. —

XVIII.

«Такъ ты женатъ! не зналъ я ранѣ!
Давно ли?» — Около двухъ лѣтъ.» —
«На комъ?» — На Лариной. — «Татьянѣ!»
— Ты ей знакомъ? — «Я имъ сосѣдъ.»
— О, такъ пойдемъ же. — Князь подходитъ
Къ своей женѣ, и ей подводитъ
Родню и друга своего.

Княгиня смотритъ на него...
И, что ей душу ни смутило,
Какъ сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не измѣнило:
Въ ней сохранился тотъ же тонъ;
Быль также тихъ ея поклонъ.

XIX.

Ей - ей! не то, чтобъ содрогнулась,
Иль стала вдругъ блѣдна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губъ она.
Хоть онъ глядѣль, нельзя прилѣжнѣй,
Но и слѣдовъ Татьяны прежней
Не могъ Онъгинъ обрѣсти.
Съ ней рѣчь хотѣль онъ завести
И — и не могъ. Она спросила,
Давно ль онъ здѣсь, откуда онъ,
И не изъ ихъ ли ужъ сторонъ?
Потомъ къ супругу обратила
Усталый взглядъ; скользнула вонъ...
И недвижимъ остался онъ.

XX.

Ужель та самая Татьяна,
Которой онъ наединѣ,

Въ началѣ нашего романа,
Въ глухой, далекой сторонѣ,
Въ благомъ пылу нравоученья,
Читалъ когда-то наставленья,
Та, отъ которой онъ хранить
Письмо, гдѣ сердце говоритъ,
Гдѣ все наружѣ, все наволѣ,
Та дѣвочка . . . иль это сонъ? . . .
Та дѣвочка, которой онъ
Пренебрегалъ въ смиренной долѣ,
Ужели съ нимъ сейчасъ была
Такъ равнодушна, такъ смѣла?

XXI.

Онъ оставляетъ раутъ тѣсный.
Домой задумчивъ ѣдетъ онъ.
Мечтой то грустной, то прелестной
Его встревожень поздній сонъ.
Проснулся онъ; ему приносятъ
Письмо: Князь N покорно проситъ
Его навечерь. «Боже! къ ней! . . .
О буду, буду!» — и скорѣй
Мараетъ онъ отвѣтъ учтивый.
Что съ нимъ? въ какомъ онъ странномъ снѣ!
Что шевельнулось въ глубинѣ
Души холодной и лѣнивой?

Досада? суствность? иль вновь
 Забота юности — любовь?

XXII.

Онъгинъ вновь часы считаетъ,
 Вновь не дождется дню копча.
 Но десять бьетъ; онъ выѣзжаетъ,
 Онъ полетѣлъ, онъ у крыльца,
 Онъ съ трепетомъ къ княгинѣ входитъ;
 Татьяну онъ одну находитъ
 И вмѣстѣ нѣсколько минутъ
 Они сидятъ. Слова нейдутъ
 Изъ устъ Онъгина. Угрюмой,
 Неловкій, онъ едва-едва
 Ей отвѣчаетъ. Голова
 Его полна упрямой думой.
 Упрямо смотритъ онъ: она
 Сидитъ покойна и вольна.

XXIII.

Приходитъ мужъ. Онъ прерываетъ
 Сей неприятный tête à tête;
 Съ Онъгинымъ онъ вспоминаетъ
 Проказы, шутки прежнихъ лѣтъ.
 Они смѣются. Входятъ гости.
 Вотъ крупной солью свѣтской злости
 Сталь оживляться разговоръ;

Передъ хозяйкой легкой вздоръ
Сверкаль безъ глупаго жеманства,
И прерываль его межъ тѣмъ
Разумный толкъ безъ пошлыхъ темъ,
Безъ вѣчныхъ истинъ, безъ педанства,
И не пугаль ни чьихъ ушей
Свободной живостью своей.

XXIV.

Туть былъ однако цвѣтъ столицы,
И знать и моды образцы,
Вездѣ встрѣчаемыя лица,
Необходимые глущи;
Туть были дамы пожилыя
Въ чепцахъ и въ розахъ, свиду злыя;
Туть было нѣсколько дѣвицъ,
Неулыбающихся лицъ;
Туть былъ посланникъ, говорившій
О государственныхъ дѣлахъ;
Туть былъ въ душистыхъ сѣдинахъ
Старикъ, постарому шутившій,
Отмѣнно тонко и умно,
Что нынче нѣсколько смѣшно.

XXV.

Туть былъ на эпиграмы падкій,
На все сердитый господинъ:

На чай хозяйскій, слишкомъ сладкій,
 На плоскость дамъ, на тонъ мужчинъ,
 На толки про романъ туманный,
 На вензель, двумъ сестрицамъ данный,
 На ложъ журналовъ, на войну,
 На снѣгъ и на свою жену.

.

XXVI.

Тутъ былъ * * *, заслужившій
 Извѣстность низостью души,
 Во всѣхъ альбомахъ притупившій,
 St.-P**, твои карандаши;
 Въ дверяхъ другой диктаторъ бальной
 Стоялъ картинкою журнальной;
 Румянъ какъ вербный херувимъ,
 Затянуть, нѣмъ и недвижимъ;
 И путешественникъ заметной,
 Перекрахмаленный нахаль,
 Въ гостяхъ улыбку возбуждалъ
 Своей осанкою заботной,

И молча обмѣненный взоръ
Ему былъ общій приговоръ.

XXVII.

Но мой Онѣгинъ вечеръ цѣлой
Татьяной занятъ былъ одной,
Не этой дѣвочкой несмѣлой,
Влюбленной, бѣдной и простой,
Но равнодушною княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной, царственной Невы.
О, люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вамъ дано, то не влечетъ;
Васъ непрестанно змѣй зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу;
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не рай.

XXVIII.

Какъ измѣнилася Татьяна!
Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ утѣснительнаго сана
Приемы скоро приняла!
Кто бъ смѣлъ искать дѣвочки нѣжной
Въ сей величавой, въ сей небрежной
Законодательницѣ замъ?

И онъ ей сердце волноваль!
Объ немъ она во мракъ ночи,
Пока морфей не прилетить,
Бывало, дѣвственно груститъ,
Къ лунѣ подъемлетъ томны очи,
Мечтая съ нимъ когда нибудь
Свершить смиренный жизни путь!

XXIX.

Любви всѣ возрасты покорны;
Но юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ
Ея порывы благотворны,
Какъ бури вешнія полямъ.
Въ дождѣ страстей они свѣжѣютъ,
И обновляются, и зрѣютъ —
И жизнь могущая даетъ
И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ.
Но въ возрастъ поздній и бесплодной,
На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
Печалень страсти мертвой слѣдъ:
Такъ бури осени холодной
Въ болото обращаютъ луть
И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

XXX.

Сомнѣнья пѣтъ: увы! Евгенийъ
Въ Татьяну какъ дитя влюбленъ;

Въ тоскѣ любовныхъ помышлений
И день и ночь проводитъ онъ.
Ума не внемля строгимъ пѣнямъ,
Къ ея крыльцу, стеклянымъ сѣнямъ
Онъ подъѣзжаетъ каждый день;
За ней онъ гонится какъ тѣнь;
Онъ счастливъ, если ей накинетъ
Боа пушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ея руки, или раздвинетъ
Предъ нею пестрый полкъ ливрей,
Или платокъ подыметъ ей.

XXXI.

Она его не замѣчаетъ,
Какъ онъ ни бейся, хоть умри.
Свободно дома принимаетъ,
Въ гостяхъ съ нимъ молвить слова три,
Порой однимъ поклономъ встрѣтитъ,
Порою вовсе не замѣтитъ:
Кокетства въ ней ни капли нѣтъ —
Его не терпитъ высшій свѣтъ.
Блѣднѣтъ Онѣгинъ начинаетъ:
Ей иль не видно, иль не жаль;
Онѣгинъ сохнетъ, и едва ль
Ужъ не чахоткою страдаетъ.

Всѣ шлють Онѣгина къ врачамъ,
Тѣ хоромъ шлютъ его къ водамъ.

XXXII.

А онъ не ѣдетъ; онъ заранѣ
Писать ко прадѣдамъ готовъ
О скорой встрѣчѣ; а Татьянѣ
И дѣла нѣтъ (ихъ полъ таковъ);
А онъ упрямъ, отстать не хочетъ,
Еще надѣется, хлопочетъ;
Смѣлѣй здороваго, больной,
Княгинѣ слабою рукой
Онъ пишетъ страстное посланье.
Хоть толку мало вообще
Онъ въ письмахъ видѣлъ невогще;
Но, знать, сердечное страданье
Уже пришло ему не вмочь.
Вотъ вамъ письмо его точь въ точь.

Письмо Онѣгина къ Татьянѣ.

«Предвижу все: васъ оскорбить
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презрѣнье
Вашъ гордый взглядъ изобразить!
Чего хочу? съ какою цѣлью
Открою душу вамъ свою?»

Какому злобному веселью,
Быть может, поводъ подаю!

«Случайно васъ когда-то встрѣти,
Въ васъ искру нѣжности замѣтя,
Я ей повѣрить не посмѣлъ:

Привычкѣ милой не далъ ходу;
Свою посылаю свободу
Я потерять не захотѣлъ.

Еще одно насъ разлучило.....

Несчастной жертвой Ленскій палъ...

Ото всего, что сердцу мило,

Тогда я сердце оторвалъ;

Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,

Я думалъ: вольность и покой

Замѣна счастью. Боже мой!

Какъ я ошибся, какъ наказанъ!

«Нѣтъ, поминутно видѣть васъ,

Повсюду слѣдовать за вами,

Улыбку усть, движенье глазъ

Ловить влюбленными глазами,

Внимать вамъ долго, понимать

Душой все ваше совершенство,

Предъ вами въ мукахъ замирать,

Блѣднѣть и гаснуть . . . вотъ блаженство!

«И я лишень того: для васъ

Тащусь повсюду наудачу;

Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ:

А я въ напрасной скукъ трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И такъ ужъ тягостны они.
Я знаю: вѣкъ ужъ мой измѣрень;
Но, чтобъ продлилась жизнь моя,
Я утромъ долженъ быть увѣрень,
Что съ вами днемъ увижусь я. . .

«Боюсь: въ мольбѣ моей смиренной
Увидить вашъ суровый взоръ
Затѣи хитрости презрѣнной —
И слышу гнѣвный вашъ укоръ.
Когда бъ вы знали, какъ ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать — и разумомъ всечасно
Смирять волненіе въ крови;
Желать обнять у васъ колѣни,
И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Излить мольбы, признанья, пѣни,
Все, все, что выразить бы могъ,
А между тѣмъ притворнымъ хладомъ
Вооружить и рѣчь и взоръ,
Вести спокойный разговоръ,
Глядѣть на васъ веселымъ взглядомъ! . .

«Но такъ и быть: я самъ себѣ
Противиться не въ силахъ болѣ;
Все рѣшено: я въ вашей волѣ,
И предаюсь моей судьбѣ.»

XXXIII.

Отвѣта нѣтъ. Онъ вновь посланье:
Второму, третьему письму
Отвѣта нѣтъ. Въ одно собранье
Онъ ѣдетъ; лишь вопель . . . ему
Она навстрѣчу. Какъ сурова!
Его не видятъ, съ нимъ ни слова;
У! какъ теперь окружена
Крещенскимъ холодомъ она!
Какъ удержать негодованье
Уста упрямья хотятъ!
Впериль Онѣгинъ зоркій взглядъ:
Гдѣ, гдѣ смятенье, состраданье?
Гдѣ пятна слезъ? . . . Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ!
На семь лицъ лишь гнѣва слѣдъ. . . .

XXXIV.

Да, можетъ быть, боязни тайной,
Чтобъ мужъ иль свѣтъ не угадалъ
Проказы слабости случайной. . . .
Всего, что мой Онѣгинъ зналъ. . . .
Надежды нѣтъ! Онъ уѣзжаетъ,
Свое безумство проклиная —
И, въ немъ глубоко погружень,
Отъ свѣта вновь отрекся онъ.
И въ молчаливомъ кабинетѣ
Ему припомнилась пора,

Когда жестокая хандра
 За нимъ гналася въ шумномъ свѣтѣ,
 Поймала, зѣворотъ взяла
 И въ темный уголъ заперла.

XXXV.

Сталь вновь читать онъ безъ разбора.
 Прочель онъ Гиббона, Руссо,
 Манзони, Гердера, Шанфора,
 Madame de Stael, Биша, Тиссо,
 Прочель скептическаго Беля,
 Прочель творенья Фонтенеля,
 Прочель изъ нашихъ кой-кого,
 Не отвергая ничего:
 И альманахи, и журналы,
 Гдѣ поученья намъ твердятъ,
 Гдѣ нынче такъ меня бранятъ,
 А гдѣ такіе мадригалы
 Себѣ встрѣчалъ я иногда,
 E sempre bene, господа.

XXXVI.

И что жъ? Глаза его читали,
 Но мысли были далеко;
 Мечты, желанія, печали
 Тѣснились въ душу глубоко.
 Онъ межъ печатными строками
 Читалъ духовными глазами
 Другія строки. Въ нихъ-то онъ

Быль совершенно углубленъ.
То были тайныя преданья
Сердечной, темной старины,
Ни съ чѣмъ несвязанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой
Иль письма дѣвы молодой.

XXXVII.

И постепенно въ усыпленье
И чувствъ и думъ впадаетъ онъ,
А передъ нимъ воображенье
Свой пестрый мечетъ фараонъ.
То видитъ онъ: на таломъ снѣгѣ,
Какъ будто спящій на ночлегѣ,
Недвижимъ юноша лежитъ,
И слышитъ голосъ: что жъ? убить!
То видитъ онъ враговъ забвенныхъ,
Клеветниковъ, и трусовъ злыхъ,
И рой измѣнницъ молодыхъ,
И кругъ товарищей презрѣнныхъ;
То сельскій домъ — и у окна
Сидитъ она... и все она!...

XXXVIII.

Онъ такъ привыкъ теряться въ этомъ,
Что чуть съ ума не своротилъ,

Или не сдѣлался поэтомъ.
Признаться: то-то бѣ одолжилъ!
А точно: силой магнетизма
Стиховъ Россійскихъ механизма
Едва въ то время не постигъ
Мой безтолковый ученикъ.
Какъ походилъ онъ на поэта,
Когда въ углу сидѣлъ одинъ,
И передъ нимъ пылалъ каминъ,
И онъ мурлыкалъ: *Benedetta*
Иль *Idol mio*, и ронялъ
Въ огонь то туфлю, то журналъ.

XXXIX.

Дни мчался; въ воздухѣ нагрѣтомъ
Ужъ разрѣшалася зима;
И онъ не сдѣлался поэтомъ,
Не умеръ, не сошелъ съ ума.
Весна живить его: впервые
Свои покои запертые,
Гдѣ зимовалъ онъ какъ сурокъ,
Двойныя окна, камелѣкъ,
Онъ яснымъ утромъ оставляетъ,
Несется вдоль Невы въ саняхъ.
На синихъ, изсѣченныхъ льдахъ
Играетъ солнце; грязно тастъ

На улицахъ разрытый снѣгъ.
Куда по немъ свой быстрый бѣгъ

XL.

Стремить Онѣгинъ? Вы заранѣ
Ужъ угадали; точно такъ:
Примчался къ ней, къ своей Татьянѣ
Мой неисправленный чудакъ.
Идетъ, на мертвеца похожій.
Нѣтъ ни одной души въ прихожей.
Онъ въ залу, дальше: никого.
Дверь отворилъ онъ. Что жъ его
Съ такую силой поражаетъ?
Княгиня передъ нимъ, одна,
Сидитъ, неубрана, блѣдна,
Письмо какое-то читаетъ
И тихо слезы льетъ рѣкой,
Опершись на руки щекой.

XLI.

О, кто бъ нѣмыхъ ея страданій
Въ сей быстрый мигъ не прочиталъ!
Кто прежней Тани, блѣдной Тани
Теперь въ Княгинѣ бъ не узналъ!
Въ тоскѣ безумныхъ сожалѣній
Къ ея ногамъ упалъ Евгений;
Она вздрогнула, и молчитъ;

И на Онѣгина глядитъ
Безъ удивленія, безъ гнѣва...
Его больной, угасшій взоръ,
Молящій видъ, нѣмой укоръ,
Ей внятно все. Простая дѣва,
Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней,
Теперь опять воскресла въ ней.

XLII.

Она его не подымаетъ,
И, не сводя съ него очей,
Отъ жадныхъ устъ не отымаетъ
Безчувственной руки своей...
О чемъ теперь ея мечтанье?...
Проходитъ долгое молчанье,
И тихо наконецъ она:
«Довольно; встаньте. Я должна
Вамъ объясниться откровенно.
Онѣгинъ, помните ль тотъ часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
Судьба свела, и такъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала я?
Сегодня очередь моя.

XLIII.

«Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,

И я любила васъ; и что же?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла?
Какой отвѣтъ? Одну суровость.
Не правда ль? Вамъ была не новость
Смиренной дѣвочки любовь?
И нынче — Боже! — стынетъ кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодной
И эту проповѣдь. . . Но васъ
Я не виню: въ тотъ страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой. . .

XLIV.

«Тогда — не правда ли? — въ пустынь,
Вдали отъ суетной молвы,
Я вамъ не нравилась. . . Что жъ нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтъ?
Не потому ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна;
Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ;
Что насъ за то ласкаетъ Дворъ?
Не потому ль, что мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,

И могъ бы въ обществѣ принесть
Вамъ соблазнительную честь?

XLV.

«Я плачу... Если вашей Тани
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда бъ въ моей лишь было власти,
Я предпочла бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ и слезамъ.
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ...
А нынче! — что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? Какая малость!
Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства мелкаго рабомъ?»

XLVI.

«А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта,
Постылой жизни минура,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера,
Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ

За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моею...

XLVII.

«А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!... Но судьба моя
Ужъ рѣшена. Неосторожно,
Быть можетъ, поступила я:
Меня съ слезами заклинаній
Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны...
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу, меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость и прямая честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду вѣкъ ему вѣрна.»

XLVIII.

Она ушла. Стоитъ Евгенийъ,
Какъ будто громомъ пораженъ.

Въ какую бурю ощущеній
Теперь онъ сердцемъ погружень!
Но шпоръ незапшій звонъ раздался,
И мужъ Татьянинъ показался,
И здѣсь героя моего,
Въ минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставимъ,
Надолго. . . навсегда. За нимъ
Довольно мы путемъ однимъ
Бродили посвѣту. Поздравимъ
Другъ друга съ берегомъ: Ура;
Давно бѣ (не правда ли?) пора!

XLIX.

Кто бѣ ни былъ ты, о мой читатель,
Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
Разстаться нынче какъ пріятель.
Прости. Чего бы ты за мной
Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ,
Воспоминаній ли мятежныхъ,
Отдохновенья ль отъ трудовъ,
Живыхъ картинъ, иль острыхъ словъ,
Иль грамматическихъ ошибокъ,
Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты,
Для развлеченья, для мечты,
Для сердца, для журнальныхъ сшибокъ,

Хотя крупницу могъ найти.
Засимъ разстанемся, прости!

L.

Прости жъ и ты, мой спутникъ странный,
И ты, мой вѣрный идеаль,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый трудъ. Я съ вами зналъ
Все, что завидно для поэта:
Забвенье жизни въ буряхъ свѣта,
Бесѣду сладкую друзей.
Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ
Явились впервые мнѣ —
И даль свободнаго романа
Я сквозь магическій кристалль
Еще неясно различалъ.

LI.

Но тѣ, которымъ въ дружной встрѣчѣ
Я строфы первыя читалъ. . .
Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади пѣкогда сказалъ.
Безъ нихъ Онѣгинъ дорисовавъ.
А ты, съ которой образованъ
Татьяны милой идеаль. . .

О, много, много рокъ отъялъ!
Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочелъ ея романа,
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ОНЪГИНА.

—

Послѣдняя глава Евгенія Онѣгина издана была особо, съ слѣдующимъ предисловіемъ:

«Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію и насмѣшкамъ (впрочемъ весьма справедливымъ и остроумнымъ). Авторъ чистосердечно признается, что онъ выпустилъ изъ своего романа цѣлую главу, въ коей описано было путешествіе Онѣгина по Россіи. Отъ него зависѣло означить сію выпущенную главу точками или цифромъ; но, въ избѣжаніе соблазна, рѣшился онъ лучше выставить, вмѣсто девятаго нумера, осьмой надъ послѣдней Главою Евгенія Онѣгина, и пожертвовать одною изъ окончательныхъ строфъ:

Пора: перо покоя просить;

Я девять пѣсень написалъ;

На берегъ радостный выносить

Мою ладью девятый валъ.

Хвала вамъ, девяти Каменамъ, и проч.»

П. А. Катенинъ (коему прекрасный поэтический талантъ не мѣшаетъ быть и тонкимъ критикомъ) замѣтилъ намъ, что сіе исключеніе, можетъ быть и выгодное для читателей, вредитъ однако жъ плану цѣлаго сочиненія; ибо чрезъ то переходъ отъ Татьяны, уѣздной барышни, къ Татьянѣ, знатной дамѣ, становится слишкомъ несожданнымъ и необъясненнымъ: замѣчаніе, обличающее опытнаго художника. Авторъ самъ чувствовалъ справедливость онаго, но рѣшился выпустить эту главу по причинамъ, важнымъ для него, а не для публики. Нѣкоторые отрывки были напечатаны; мы здѣсь ихъ помѣщаемъ, присовокупивъ къ нимъ еще нѣсколько строфъ.

Е. Онѣгинъ изъ Москвы ѣдетъ въ Нижній Новгородъ:

. передъ нимъ
 Макаръевъ суетно хлопочетъ,
 Кипитъ обиліемъ своимъ.
 Сюда жемчугъ привезъ Индеецъ,
 Поддѣльны вина Европеецъ.
 Табунъ бракованыхъ коней
 Пригналъ заводчикъ изъ степей.
 Игрокъ привезъ свои колоды
 И горсть услужливыхъ костей;
 Помѣщикъ спѣлыхъ дочерей,
 А дочки — прошлогодни моды.

Всякъ суетится, лжетъ за дзухъ
И всюду меркантильный дѣхъ.

*

Тоска! . . .

Онѣгинъ ѣдетъ въ Астрахань, и оттуда на Кавказъ.

Онъ видитъ, Терекъ своенравный
Крутые роетъ берега;
Предъ нимъ паритъ орелъ державный,
Стоитъ олень, склонивъ рога;
Верблюды лежатъ въ тѣни утеса,
Въ лугахъ несется конь Черкеса,
И вокругъ кочующихъ шатровъ
Пасутся овцы Калмыковъ.
Вдали — Кавказскія громады:
Къ нимъ путь открытъ. Пробилась брань
За ихъ естественную грань,
Черезъ ихъ опасныя преграды;
Брега Арагвы и Куры
Узрѣли Русскіе шатры.

*

Уже пустыни сторожъ вѣчный,
Стѣсненный холмами вокругъ,
Стоитъ Бешту остроконечный,
И зеленѣющій Машукъ,
Машукъ податель струй цѣлебныхъ;
Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ

Больныхъ тѣснитъ блѣдный рой;
Кто жертва чести боевой,
Кто почечуя, кто киприды;
Страдалецъ мыслить жизни нить
Въ волнахъ чудесныхъ укрѣпить,
Кокетка — злыхъ годовъ обиды
На днѣ оставить, а старикъ
Помолодѣть — хотя намигъ.

Питая горьки размышленья,
Среди печальной ихъ семьи,
Онѣгинъ взоромъ сожалѣнья
Глядитъ на дымныя струи
И мыслить, грустью отуманенъ:
Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
Зачѣмъ не хилой я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
Зачѣмъ, какъ Тульскій засѣдатель,
Я не лежу въ параличъ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма? — Ахъ, Создатель!
Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка;
Чего мнѣ ждать! Тоска, тоска!...

Онѣгинъ посѣщаетъ потомъ Тавриду:-

Воображенью край священный:
Съ Атридомъ спорить тамъ Пилладъ,
Тамъ заколоса Митридатъ,

Тамъ пѣль Мицкевичъ вдохновенный,
И посреди прибрежныхъ скалъ
Свою Литву воспоминалъ.

*

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я;
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груди вашихъ горъ;
Долинъ, деревьевъ, сель узоръ
Разостланъ былъ передо мною.
А тамъ, межъ хижинокъ Татаръ
Какой во мнѣ проснулся жаръ!
Какой волшебною тоскою
Стѣснялась пламенная грудь!
Но, муза! прошлое забудь.

*

Какія бѣ чувства ни таились
Тогда во мнѣ — теперь ихъ нѣтъ:
Они прошли иль измѣнились
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, волнь края жемчужны,
И моря шумъ, и груди скалъ,
И гордой дѣвы идеаль,

И безыменныя страданья. . . .

Другіе дни, другіе сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокаль
Воды я много подмѣшаль.

*

Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи —
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнѣ балалайка
Да пьяный топоть трепака
Передъ порогомъ кабака;
Мой идеаль теперь — хозяйка,
Мои желанія — покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой.

*

Порой дождливою намедни
Я, завернувъ на скотный дворъ. . . .
Тѣфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ ли былъ я, разцвѣтая?

Скажи, Фонтанъ Бахчисарая!
Такія ль мысли мнѣ на умъ
Павель твой безконечный шумъ,
Когда безмолвно предъ тобою
Зарему я воображалъ.
Средь пышныхъ, опустѣлыхъ залъ,
Спустия три года, вслѣдъ за мною,
Скитаясь въ той же сторонѣ,
Онѣгинъ вспомнилъ обо мнѣ.

*

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной. . . .
Тамъ долго ясны небеса,
Тамъ хлопотливо торгъ обильной
Свои подъемлетъ паруса;
Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ;
Все блещетъ югомъ и пестрѣетъ
Разнообразностью живой.
Языкъ Италіи златой
Звучитъ по улицъ веселой,
Гдѣ ходитъ гордый Славянинъ,
Французъ, Испанецъ, Армянинъ,
И Грекъ, и Молдаванъ тяжелой,
И сынъ Египетской земли,
Корсаръ въ отставкѣ, Морали.

*

Одессу звучными стихами
Нашъ другъ Туманскій описалъ,

Но онъ пристрастными глазами
Въ то время на нее взиралъ.
Прѣхавъ онъ прямымъ поэтомъ,
Пошелъ бродить съ своимъ лорнетомъ
Одинъ надъ моремъ, и потомъ
Очаровательнымъ перомъ
Сады Одесскіе прославилъ.
Все хорошо, но дѣло въ томъ,
Что степь нагая тамъ кругомъ;
Кой-гдѣ недавній трудъ заставилъ
Младья вѣтви въ знойный день
Давать насильственную тѣнь.

*

А гдѣ-бишь мой рассказъ несвязной!
Въ Одессѣ пыльной, я сказалъ.
Я бъ могъ сказать: въ Одессѣ грязной —
И тутъ бы право не солгалъ.
Въ году недѣль пять-шесть Одесса,
По волю бурнаго зевеса,
Потоплена, запружена,
Въ густой грязи погружена.
Всѣ дома на аршинъ загрязнуть,
Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
По улицѣ дерзаетъ вбродъ;
Кареты, люди тонуть, вязнуть,
И въ дрожкахъ волю, рога склоня,
Смѣняетъ хилаго коня.

*

Но ужъ дробить каменья молоть,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный городъ
Какъ будто кованой броней.
Однако въ сей Одессѣ влажной
Еще есть недостатокъ важной!
Чего бь, вы думали? — воды!
Потребны тяжкіе труды. . . .
Что жь? это небольшое горе,
Особенно, когда вино
Безъ пошлины привезено.
Но солнце южное, но море. . .
Чего жь вамъ болѣе, друзья?
Благословенные края!

*

Бывало, пушка заревая
Лишь только грянетъ съ корабля,
Съ крутаго берега сбѣгая,
Ужъ къ морю отправляюсь я.
Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленный,
Какъ мусульманъ въ своемъ раю,
Съ восточной гущей кофе пью.
Иду гулять. Ужъ благосклонный
Открыть Casino; чашекъ звонъ
Тамъ раздается; на балконъ
Маркёръ выходитъ полусонный

Съ метлой въ рукахъ, и у крыльца
Уже сошлись два купца.

*

Глядишь, и площадь запестрѣла.
Все оживилось; здѣсь и тамъ
Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
Однако больше по дѣламъ.
Дитя расчета и отваги,
Идетъ купецъ взглянуть на флаги,
Провѣдать, шлютъ ли небеса
Ему знакомы паруса?
Какіе новые товары
Вступили нынче въ карантинъ?
Пришли ли бочки жданныхъ винъ?
И что чума? и гдѣ пожары?
И нѣтъ ли голода, войны,
Или подобной новизны?

*

Но мы, ребята безъ печали,
Среди заботливыхъ купцовъ,
Мы только устрицъ ожидали
Отъ Цареградскихъ береговъ.
Что устрицы? — Пришли! — О радость!
Летитъ обжорливая младость
Глотать изъ раковинъ морскихъ
Затворницъ жирныхъ и живыхъ,
Слегка обрызнутыхъ лимономъ.

Шумъ, споры — легкое вино
Изъ погребовъ принесено
На столъ услужливымъ Отономъ ⁴⁸;
Часы летятъ, а грозный счетъ
Межъ тѣмъ невидимо растеть.

*

Но ужъ темнѣеть вечеръ синій;
Пора намъ въ оперу скорѣй:
Тамъ упоительный Россіи,
Европы баловень-орфей,
Не внемля критикѣ суровой,
Онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новой,
Онъ звуки льетъ; они кипятъ,
Они текутъ, они горятъ,
Какъ поцалун молодые,
Всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви,
Какъ зашипѣвшаго аи
Струя и брызги золотые . . .
Но, господа, позволено ль
Съ виномъ равнять do-re-mi-sol?

*

А только ль тамъ очарованій?
А разыскательный лорнетъ?
А закулисныя свиданья?
А prima donna? а балетъ?
А ложа, гдѣ красой блистаетъ,
Негоціантка молодая,

Самолюбива и томна,
Толпой рабовъ окружена?
Она и внемлетъ и не внемлетъ
И каватинѣ, и мольбамъ,
И шуткѣ съ лестью пополамъ
А мужъ — въ углу за нею дремлетъ,
Въ просонкахъ фора закричить,
Зѣвнетъ и — снова захрапить.

*

Финаль гремитъ; пустѣетъ зала;
Шумя, торопится разѣздъ;
Толпа на площадь побѣжала
При блескѣ фонарей и звѣздъ.
Сыны Авзоніи счастливой
Слегка поютъ мотивъ игривой,
Его невольно затвердивъ,
А мы режемъ речитативъ.
Но поздно. Тихо спитъ Одесса;
И бездыханна и тепла
Нѣмая ночь. Луна взошла.
Прозрачно-легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчитъ,
Лишь море Черное шумитъ

*

И такъ я жилъ тогда въ Одессѣ

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ ЕВГЕНІЮ ОНЪГИНУ.

—

1. Писано въ Бессарабіи.
2. Dandy, франтъ.
3. Шляпа à la Bolivar.
4. Извѣстный рестораторъ.
5. Черта охлажденнаго чувства, достойная Чильдъ-Гарольда. Балеты г. Дидло исполнены живости воображенія и прелести необыкновенной. Одинъ изъ нашихъ романтическихъ писателей находилъ въ нихъ гораздо болѣе поэзіи, нежели во всей французской литературѣ.
6. Tout le monde sut qu'il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyais rien, je commençai de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé des tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite vergette faite exprès, ouvrage qu'il continua fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à

brosser ses ongles, peut bien passer quelques instants à remplir de blanc les creux de sa peau.

(*Confessions de J. J. Rousseau*).

Гримъ опередилъ свой вѣкъ: нынѣ во всей просвѣщенной Европѣ чистятъ ногти особенною щеточкой.

7. Вся сія проническая строфа не что иное, какъ тонкая похвала прекраснымъ нашимъ соотечественникамъ. Такъ Буало, подъ видомъ укоризны, хвалитъ Лудовика XIV. Наши дамы соединяютъ просвѣщеніе съ любезностію и строгую чистоту нравовъ съ этою восточною прелестію, столь плѣнлившею Г-жу Сталь.
- (См. *Dix ans d'exil.*)

8. Читатели помнятъ прелестное описаніе Петербургской ночи въ идилліи Гнѣдича:

«Вотъ ночь: но не меркнуть златистыя полосы облакъ.
 Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца вся озаряется дальность.
 На взморьѣ далекомъ сребристыя видны вѣтрила
 Чуть видныхъ судовъ, какъ по синему небу плывущихъ.
 Сіянемъ безсумрачнымъ небо ночное сіяетъ,
 И пурпуръ заката сливается съ златомъ востока:
 Какъ будто денница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
 Румяное утро. Была то година златая,
 Какъ лѣтніе дни похищаютъ владычество ночи,
 Какъ взоръ иноземца на сѣверномъ небѣ плѣплетъ
 Сліянье волшебное тѣни и сладкаго свѣта,
 Какимъ никогда не украшено небо полудня,
 Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы,
 Которой глаза голубые и алыя щеки
 Едва отѣняются русыми локонамъ волнами.
 Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Петрополемъ видятъ
 Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни,
 Тогда филомела полночныя пѣсни лишь кончитъ,

И пѣсни заводитъ, привѣтствуя день восходящій.
 Но поздно; повѣяла свѣжесть на Невскія тундры;
 Роса опустилась;
 Вотъ полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячью весель,
 Нева не колыхнеть; разъѣхались гости градскіе;
 Ни гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ, все тихо:
 Лишь изрѣдка гуль отъ мостовъ пробѣжитъ надъ водою;
 Лишь крикъ протяженный изъ дальней промчится деревни,
 Гдѣ въ ночь окликается ратная стража со стражей.
 Все спитъ

9. Въявъ богино благосклонну
 Зритъ восторженный шить,
 Что проводить ночь бессонну,
 Опершися на гранить.

(М. Н. Муравьевъ. *Богины Невы.*)

10. Писано въ Одессѣ.

11. Авторъ, со стороны матери, происхожденія Африканскаго.

12. Изъ первой части Днѣпровской Русалки.

13. Сладкозвучнѣйшія греческія имена, каковы, напримеръ: Агаеонъ, Филать, Феодора, Фекла и проч., употребляются у насъ только между простолюдинами.

14. Грандисонъ и Ловласъ, герои двухъ славныхъ романовъ.

15. Si j'avois la folie de croire encore au bonheur, je le chercherais dans l'habitude. (Шатобрианъ.)

16. Бѣдный Юрикъ! — восклицаніе Гамлета надъ черепомъ шута. (См. Шекспира и Стерна.)

17. Въ первомъ изданіи, вмѣсто *домой летать*, было ошибкою напечатано *зимой летать* (что не имѣло никакого смысла). Критики, того не разобравъ, находили анахронизмъ въ слѣдующихъ строкахъ.

- Смѣемъ увѣрить, что въ нашемъ романѣ время расчислено по календарю.
18. Юлія Вольмаръ, Новая Элоиза. Малекъ-Адель, герой посредственнаго романа М-е Cottin. Густавъ де Линоръ, герой прелестной повѣсти Баронессы Крюднеръ.
19. Вампиръ, повѣсть, неправильно приписанная Лорду Байрону. Мельмотъ, гениальное произведеніе Матюрена. Jean Sbogar, извѣстный романъ Карла Нодье.
20. *Lasciate ogni speranza voi ch' entrate.* Скромный авторъ нашъ перевелъ только первую половину славнаго стиха.
21. Журналъ, нѣкогда издаваемый покойнымъ А. Измайловымъ довольно неисправно. Издатель однажды печатно извинялся передъ публикою тѣмъ, что онъ на праздникахъ *гулмль*.
22. Е. А. Баратынскій.
23. Смотр. страницу 237, Т. I.
24. Пропущенная здѣсь строфа была напечатана въ первомъ изданіи. Вотъ она :
- Ужъ ихъ далече взоръ мой ищетъ. . .
 А лѣсомъ кравшійся стрѣлокъ
 Поэзію кланетъ и свищетъ,
 Спуская бережно курокъ.
 У всякаго своя охота,
 Своя любимая забота :
 Кто цѣлитъ въ утокъ изъ ружья,
 Кто бредитъ рифмами какъ я,
 Кто бьетъ хлопущкой мужъ нахальныхъ,
 Кто правитъ въ замыслахъ толпой,
 Кто забавляется войной,
 Кто въ чувствахъ нѣжится печальныхъ,
 Кто занимается виномъ :
 И благо смѣшано со зломъ.

25. Въ журналахъ удивлялись, какъ можно было назвать *дѣвою* простую крестьянку, между тѣмъ какъ благородныя барышни, немного ниже, названы *дѣвонками!*
26. «Это значить,» замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ критиковъ: «что мальчишки катаются на конькахъ.» Справедливо.
27. Въ лѣта красныя мои
Поэтическій ая
Нравился мнѣ пѣной шумной,
Симъ подобіемъ любви
Или юности безумной, и проч.

(Посланіе къ Л. П.)

28. Августъ Лафонтенъ, авторъ множества семейственныхъ романовъ.
29. Смотри: *Первый Снѣгъ*, стихотвореніе Князя Вяземскаго.
30. См. описаніе Финляндской Зимы въ Эдѣ Баратынскаго.
31. Зоветъ котъ кошку
Въ печурку спать.
Предвѣщаніе свадьбы; первая пѣсня предрекаетъ смерть.
32. Такимъ образомъ узнаютъ имя будущаго жениха.
33. Въ журналахъ осуждали слова: *хлопъ*, *моловъ* и *топъ*, какъ неудачное нововведеніе. Слова сіи коренныя Русскія. «Вышелъ Бова изъ шатра прохладиться и услышалъ въ чистомъ полѣ людскую молву и конскій топъ.» (Сказка о Бовѣ Королевичѣ.) *Хлопъ* употребляется въ просторѣчьи вмѣсто *хлопаніе*, какъ *шипъ* вмѣсто *шипльня*.

Онъ шипъ пустилъ позмѣиному.

(Древнія Русскія стихотворенія.)

Не должно мѣшать свободѣ нашего богатаго и прекраснаго языка.

34. Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, находитъ въ этихъ стихахъ непонятную для насъ неблагопритостность.

35. Гадательныя книги издаются у насъ подъ фирмою Мартына Задеки, почтеннаго человѣка, не писавшаго никогда гадательныхъ книгъ, какъ замѣчаетъ Б. Федоровъ.

36. Пародія извѣстныхъ стиховъ Ломоносова:

Заря багряною рукою

Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ

Выводитъ съ солнцемъ за собою. — и проч.

37. Буяновъ, мой сосѣдъ,

.....

Пришелъ ко мнѣ вчера съ небритыми усами,

Растрепанный, въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ....

(*Опасный Сосѣдъ*).

38. Наши критики, вѣрные почитатели прекраснаго пола, сильно осуждали неприличіе сего стиха.

39. Обѣ сіи строфы въ первомъ изданіи помѣщены были.

Вотъ онѣ :

Въ пирахъ готовъ я непослушно

Съ твоимъ бороться божествомъ;

Но, признаюсь великодушно,

Ты побѣдилъ меня въ другомъ:

Твои свирѣпыя герои,

Твои неправильные бои,

Твоя Киприда, твой Зевесъ

Большой имѣютъ перевѣсъ

Передъ Онѣгинымъ холоднымъ,

Предъ сонной скукою полей,

Передъ И — — — моей,

Предъ нашимъ воспитаньемъ моднымъ;

Но Тая (присягну) милѣй
Елены пакостной твоей.

*

Никто и спорить тутъ не станеть,
Хоть за Елену Менелай
Сто лѣтъ еще не перестанеть
Казнить Фригійскій бѣдный край,
Хоть вокругъ почтеннаго Пріама
Собраше стариковъ Пергама,
Ее завидя, вновь рѣшить:
Правъ Менелай и правъ Паридъ.
Что жъ до сраженій, то немного
Я попрошу васъ подождать:
Извольте далѣ читать;
Начала не судите строго;
Сраженье будетъ. Не солгу,
Честное слово дать могу.

40. Въ первомъ изданіи, безъ начальныхъ четырехъ стиховъ, эта строфа напечатана была въ слѣдующемъ видѣ:

Подковы, шпоры Пѣтушкова
(Канцеляриста отставнаго)
Стучать; Буянова каблукъ
Такъ и ломаеть полъ вокругъ;
Трескъ, топотъ, грохотъ по порядку:
Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ;
Теперь пошло на молодцовъ;
Пустились, только не въ присядку.
Ахъ, легче, легче: каблуки
Отдавать дамскіе носки!

41. Парижскій рестораторъ.

42. Стихъ Грибоѣдова.

43. Славный ружейный мастеръ.

44. Левшинъ, авторъ многихъ сочиненій по части хозяйственной.

45. Дороги наши — садъ для глазъ:
 Деревья, съ дерномъ валь, канавы;
 Работы много, много славы,
 Да жаль проѣзда нѣтъ подчасъ.
 Съ деревьевъ, на часахъ стоящихъ,
 Проѣзжимъ мало барыша;
 Дорога, скажешь, хороша —
 И вспомнишь стихъ: *для проходящихъ.*
 Свободна Русская ѣзда
 Въ двухъ только случаяхъ: когда,
 Нашъ *Макъ-Адамъ* или *Макъ-Ева*,
 Зима свершитъ, треща отъ гнѣва,
 Опустошительный набѣгъ,
 Путь окуетъ чугуномъ льдистымъ,
 И запорошитъ ранній снѣгъ
 Слѣды ея пескомъ пушистымъ;
 Или когда поля пройметъ
 Такая знойная засуха,
 Что черезъ лужу можетъ вбродъ
 Пройти, глаза зажмуря, муха.

(Станція. *Князь Вяземскій.*)

46. Сравненіе, заимствованное у К**, столь извѣстнаго игривостію воображенія. К... рассказывалъ, что, будучи однажды посланъ курьеромъ отъ Князя Потемкина къ Императрицѣ, онъ ѣхалъ такъ скоро, что шпага его, высунувшись концемъ изъ тележки, стучала по верстамъ, какъ по частоколу.
47. Rout, вечернее собраніе безъ танцевъ, собственно значить толпа.
48. Извѣстный рестораторъ въ Одессѣ.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

ДРАГОЦѢННОЙ ДЛѢ РОССІЯНЪ

ПАМЯТИ

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

КАРАМЗИНА,

СЕЙ ТРУДЪ, ГЕНІЕМЪ ЕГО ВДОХНОВЕННЫЙ,

СЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ И БЛАГОДАРНОСТІЮ ПОСВЯЩАЕТЪ

АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

(1598 ГОДА, 20 ФЕВРАЛЯ.)

КНЯЗЬ ШУЙСКІЙ И ВОРОТЫНСКІЙ.

Воротынскій.

Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдать,
Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть:
Москва пуста; вослѣдъ за Патріархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?

Шуйскій.

Чѣмъ кончится? Узнать немудрено:
Народъ еще повоетъ, да поплачетъ,
Борисъ еще поморщится немного,

Что пьяница предъ чаркою вина,
 И наконецъ по милости своей
 Принять вѣнецъ смиренно согласится,
 А тамъ — а тамъ онъ будетъ нами править
 Попрежнему.

Воротынскій.

Но мѣсяцъ ужъ протекъ,
 Какъ, затворясь въ монастырѣ съ сестрою,
 Онъ, кажется, покинулъ все мірское.
 Ни Патриархъ, ни Думные Бояре
 Склонить его доселѣ не могли;
 Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
 Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
 Ни голосу Великаго Собора.
 Его сестру напрасно умоляли
 Благословить Бориса на державу;
 Печальная Монахиня-Царица,
 Какъ онъ тверда, какъ онъ неумолима:
 Знать самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ.
 Что ежели Правитель въ самомъ дѣлѣ
 Державными заботами наскучилъ
 И на престолъ безвластный не взойдетъ?
 Что скажешь ты?

Шуйскій.

Скажу, что понапрасну
 Лилася кровь Царевича-младенца;
 Что если такъ, Димитрій могъ бы жить.

Воротынскій.

Ужасное злодѣйство! Полно точно ль
Царевича сгубилъ Борисъ?

Шуйскій.

А кто же?

Кто подкупалъ напрасно Чепчугова?
Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ
Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ былъ
Измѣдовать на мѣстѣ это дѣло:
Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды;
Весь городъ былъ свидѣтель злодѣяшья;
Всѣ граждане согласно показали:
И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ
Изобличить сокрытаго злодѣя.

Воротынскій.

Зачѣмъ же ты его не уничтожилъ?

Шуйскій.

Онъ, признаюсь, тогда меня смутилъ
Спокойствіемъ, безстыдностью неожиданой;
Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ какъ будто правый;
Распрашивалъ, въ подробности входилъ —
И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,
Которую мнѣ самъ онъ нашепталъ.

Воротынскій.

Нечисто, князь.

Шуйскій.

А что мнѣ было дѣлать?

Все объявить Феодору? Но Царь
 На все глядѣлъ очами Годунова,
 Всему внималъ ушами Годунова:
 Пускай его бѣ увѣрилъ я во всемъ;
 Борисъ тотчасъ его бы разувѣрилъ,
 А тамъ меня жъ сослалъ бѣ въ заточенье,
 Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
 Въ глухой тюрьмѣ тихонько бѣ задавили.
 Не хвастаюсь, а въ случаѣ конечно
 Никая казнь меня не утрашитъ;
 Я самъ не трусь, но такъ же не глупецъ,
 И въ петлю лѣзть не соглашуся даромъ.

Воротынскій. !

Ужасное злодѣйство! Слушай, вѣрно
 Губителя раскаянье тревожитъ:
 Конечно кровь невиннаго младенца
 Ему ступить мѣшаетъ на престолъ.

Шуйскій.

Перешагнетъ; Борисъ не такъ-то робокъ!
 Какая честь для насъ, для всей Руси!
 Вчерашній рабъ, Татаринъ, зять Малюты,
 Зять палача и самъ въ душѣ палачъ
 Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха...

Воротынскій.

Такъ, родомъ онъ незнатенъ; мы знатнѣе.

Шуйскій.

Да, кажется.

Воротынскій.

Вѣдь Шуйскій, Воротынскій...

Легко сказать, природные князья.

Шуйскій.

Природные, и Рюриковой крови.

Воротынскій.

А слушай, князь, вѣдь мы бѣ имѣли право
Наслѣдовать Феодору.

Шуйскій.

Да, болѣ,

Чѣмъ Годуновъ.

Воротынскій.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

Шуйскій.

Что жь?

Когда Борисъ хитрить не перестанетъ,
Давай народъ искусно волновать;
Пускай они оставляютъ Годунова,
Своихъ князей у нихъ довольно; пусть
Себѣ въ Цари любаго изберутъ.

Воротынскій.

Не мало насъ наслѣдниковъ Варяга,
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:
Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древню отрасль
Воинственныхъ властителей своихъ.

Уже давно лишились мы удѣловъ,
Давно Царямъ подручниками служимъ,
А онъ умѣлъ и страхомъ и любовью
И славою народъ очаровать.

(Шуйскій глядитъ въ окно).

Онъ смѣлъ, вотъ все — а мы... Но полно. Видишь,
Народъ идетъ, разсыпавшись, назадъ —
Пойдемъ скорѣй, узнаемъ, рѣшено ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

НАРОДЪ.

Одинъ.

Неумолимъ! Онъ отъ себя прогналъ
Святителей, Бояръ и Патріарха.
Они предъ нимъ напрасно пали ницъ;
Его страшитъ сіяніе престола.

Другой.

О Боже мой, кто будетъ нами править?
О горе намъ!

Третій.

Да вотъ Верховный Дьякъ
Выходитъ намъ сказать рѣшенье Думы.

Народъ.

Молчать! молчать! Дьякъ Думной говорить;
Ш ш — слушайте!

Щелкаловъ (съ Краснаго крыльца).

Соборомъ положили

Въ послѣдній разъ отвѣдать силу просьбы
Надъ скорбною Правителя душой.
Заутра вновь святѣйшій Патріархъ,
Въ Кремль отпѣвъ торжественно молебенъ,
Предшествуемъ хорутвьями святыми,
Съ иконами Владимірской, Донской,
Воздвигется, а съ нимъ Синклить, Бояре,
Да сонмъ Дворянъ, да выборные люди
И весь народъ Московскій православный,
Мы всѣ пойдемъ молить Царицу вновь,
Да сжалится надъ сирюю Москвой
И на вѣнецъ благословить Бориса.
Идите же вы съ Богомъ по домамъ,
Молитесь, да взыдетъ къ небесамъ
Усердная молитва православныхъ.

(Народъ расходится).

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, ПАТРИАРХЪ, БОЯРЕ.

Борисъ.

Ты, отче Патриархъ, вы всѣ, Бояре,
Обнажена моя душа предъ вами:
Вы видѣли, что я пріемлю власть
Великую со страхомъ и смиреньемъ.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ —
Наслѣдую и Ангелу-Царю!..
О праведникъ, о мой отецъ державный!
Воззри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ
И ниспошли тому, кого любилъ ты,
Кого ты здѣсь столь дивно возвеличилъ,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славѣ свой народъ,

Да буду благъ и праведень, какъ ты.
 Отъ васъ я жду содѣйствія, Бояре.
 Служите мнѣ, какъ вы ему служили,
 Когда труды я ваши раздѣлялъ,
 Неизбранный еще народной волей.

Бояре.

Не измѣнимъ присягѣ, нами данной.

Борисъ.

Теперь пойдѣмъ, поклонимся гробамъ
 Почюющихъ властителей Россіи,
 А тамъ — сзывать весь нашъ народъ на пиръ,
 Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣща;
 Всѣмъ вольный входъ, всѣ гости дорогіе.

(Уходитъ, за нимъ и Бояре.)

Князь Воротынскій, *останавливая Шуйскаго.*
 Ты угадалъ.

Шуйскій.

А что?

Воротынскій.

Да здѣсь, намедни,

Ты помнишь?

Шуйскій.

Нѣтъ, не помню ничего.

Воротынскій.

Когда народъ ходилъ въ Дѣвичье поле,
 Ты говорилъ —

ШУЙСКІЙ.

Теперь не время помнить;
Совѣтую порой и забывать.
А впрочемъ я злословіемъ притворнымъ
Тогда желалъ тебя лишь испытать,
Вѣрнѣй узнать твой тайный образъ мыслей;
Но вотъ — народъ привѣтствуетъ Царя;
Отсутствіе мое замѣтить могутъ.
Иду за нимъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Лукавый царедворецъ!

НОЧЬ. КЕЛЬЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРЬ.

(1603 ГОДА.)

ОТЕЦЪ ПИМЕНЬ, ГРИГОРІЙ спящій.

ПИМЕНЬ (*пишетъ передъ лампадой*).

Еще одно, послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искуству вразумилъ:
Когданибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безъимянный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ Царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро —
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я съизнова живу;
Минувшее проходить предо мною —
Давно ль оно несло събытій полно,
Волнуясь, какъ море-окианъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходить до меня,
А прочее погнбло невозвратно!..
Но близокъ день, лампада догараеть —
Еще одно, послѣднее сказанье (*пишетъ*).

Григорій пробуждается.

Все тотъ же сонъ! Возможно ль? въ третій разъ!
Проклятый сонъ!.. А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ, да пишетъ — и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкаль очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведеть; и часто
Я угадать хотѣль, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ Татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Иоанна?

О бурномъ ли Новгородскомъ Вѣчѣ?
 О славѣ ли отечества? напрасно:
 Ни на челѣ высококомъ, ни во взорахъ
 Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
 Все тотъ же видъ смиренный, величавый.
 Такъ точно Дьякъ, въ Приказѣ посѣдѣльй,
 Спокойно зреть на правыхъ и виновныхъ,
 Добру и злу внимая равнодушно,
 Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пимень.

Проснулся, братъ.

Григорій.

Благослови меня,

Честный отецъ.

Пимень.

Благослови, Господь,

Тебя и днесъ и присно и вовѣки.

Григорій.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся;
 А мой покой бѣсовское мечтанье
 Тревожило, и врагъ меня мутиль:
 Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
 Меня вела на башню; съ высоты
 Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
 Внизу народъ на площади кипѣлъ
 И на меня указывалъ со смѣхомъ;
 И стыдно мнѣ и страшно становилось,

И падая стремглавъ, я пробуждался. . . .
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

Пимень.

Младая кровь играетъ;
Смирый себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донинѣ — если я,
Невольною дремотой обезсилень,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи, —
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ;
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ Дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ,
И въ тихую обитель затвориться.

ПИМЕНЬ.

Не сътуй, братъ, что рано грѣшнѣйшій свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ наслаждался;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о Царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единный Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клубукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенія
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный Царь игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кирилль многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я Царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней;

Задумчивъ, тихъ сидѣль межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами вель.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои, желанный день придетъ,
«Предстану здѣсь алкающій спасенья;
«Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кирилль,
«Вы всѣ — объѣтъ примите мой духовный:
«Приду къ вамъ преступникъ окаянный
«И схиму здѣсь честную восприму,
«Къ стопамъ твоимъ, святой отецъ, принадлеши.»
Такъ говорилъ державный Государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакаль онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Феодоръ? На престолѣ
Онъ вздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью;
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе Царя,
И Русь при немъ во славу безмятежной
Утѣшилась; а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, Царю едино зримый,

Явился мужъ необычайно свѣтель,
 И началъ съ нимъ бесѣдовать Феодоръ
 И называть великимъ Патріархомъ,
 И всѣ кругомъ объаты были страхомъ,
 Уразумѣвъ небесное видѣнье,
 Зане святыи Владыка предъ Царемъ
 Во храминѣ тогда не находился.
 Когда же онъ преставился, палаты
 Исполнились святымъ благоуханьемъ,
 И ликъ его какъ солнце просіялъ.
 Ужъ не видать такого намъ Царя.
 О страшное, невиданное горе!
 Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
 Владыкою себѣ цареубійцу
 Мы нарекли.

Григорій.

Давно, честный отецъ,
 Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
 Димитрія Царевича; въ то время
 Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пимень,

Охъ, помню!

Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
 Кровавый грѣхъ, Тогда я въ дальній Угличъ
 На нѣкое былъ посланъ послушанье;
 Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни,
 Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набать;

Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ Царицы. Я
Спѣшу туда жъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный Царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяннѣ рыдаетъ,
А тутъ народъ остервенясь волочить
Безбожную предательницу - мамку . . .
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣдень,
Является Иуда - Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
«Покайтесь!» народъ имъ загремѣлъ:
И въ ужасъ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись — и назвали Бориса.

Григорій.

Какихъ былъ лѣтъ Царевичъ убиенный?

Пимень.

Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ . . . нѣтъ, больше:
Двѣнадцать лѣтъ) — онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.

Сей повѣстью плачевной заключу

Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало

Вникаль въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу Государей,
Угодниковъ святыхъ чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонятъ
Къ заутренѣ... благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!... подай костыль, Григорій.
(Уходитъ).

ГРИГОРІЙ.

Борись, Борись! все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА.

ПАТРИАРХЪ, ИГУМЕНЬ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ.

ПАТРИАРХЪ.

И онъ убѣжалъ, отецъ Игумень?

Игумень.

Убѣжалъ, святой Владыка, вотъ ужъ тому третій день.

ПАТРИАРХЪ.

Пострѣлъ, окаянный! Да какаго онъ роду?

Игумень.

Изъ роду Отрепьевыхъ, Галицкихъ боярскихъ дѣтей; смолоду постригся невѣдомо гдѣ, жилъ въ Суздаля, въ Ефимьевскомъ монастырѣ; ушелъ оттуда, шатался по разнымъ обителямъ, наконецъ пришелъ къ моей Чудовской братіи; а я, видя, что онъ еще младъ и неразумень, отдалъ его подь начало отцу Пимену, старцу кроткому и смирен-

ному; и былъ онъ весьма грамотенъ, читалъ наши лѣтописи, сочинялъ каноны святымъ; но знать грамота далася ему не отъ Господа Бога...

ПАТРИАРХЪ.

Ужъ эти мнѣ грамотѣ! что еще выдумалъ! буду Царемъ на Москвѣ! Ахъ, онъ сосудъ дѣвольскій! Однако нечего Царю и докладывать объ этомъ; что тревожить Отца-Государя! Довольно будетъ объявить о побѣгѣ Дьяку Смирнову, или Дьяку Ефимьеву. Этака ересь: буду Царемъ на Москвѣ!... Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать въ Соловецкій на вѣчное покаяніе. Вѣдь это ересь, отецъ Игуменъ?

ИГУМЕНЪ.

Ересь, святой Владыка, сущая ересь.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ДВА СТОЛЬНИКА.

ПЕРВЫЙ.

Гдѣ Государь?

Второй.

Въ своей опочивальнѣ.

Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

ПЕРВЫЙ.

Такъ, вотъ его любимая бесѣда:

Кудесники, гадатели, колдуньи.

Все ворожить, что красная невѣста.

Желалъ бы знать, о чемъ гадаетъ онъ?

Второй.

Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

ПЕРВЫЙ.

Какъ онъ угрюмъ! (*Уходятъ*).

ЦАРЬ *входитъ*.

Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:
Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви, но только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладашемъ,
Ужъ охладѣвъ скучаемъ и томимся!...
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной;
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать;
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни неавистна.
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ,
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.
Богъ насымалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огонь ихъ дома истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища:

Они жь меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судь: ищи жь ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ!
Какъ буря, смерть уноситъ жениха....
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Винovníкомъ дочерняго вдовства
Меня, меня несчастнаго отца!...
Кто ни умреть, я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Феодора кончину,
Я отравилъ свою сестру Царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть.
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелось,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгорить, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучить въ ухахъ упрекомъ,
И все тошнить, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста.

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦѢ.

МИСАИЛЪ и ВАРЛААМЪ бродяги въ видѣ чер-
нецовъ; ГРИГОГІЙ ОТРЕПЬЕВЪ миряниномъ;
ХОЗЯЙКА.

Хозяйка.

Чѣмъ-то мнѣ васъ подчивать, старцы честные?

Варлаамъ.

Чѣмъ Богъ пошлетъ, хозяйюшка. Нѣтъ ли вина?

Хозяйка.

Какъ не быть, отцы мои! сейчасъ вынесу.

(Уходитъ.)

Мисаилъ.

Что жъ ты закручинился, товарищъ? Вотъ и
граница Литовская, до которой такъ хотѣлось
тебѣ добратся.

Григорій.

Пока не буду въ Литвѣ, до тѣхъ поръ не буду
спокоенъ.

ВАРЛААМЪ.

Что тебѣ Литва такъ слюбилась? Вотъ мы, отецъ Мисаиль да я грѣшнѣйшій, какъ утекли изъ монастыря, такъ ни о чемъ ужъ и не думаемъ: Литва ли, Русь ли, что гудокъ, что гусли, все намъ равно, было бы вино . . . да вотъ и оно! . . .

МИСАИЛЬ.

Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

Хозяйка, *входитъ*.

Вотъ вамъ, отцы мои. Пейте на здоровье.

МИСАИЛЬ.

Спасибо, родная, Богъ тебя благослови. (*Поетъ: Какъ во городъ было во Казани . . .*) Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

ГРИГОРІЙ.

Не хочу.

МИСАИЛЬ.

Вольному воля

ВАРЛААМЪ.

А пьяному рай, отецъ Мисаиль! Выпьемъ же чарочку за шинкарочку

Однако, отецъ Мисаиль, когда я пью, такъ трезвыхъ не люблю: ино дѣло пьянство, а иное чванство; хочешь жить какъ мы, милости просимъ — нѣтъ, такъ убирайся, проваливай: скоморохъ попу не товарищъ.

Григорій.

Пей, да про себя разумѣй, отецъ Варлаамъ!...
Видишь, и я порой складно говорить умѣю.

Варлаамъ.

А что мнѣ про себя разумѣть?

Мисаилъ.

Оставь его, отецъ Варлаамъ.

Варлаамъ.

Да что онъ за постникъ? Самъ же къ намъ
назвался въ товарищи, невѣдомо кто, невѣдомо
откуда — да еще и спѣсивится. (*Пьетъ и поетъ:*
Молодой Чернецъ постригся.)

Григорій, *хозяйка.*

Куда ведетъ эта дорога?

Хозяйка.

Въ Литву, мой кормилецъ, къ Луёвымъ горамъ.

Григорій.

А далече ли до Луёвыхъ горъ?

Хозяйка.

Недалече, къ вечеру можно бы туда поспѣть,
кабы не заставы царскія, да сторожевые приставы.

Григорій.

Какъ, заставы! что это значить?

Хозяйка.

Кто-то бѣжалъ изъ Москвы, а вельно всѣхъ
задерживать, да осматривать.

Григорій, *про себя.*

Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день. (*Вслухъ.*) Да кого жь имъ надобно? Кто бѣжалъ изъ Москвы?

Хозяйка.

А Господь его вѣдаетъ, воръ ли, разбойникъ, только здѣсь и добрышъ людямъ нынѣ прохода нѣтъ. А что изъ того будетъ? ничего, ни лысаго бѣса не поймають: будто въ Литву нѣтъ и другаго пути, какъ столбовая дорога! Вотъ хоть отсюда свороти влѣво, да боромъ иди по тропинкѣ до часовни, что на Чеканскомъ ручью, а тамъ прямо черезъ болото на Хлошино, а оттуда на Захарьево, а тутъ ужъ всякой мальчишка доведетъ до Луевыхъ горъ. Отъ этихъ приставовъ только и толку, что притѣсняють прохожихъ, да обирають насъ бѣдныхъ. (*Слышенъ шумъ.*) Что тамъ еще? Ахъ, вотъ они проклятые! дозоромъ идуть.

Григорій.

Хозяйка! нѣтъ ли въ избѣ другаго угла?

Хозяйка.

Нѣту, родимый, рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозоромъ ходять, а подавай имъ и вина и хлѣба, и невѣдомо чего — чтобъ имъ издохнуть окаяннымъ! чтобъ имъ . . . (*Входятъ приставы.*)

Приставъ.

Здорово, хозяйка!

Хозяйка.

Добро пожаловать, гости дорогіе, милости просимъ.

Одинъ Приставъ другому.

Ба! да здѣсь попойка идетъ; будетъ чѣмъ поживиться. (*Монахамъ.*) Вы что за люди?

Варлаамъ.

Мы Божіи старцы, иноки смиренные, ходимъ по селеніямъ, да собираемъ милостыню Христіанскую на монастырь.

Приставъ, *Григорю.*

А ты?

Мисаилъ.

Нашъ товарищъ

Григорій.

Мірянинъ изъ пригорода; проводилъ старцевъ до рубежа; отсельъ иду восвояси.

Мисаилъ.

Такъ ты раздумалъ

Григорій, *тихо.*

Молчи.

Приставъ.

Хозяйка, выставь-ко еще вина; а мы здѣсь со старцами пошьемъ, да побесѣдуемъ.

Другой Приставъ, *тихо.*

Парень-то, кажется, голъ; съ него взять нечего; за то старцы

ПЕРВЫЙ.

Молчи, сейчасъ до нихъ доберемся. — Что, отцы мои, какво промышляете?

ВАРЛААМЪ.

Плохо, сыне, плохо! Нынѣ Христіане стали скупы; деньгу любятъ, деньгу прячуть. Мало Богу даютъ. Приде грѣхъ велій на язьцы земніи. Всѣ пустилися въ торги, въ мытарства; думаютъ о мірскомъ богатствѣ, не о спасеніи души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда въ три дни трехъ полушекъ не вымолишь. Такой грѣхъ! Пройдетъ недѣля — другая, заглянешь въ мошенку, анъ въ ней такъ мало, что совѣстно въ монастырь показаться; что дѣлать? съ горя и остальное пропъешь; бѣда да и только. — Охъ, плохо, знать пришли наши послѣднія времена

Хозяйка, платеть.

Господь помилуй и спаси!

(Въ продолженіе Варлаамовой рѣчи, первый Приставъ значительно всматривается въ Мисаила.)

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

Алѣха! при тебѣ ли Царскій указъ?

ВТОРОЙ.

При мнѣ.

ПЕРВЫЙ.

Подай-ко сюда.

Мисаиль.

Что ты на меня так пристально смотришь?

Первый Приставъ.

А вотъ что: изъ Москвы бѣжалъ нѣкоторый злой еретикъ, Гришка Отрепьевъ. Слыхалъ ли ты это?

Мисаиль.

Не слыхалъ.

Приставъ.

Не слыхалъ? ладно. А того бѣлаго еретика Царь приказалъ изловить и повѣсить. Знаешь ли ты это?

Мисаиль.

Не знаю.

Приставъ, *Варлааму*.

Умѣешь ли ты читать?

Варлаамъ.

Смолоду зналъ, да разучился.

Приставъ, *Мисаилу*.

А ты?

Мисаиль.

Не умудрилъ Господь.

Приставъ.

Такъ вотъ тебѣ Царскій указъ.

Мисаиль.

На что мнѣ его?

Приставъ.

Мнѣ сдается, что этотъ бѣглый еретикъ, воръ, мошенникъ — ты.

Мисаиль.

Я? помилуй! что ты!

Приставъ.

Постой! держи двери. Вотъ мы сейчасъ и справимся.

Хозяйка.

Ахъ они окаянные мучители! и старца - то въ покоѣ не оставяють!

Приставъ.

Кто здѣсь грамотный?

Григорій, *выступаетъ впередъ.*

Я грамотный.

Приставъ.

Вотъ на . . . А у кого же ты научился?

Григорій.

У нашего пономаря.

Приставъ, *даетъ ему указъ.*

Читай же вслухъ.

Григорій, *читаетъ.*

«Чудова монастыря недостойный чернецъ Григорій, изъ роду Отрепьевыхъ, впаль въ ересь «и дерзнулъ, наученный діаволомъ, возмущать «святую братію всякими соблазнами и беззаконіями. «А по справкамъ оказалось, отбѣжалъ онъ, окаянный Гришка, къ границѣ Литовской»

Приставъ, *Мисаилу.*

Какъ же не ты?

ГРИГОРІЙ.

«И Царь повелѣлъ изловить его

ПРИСТАВЪ.

И повѣсить!

ГРИГОРІЙ.

Тутъ не сказано повѣсить.

ПРИСТАВЪ.

Врешь! не всяко слово въ строку пишется. Читай: изловить и повѣсить.

ГРИГОРІЙ.

«И повѣсить. А лѣтъ ему вору Гришкѣ отъ роду (смотря на Варлаама) за 50, а росту «онъ средняго, лобъ имѣеть плѣшивый, бороду «сѣдую, брюхо толстое.

(Всѣ глядятъ на Варлаама.)

Ребята! здѣсь Гришка! держите, вяжите его! Вотъ уже не думалъ, не гадалъ!

Варлаамъ, вырывая бумагу.

Отстаньте, пострѣлы! что я за Гришка? какъ! 50 лѣтъ, борода сѣдая, брюхо толстое! нѣтъ, братъ! молодъ еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывалъ и худо разбираю, а тутъ ужъ разберу, какъ дѣло до петли доходить. (Читаетъ по складамъ.) «А лѣтъ е-му отъ роду . . . 20.» — Что братъ, гдѣ тутъ 50? видишь 20?

Второй Приставъ.

Да, помнится, 20; такъ и намъ было сказано.

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ, *Григорію.*

Да ты, братъ видно забавникъ.

(Во время чтенія, Григорій стоитъ потупя голову, съ рукою за пазухой.)

ВАРЛААМЪ, *продолжаетъ.*

«А ростомъ онъ малъ, грудь широкая, одна рука «короче другой, глаза голубые, волосы рыжіе, на «щекъ бородавка, на лбу другая.» Да это другъ ужъ не ты ли?

(Григорій вдругъ вынимаетъ кинжалъ; всѣ передъ нимъ разступаются; онъ бросается въ окно.)

ПРИСТАВЫ.

Держи! держи!

(Всѣ бѣгутъ въ безпорядкѣ.)

МОСКВА. ДОМЪ ШУЙСКАГО.

ШУЙСКІЙ, множество гостей. Ужинъ.

Шуи́скій.

Вина еще. (*Встаетъ, за нимъ и всл.*)

Ну, гости дорогіе,

Послѣдній ковчѣ! Читай молитву, мальчикъ.

Мальчикъ.

Царю небесъ, вездѣ и присно сущій,

Своихъ рабовъ моленію внесли:

Помолимся о нашемъ Государѣ,

Объ избранномъ Тобой благочестивомъ,

Всѣхъ Христіанъ Царѣ самодержавномъ.

Храни его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ,

И на путяхъ и на одрѣ ночлега.

Подай ему побѣду на враги,

Да славится онъ отъ моря до моря.

Да здравіемъ цвѣтетъ его семья,

Да осѣнять ея драгія вѣтви
Весь міръ земной; а къ намъ, своимъ рабамъ,
Да будетъ онъ, какъ прежде, благодатень,
И милостивъ и долготерпѣливъ,
Да мудрости его неистоюмой
Проистекутъ источники на насъ;
И Царскую на то воздвигнувъ чашу,
Мы молился Тебѣ, Царю небесъ.

Шуйскій, *пѣтъ.*

Да здравствуетъ Великій Государь!
Простите же вы, гости дорогіе;
Благодарю, что вы моей хлѣбъ-солью
Не презрѣли. Простите, добрый сонъ.

(Гости уходятъ; онъ провожаетъ ихъ до дверей.)

Пушкинъ.

Насилу убрались; ну, Князь Василій Ивановичъ,
я ужъ думалъ, что намъ не удастся и переговорить.

Шуйскій, *слугамъ.*

Вы, что ротъ разинули? Все бы вамъ господь
подслушивать. Сбирайте со стола, да ступайте
вонъ. Что такое, Аванасій Михайловичъ?

Пушкинъ.

Чудеса да и только.

Племянникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнѣ
Изъ Кракова гоцца прислалъ сегодня.

Шуйскій.

Ну.

Пушкинъ.

Странную племянникъ пишетъ новость.
Сынъ Грознаго постой. (*Идетъ къ дверямъ и
осматриваетъ.*) Державный отрокъ,
По манію Бориса убіенный

Шуйскій.

Да это ужъ не ново.

Пушкинъ.

Погоди:

Димитрій живъ.

Шуйскій.

Вотъ-на! какая вѣсть!

Царевичъ живъ! Ну подлинно чудесно.
И только-то.

Пушкинъ.

Послушай до конца:

Кто бъ ни былъ онъ, спасенный ли Царевичъ,
Иль нѣкій духъ во образѣ его,
Иль смѣлый плутъ, безстыдный самозванецъ,
Но только тамъ Димитрій появился.

Шуйскій.

Не можетъ быть.

Пушкинъ.

Его самъ Пушкинъ видѣлъ,
Какъ пріѣзжалъ впервой онъ во дворецъ
И сквозь ряды Литовскихъ Пановъ прямо
Шель въ тайную палату Короля.

Шуйскій.

Кто жъ онъ такой? откуда онъ?

Пушкинъ.

Не знаютъ,

Извѣстно то, что онъ слугою былъ
У Вишневецкаго; что на одрѣ болѣзни
Открылся онъ духовному отцу;
Что гордый Пань, сію провѣдавъ тайну,
Ходилъ за нимъ, поднялъ его съ одра,
И съ нимъ потомъ уѣхалъ къ Сигизмунду.

Шуйскій.

Что жъ говорятъ объ этомъ удалецѣ?

Пушкинъ.

Да слышно, онъ уменъ, привѣтливъ, ловокъ,
По нраву всѣмъ. Московскихъ бѣглецовъ
Обворожилъ. Латинскіе попы
Съ нимъ заодно. Король его ласкаетъ,
И говорятъ, помогу обѣщаль.

Шуйскій.

Все это, братъ, такая кутерьма,
Что голова кругомъ пойдетъ неволью.
Сомнѣнья нѣтъ, что это самозванецъ,
Но признаюсь, опасность не мала.
Вѣсть важная! и если до народа
Она дойдетъ, то быть грозѣ великой!

Пушкинъ.

Такой грозѣ, что врядъ Царю Борису

Сдержать вѣнецъ на умной головѣ.
И подѣломъ ему: онъ править нами,
Какъ Царь Иванъ (не къ ночи будь помянуть).
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней пѣтъ,
Что на полу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Иисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а Царь
Своимъ жезломъ не подгребаеть углей?
Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей!
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ иль кандалы,
А тамъ въ глуши голодна смерть, иль петля.
Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
Гдѣ Сицкіе Князья, гдѣ Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены въ изгнаньѣ.
Дай срокъ: тебѣ такая жъ будетъ участь.
Легко ль, скажи: мы дома, какъ Литвой,
Осаждены невѣрными рабами:
Все языки, готовые продать,
Правительствомъ подкупленные воры.
Зависимъ мы отъ перваго холопа,
Котораго захочемъ наказать.
Вотъ — Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
Невластны мы въ помѣстіяхъ своихъ.
Не смѣй согнать лѣнивца! Радъ не радъ,
Корми его. Не смѣй переманить

Работника! Не то, въ Приказъ Холопей.
Ну, слыхано ль хоть при Царѣ Иванѣ
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха.

Шуйскій.

Правъ ты, Пушкинъ.

Но знаешь ли? Объ этомъ обо всемъ
Мы помолчимъ до времени.

Пушкинъ.

Вѣстимо,

Знай про себя. Ты человекъ разумный;
Всегда съ тобой бесѣдовать я радъ,
И если что меня подчасъ тревожить,
Не вытерплю, чтобъ не сказать тебѣ;
Къ тому жъ твой медъ, да бархатное пиво
Сегодня такъ языкъ мнѣ развязали...
Прощай же, Князь.

Шуйскій.

Прощай, братъ, до свиданья.

(Провожаетъ Пушкина.)

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ЦАРЕВИЧЬ, *чертитъ географическую карту.*

ЦАРЕВНА, МАМКА ЦАРЕВНЫ.

КСЕНІЯ, *цалуетъ портретъ.*

Милый мой женихъ, прекрасный Королевичъ, не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонкѣ: никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать.

МАМКА.

И, Царевна! дѣвица плачетъ, что роса падетъ: взойдетъ солнце, росу высушитъ. Будетъ у тебя другой женихъ и прекрасный и привѣтливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана Королевича.

КСЕНІЯ.

Нѣтъ, мамушка, я и мертвому буду ему вѣрна.

(Входитъ Борисъ.)

ЦАРЬ.

Что, Ксенія? что, милая моя?
Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.
Дитя мое! судьба мнѣ не судила
Виновникомъ быть вашего блаженства.
Я, можетъ быть, прогнѣваль небеса,
Я счастье твое не могъ устроить;
Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?
А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

Феодоръ.

Чертежъ земли Московской; наше царство
Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
Вотъ Пермскіе дремучіе лѣса,
А вотъ Сибирь.

ЦАРЬ.

А это что такое
Узоромъ здѣсь вѣется?

Феодоръ.

Это Волга.

ЦАРЬ.

Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.

Когда нибудь, и скоро, можетъ быть,
 Всѣ области, которыя ты нынѣ
 Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
 Всѣ подъ руку достанутся твою.
 Учись, мой сынъ, и легче и яснѣ
 Державный трудъ ты будешь постигать.

(Входитъ Семень Годуновъ.)

Вотъ Годуновъ идетъ ко мнѣ съ докладомъ.
(Ксеніи) Душа моя, поди въ свою свѣтлицу;
 Прости, мой другъ; утѣшь тебя Господь.

(Ксенія съ мамкою уходитъ.)

Что скажешь мнѣ, Семень Никитичъ?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Нынче

Ко мнѣ, чѣмъ свѣтъ, дворецкій Князь-Василья
 И Пушкина слуги пришли съ доносомъ.

ЦАРЬ.

Ну.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Пушкина слуга донесъ сперва,
 Что поутру вчера къ нимъ въ домъ прѣхалъ
 Изъ Кракова гонецъ и черезъ часъ
 Безъ грамоты отосланъ былъ обратно.

ЦАРЬ.

Гонца схватить.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Ужъ послано въ догоню.

ЦАРЬ.

О Шуйскомъ что?

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Вечоръ онъ угощаль
Своихъ друзей, обоихъ Милославскихъ,
Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина, да нѣсколько другихъ;
А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ
Наединѣ съ хозяиномъ остался
И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.

ЦАРЬ.

Сейчасъ послать за Шуйскимъ.

СЕМЕНЬ ГОДУНОВЪ.

Государь!

Онъ здѣсь уже.

ЦАРЬ.

Позвать его сюда.

(Годуновъ уходитъ.)

ЦАРЬ.

Сношенія съ Литвою! это что?...

Противень мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный,
А Шуйскому не должно довѣрять.
Уклончивый, но смѣлый и лукавый....

(Входитъ Шуйскій.)

Мнѣ нужно, Князь, съ тобою говорить.

Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ:

И выслушать хочу тебя сперва.

Шуйскій.

Такъ, Государь: мой долгъ тебѣ повѣдать
Вѣсть важную.

ЦАРЬ.

Я слушаю тебя.

Шуйскій, (*тихо указывая на Теодора.*)

Но, Государь

ЦАРЬ.

Царевичъ можетъ знать,
Что вѣдаетъ Князь Шуйскій. Говори.

Шуйскій.

Царь, изъ Литвы пришла намъ вѣсть

ЦАРЬ.

Не та ли,
Что Пушкину привезъ вечеръ гонецъ.

Шуйскій.

Все знаетъ онъ! . . . Я думалъ, Государь,
Что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

ЦАРЬ.

Нѣтъ нужды, Князь: хочу сообразить
Извѣстія; иначе не узнаемъ
Мы истины.

Шуйскій.

Я знаю только то;
Что въ Краковѣ явился самозванецъ,
И что Король и Паны за него.

ЦАРЬ.

Что жъ говорятъ? Кто этоць самозванецъ?

Шуйскій.

Не вѣдаю.

ЦАРЬ.

Но чѣмъ опасенъ онъ?

Шуйскій.

Конечно, Царь, сильна твоя держава,
Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ.
Но знаешь самъ: бессмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится безстыдная отвага;
Такъ если сей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ,
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Димитрія воскреснувшее имя.

ЦАРЬ.

Димитрія! . . . какъ? этого младенца?
Димитрія! . . . Царевичъ, удались.

Шуйскій.

Онъ покрасѣлъ: быть бурѣ! . . .

ФЕОДОРЪ.

Государь,

Дозволишь ли!

ЦАРЬ.

Нельзя, мой сынъ, поди.

(Феодоръ уходитъ.)

Димитрія!

ШУЙСКІЙ.

Онъ ничего не зналъ.

ЦАРЬ.

Послушай, Князь: взять мѣры сей же часъ;

Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась

Заставами; чтобъ ни одна душа

Не перешла за эту грань; чтобъ заяць

Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ

Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай.

ШУЙСКІЙ.

Иду.

ЦАРЬ.

Постой. Не правда ль, эта вѣсть

Затѣйлива? Слыхалъ ли ты когда,

Чтобъ мертвые изъ гроба выходили

Допрашивать Царей, Царей законныхъ,

Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,

Увѣнчанныхъ великимъ Патріархомъ?

Смѣшно? а? что? чтожь не смѣнешся ты!

ШУЙСКІЙ.

Я, Государь? . . .

ЦАРЬ.

Послушай, Князь Василій:

Какъ я узналъ, что отрока сего

Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни, .

Ты посланъ былъ на слѣдствіе: теперь

Тебя Крестомъ и Богомъ заклинаю,

По совѣсти мнѣ правду объяви:

Узналъ ли ты убитаго младенца

И не было ль подмѣна? Отвѣчай.

ШУЙСКІЙ.

Клянусь тебѣ

ЦАРЬ.

Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,

Но отвѣчай: то былъ Царевичъ!

ШУЙСКІЙ.

Онъ.

ЦАРЬ.

Подумай, Князь. Я милость обѣщаю,

Прошедшей лжи опалою напрасной

Не накажу. Но если ты теперь

Со мной хитришь, то головою сына

Клянусь — тебя постигнетъ злая казнь,

Такая казнь, что Царь Иванъ Васильичъ

Отъ ужаса во гробъ содрогнется.

Шуйскій.

Не казнь страшна, страшна твоя немилость;
Передъ тобой дерзну ли я лукавить?
И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,
Что не узналъ Димитрія? Три дня
Я трупъ его въ Соборѣ посѣщаль,
Всѣмъ Угличемъ туда сопровождаемый.
Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало,
Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
Ужъ тѣнѣ примѣтно проступало,
Но дѣтскій ликъ Царевича былъ ясенъ
И свѣжъ и тихъ, какъ будто усыпленный;
Глубокая не запекалась язва,
Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
Нѣтъ, Государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій
Во гробѣ спитъ.

Царь.

Довольно, удались. (*Шуйскій уходитъ.*)

Ухъ, тяжело! . . . дай духъ переведу!
Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лице
Мнѣ кинулась и тяжело опускалась . . .
Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
Все снилося убитое дитя!
Да, да — вотъ что! теперь я понимаю.
Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?
Кто на меня? Пустое имя, тѣшь —
Уже ли тѣшь сорветъ съ меня порфиру,

Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?
Безумецъ я! чего жъ я испугался?
На призракъ сей подуи — и нѣтъ его.
Такъ рѣшено: не окажу я страха;
Но презирать недолжно ничего
Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

КРАКОВЪ. ДОМЪ ВИШНЕВЕЦКАГО.

САМОЗВАНЕЦЪ и РАТЕР ЧЕРНИКОВСКІЙ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ, мой отецъ, не будетъ затрудненій;
Я знаю духъ народа моего;
Въ немъ набожность не знаетъ изступленья:
Ему священъ примѣръ Царя его.
Всегда, къ тому жь, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ
Весь мой народъ и вся Восточна Церковь
Признають власть Намѣстника Петра.

РАТЕР.

Вспомоществуй тебѣ святой Игнатій,
Когда придутъ иныя времена.
А между тѣмъ небесной благодати
Таи въ душѣ, Царевичь, сѣмена;

Притворствовать предъ оглашеннымъ свѣтомъ
 Намъ иногда духовный долгъ велить :
 Твои слова, дѣянья — судять люди;
 Намъренья единый видитъ Богъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Амен. Кто тамъ! (*Входитъ слуга.*) Сказать:

Мы принимаемъ.

(*Отворяются двери, входитъ толпа Русскихъ и Поляковъ.*)

Товарищи! мы выступаемъ завтра
 Изъ Кракова. Я, Мнишекъ, у тебя
 Остановлюсь въ Самборѣ на три дня.
 Я знаю: твой гостепріимный замокъ
 И пышностью блистаетъ благородной
 И славится хозяйкой молодой.
 Прелестную Марину я надѣюсь
 Увидѣть тамъ. А вы, мои друзья,
 Литва и Русь, вы, братскія знамена
 Поднявшіе на общаго врага,
 На моего коварнаго злодѣя,
 Сыны Славянъ, я скоро поведу
 Въ желанный бой дружины ваши грозны,
 Но между васъ я вижу новы лица.

ГАВРИЛА ПУШКИНЪ.

Они пришли у милости твоей
 Просить меча и службы.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Радъ вамъ, дѣти.

Ко мнѣ друзья. Но кто, скажи мнѣ, Пушкинъ
Красавецъ сей?

Пушкинъ.

Князь Курбскій.

САМОЗВАНЕЦЪ, *Курбскому.*

Имя громко!

Ты родственникъ Казанскому герою?

КУРБСКІЙ.

Я сынъ его.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Онъ живъ еще?

КУРБСКІЙ.

Нѣтъ, умеръ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Великій умъ! мужъ битвы и совѣта!
Но съ той поры, когда являлся онъ,
Своихъ обидъ ожесточенный мститель,
Съ Литовцами подъ ветхій городъ Ольгинъ,
Молва объ немъ умолкла.

КУРБСКІЙ.

Мой отецъ

Въ Вольніи провелъ остатокъ жизни,
Въ помѣстіяхъ, дарованныхъ ему
Баторіемъ. Уединенъ и тихъ,

Въ наукахъ онъ искалъ себѣ отрады.
 Но мирный трудъ его не утѣшалъ:
 Онъ юности своей отчизну помнилъ
 И до конца по ней онъ тосковалъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Несчастный вождь! какъ ярко просіялъ
 Восходъ его шумящей, бурной жизни.
 Я радуюсь, великородный витязь,
 Что кровь его съ отечествомъ мирится;
 Вины отцевъ не должно вспоминать;
 Миръ гробу ихъ! Приблизься, Курбскій . . . руку!
 Не странно ли? сынъ Курбскаго ведетъ
 На тронъ, кого? да — сына Юапна! . . .
 Все за меня: и люди и судьба.
 Ты кто такой?

Полякъ.

Собанскій, шляхтичъ вольный.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Хвала и честь тебѣ, свободы чадо!
 Впередъ сму третъ жалованья выдать.
 Но эти кто? я узнаю на нихъ
 Земли родной одежду. Это наши.

Хрущовъ, бьетъ челомъ.

Такъ, Государь, отецъ нашъ. Мы твои
 Усердные, гонимые холопья.
 Мы изъ Москвы, опальные, бѣжали
 Къ тебѣ, нашъ Царь, и за тебя готовы

Главами лечь; да будутъ наши трупы
На Царской тронъ ступенями тебѣ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Мужайтесь, безвинные страдалцы.
Лишь дайте мнѣ добраться до Москвы,
А тамъ Борисъ расплатится во всемя.
Ты кто?

КАРЕЛА.

Казакъ; къ тебѣ я съ Дона посланъ
Отъ вольныхъ войскъ, отъ храбрыхъ Атамановъ,
Отъ казаковъ верховыхъ и низовыхъ,
Узрѣть твои Царевы ясны очи
И кланяться тебѣ ихъ головами.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Я зналъ Донцовъ: не сомнѣвался видѣть
Въ своихъ рядахъ казачьи бунчуки.
Благодаримъ Донское наше войско.
Мы вѣдаемъ, что нынѣ казаки
Неправедно притѣснены, гонимы;
Но если Богъ поможетъ намъ вступить
На тронъ отцовъ, то мы по старинѣ
Пожалуемъ нашъ вѣрный вольный Донъ.

Поэтъ (*приближается, кланясь низко и
хватая Гришку за полу*).

Великій Принцъ, Свѣтлѣйшій Королевичъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что хочешь ты?

Поэть, *подаеть ему бумагу.*

Примите благосклонно

Сей бѣдный плодъ усерднаго труда.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что вижу я? Латинскіе стихи!

Стократъ священъ союзъ меча и лиры;

Единый лавръ ихъ дружно обвиваетъ.

Родился я подъ небомъ полунощнымъ,

Но мнѣ знакомъ латинской музы голосъ.

И я люблю Парнасскіе цвѣты.

Я вѣрую въ пророчества пштовъ.

Нѣтъ; не вотще въ ихъ пламенной груди

Кипитъ восторгъ: благословится подвигъ,

Его жъ они прославили заранѣ!

Приблизься, другъ. Въ мое воспоминанье

Прими сей даръ. (*Даетъ ему перстень*).

Когда со мной свершится

Судьбы завѣтъ, когда корону предковъ

Надѣну я; надѣюсь вновь услышать

Твой сладкій гласъ, твой вдохновенный гимнъ.

Musa gloriam coronat, gloriaque musam.

И такъ, друзья, дозавтра, до свиданья.

Всѣ.

Въ походъ, въ походъ! Да здравствуетъ Димитрій,

Да здравствуетъ Великій Князь Московскій!

ЗАМОКЪ ВОЕВОДЫ МНИШКА ВЪ САМБОРЪ.

(Рядъ освещенныхъ комнатъ. Музыка.)

ВИШНЕВЕЦКІЙ, МНИШЕКЪ.

Мнишекъ.

Онъ говоритъ съ одной моею Мариной,

Мариною одною занятъ онъ . . .

А дѣло-то на свадьбу страхъ похоже.

Ну — думаль ты, признайся, Вишневецкій,

Что дочь моя Царицей будетъ? а?

Вишневецкій.

Да, чудеса . . . и думаль ли ты, Мнишекъ,

Что мой слуга взойдетъ на тронъ Московской?

Мнишекъ.

А какова, скажи, моя Марина?

Я только ей промолвилъ: ну, смотри!

Не упускай Димитрія! . . . и вотъ.

Все кончено, ужъ онъ въ ея сѣтяхъ.

(Музыка играетъ Польской. Самозванецъ идетъ съ Мариною въ первой парь).

МАРИНА *(тихо Димитрію)*

Да, ввечеру, въ одиннадцать часовъ,

Въ аллеѣ липъ, я завтра у фонтана.

(Расходятся. Другая пара).

КАВАЛЕРЪ.

Что въ ней нашель Димитрій?

ДАМА.

Какъ! она

Красавица.

КАВАЛЕРЪ.

Да, мраморная нимфа:

Глаза, уста безъ жизни, безъ улыбки . . .

(Новая пара).

ДАМА.

Онъ не красивъ, но видъ его пріятенъ;

И Царская порода въ немъ видна.

(Новая пара).

ДАМА.

Когда жъ походъ?

КАВАЛЕРЪ.

Когда велитъ Царевичъ.

Готовы мы; но видно, Панна Мнишекъ

Съ Димитріемъ задержать насъ въ плѣну.

ДАМА.

Пріятный плѣнь.

КАВАЛЕРЪ.

Конечно, если вы...

(Расходятся; комнаты пустѣютъ).

МНИШЕКЪ.

Мы старики ужъ нынче не танцуемъ,
Музыки громъ не призываетъ насъ,
Прелестныхъ рукъ не жмемъ и не цалуемъ,
Охъ, не забылъ старинныхъ я проказъ.
Теперь не то, не то, что прежде было!
И молодежь ей-ей не такъ смѣла;
И красота не такъ ужъ весела;
Признайся, другъ: все какъ - то пріуныло.
Оставимъ ихъ; пойдемъ, товарищъ мой,
Венгерскаго, обросшую травой,
Велимъ отрыть бутылку вѣковую,
Да въ уголку потянемъ-ка вдвоемъ
Душистый токъ, струю какъ жиръ густую,
А между тѣмъ посудимъ кой о чемъ.
Пойдемъ же, братъ.

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

И дѣло, другъ: пойдемъ.

НОЧЬ. САДЪ. ФОНТАНЪ.

САМОЗВАНЕЦЪ, МАРИНА.

САМОЗВАНЕЦЪ (*входитъ.*)

Вотъ и фонтанъ; она сюда придетъ.
Я, кажется, рождень не боязливымъ;
Передъ собой вблизи видалъ я смерть;
Предъ смертію душа не содрогалась.
Мнѣ вѣчная неволя угрожала,
За мной гнались — я духомъ не смутился
И дерзостью неволи избѣжалъ.
Но что жъ теперь тѣснить мое дыханье?
Что значить сей неодолимый трепеть?
Иль это дрожь желаній напряженныхъ?
Нѣтъ, это страхъ. День цѣлый ожидалъ
Я тайнаго свиданія съ Мариной,
Обдумывалъ все то, что ей скажу,

Какъ обольщу ея надменный умъ,
 Какъ назову Московскою Царицей;
 Но часъ насталь, и ничего не помню;
 Не нахожу затверженныхъ рѣчей;
 Любовь мутить мое воображенье
 Но что - то вдругъ мелькнуло .. шорохъ .. тише ..
 Нѣтъ, это свѣтъ обманчивой луны,
 И прошумѣлъ здѣсь вѣтерокъ.

МАРИНА (*входитъ.*)

Царевичъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Она! .. Вся кровь во мнѣ остановилась.

МАРИНА.

Димитрій! Вы?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Волшебный, сладкій голосъ!

(*Идетъ къ ней*) Ты ль наконецъ? Тебя ли вижу я,

Одну со мной, подъ сѣнью тихой ночи?

Какъ медленно катился скучный день!

Какъ медленно заря вечерня гасла!

Какъ долго ждалъ во мракѣ я ночью!

МАРИНА.

Часы бѣгутъ, и дорого мнѣ время.

Я здѣсь тебѣ назначила свиданье

Не для того, чтобъ слушать нѣжныя рѣчи

Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,

Что любишь ты; но слушай: я рѣшилась
Съ твоей судьбой, и бурной и невѣрной,
Соединить судьбу мою; то вправѣ
Я требовать, Димитрій, одного:
Я требую, чтобъ ты души своей
Мнѣ тайныя открылъ теперь надежды,
Намѣренья и даже опасенья;
Чтобъ объ руку съ тобой могла я смѣло
Пуститься въ жизнь, не съ дѣтской слѣпотой,
Не какъ раба желаній легкихъ мужа,
Наложница безмолвная твоя;
Но какъ тебя достойная супруга,
Помощница Московскаго Царя.

САМОЗВАНЕЦЪ.

О, дай забыть хоть на единый часъ
Моей судьбы заботы и тревоги!
Забудь сама, что видишь предъ собой
Царевича. Марина! зри во мнѣ
Любовника, избраннаго тобою,
Счастливаго твоимъ единымъ взоромъ.
О, выслушай моленія любви!
Дай высказать все то, чѣмъ сердце полно!

МАРИНА.

Не время, Князь: ты медлишь, и межъ тѣмъ
Приверженность твоихъ клеветовъ стынетъ;
Часъ отъ часу опасность и труды
Становятся опаснѣй и труднѣе;

Ужъ носятся сомнительные слухи,
 Ужъ новизна смѣняетъ новизну;
 А Годуновъ свои пріемлетъ мѣры....

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что Годуновъ? во власти ли Бориса
 Твоя любовь, одно мое блаженство?
 Нѣтъ, нѣтъ. Теперь гляжу я равнодушно
 На тронъ его, на Царственную власть.
 Твоя любовь... что безъ нея мнѣ жизнь,
 И славы блескъ, и Русская держава?
 Въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной — ты,
 Ты замѣнишь мнѣ Царскую корону;
 Твоя любовь...

МАРИНА.

Стыдись! не забывай

Высокаго, святаго назначенья:
 Тебѣ твой санъ дороже долженъ быть
 Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній жизни.
 Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять.
 Не юношѣ кипящему, безумно
 Плѣненному моею красотой,
 Знай, отдаю торжественно я руку
 Наслѣднику Московскаго престола,
 Царевичу, спасенному судьбой.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не мучь меня, прелестная Марина,
 Не говори, что санъ, а не меня

Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
Какъ больно тѣмъ ты сердце мнѣ язвишь.
Какъ! ежели . . . о страшное сомнѣнье!
Скажи: когда бъ не Царское рожденье
Назначила слѣпая мнѣ судьба,
Когда бъ я былъ не Иоанновъ сынъ,
Не сей, давно забытый міромъ отрокъ;
Тогда бъ . . . тогда бъ любила ль ты меня?

МАРИНА.

Димитрій, ты и быть инымъ не можешь;
Другаго мнѣ любить нельзя.

САМОЗВАНЕЦЪ.

НѢТЬ! полно:

Я не хочу дѣлиться съ мертвецомъ
Любовницей, ему принадлежащей:
НѢТЬ, полно мнѣ притворствовать! скажу
Всю истину; такъ знай же: твой Димитрій
Давно погибъ, зарытъ — и не воскреснетъ;
А хочешь ли ты знать, кто я таковъ?
Изволь, скажу: я бѣдный черноризецъ;
Монашеской неволею скучая,
Подъ клобукомъ свой замыселъ отважный
Обдумалъ я; готовилъ міру чудо —
И наконецъ изъ келіи бѣжалъ
Къ Украинцамъ, въ ихъ буйные курени;
Владѣть конемъ и саблей научился;

Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался,
И Поляковъ безмозглыхъ обманулъ.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ль ты признаніемъ моимъ?
Что жъ ты молчишь?

МАРИНА.

О стыдъ! о горе мнѣ!

(Молчаніе).

САМОЗВАНЕЦЪ (тихо).

Куда завлекъ меня порывъ досады!
Съ такимъ трудомъ устроенное счастье
Я, можетъ быть, навѣки погубилъ.
Что сдѣлалъ я, безумецъ? (Вслушь). Вижу, вижу:
Стыдишься ты не княжеской любви;
Такъ вымолви жъ мнѣ роковое слово;
Въ твоихъ рукахъ теперь моя судьба,
Рѣши: я жду (бросается на колѣна).

МАРИНА.

Встань, бѣдный самозванецъ.

Не мнишь ли ты колѣнопреклоненьемъ,
Какъ дѣвочки доврчивой и слабой
Тщеславное мнѣ сердце умилишь?
Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала
Я Рыщарей и Графовъ благородныхъ;
Но ихъ мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтобъ бѣлаго монаха...

САМОЗВАНЕЦЪ (*встаетъ*).

Не презирай младаго самозванца;
Въ немъ доблести таятся, можетъ быть,
Достойныя Московскаго престола,
Достойныя руки твоей безцѣнной . . .

МАРИНА.

Достойныя позорной петли, дерзкій!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Виновенъ я; гордыней обуянный,
Обманывалъ я Бога и Царей —
Я міру лгаль: но не тебѣ, Марина,
Меня казнить; я правъ передъ тобою.
Нѣтъ, я не могъ обманывать тебя.
Ты мнѣ была единственной святыней,
Предъ ней же я притворствовать не смѣлъ:
Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
Одна любовь принудила меня
Все высказать.

МАРИНА.

Чѣмъ хвалится, безумецъ!

Кто требовалъ признанья твоего?
Ужъ если ты, бродяга безыменный,
Могъ ослѣпить чудесно два народа;
Такъ долженъ ужъ, по крайней мѣрѣ, ты
Достоинъ быть успѣха своего
И свой обманъ отважный обезпечить
Упорною, глубокой, вѣчной тайной.

Могу ль, скажи, предаться я тебѣ,
Могу ль, забывъ свой родъ и стыдъ дѣвичій,
Соединить судьбу мою съ твоею,
Когда ты самъ съ такою простотой,
Такъ вѣтрено позоръ свой обличаешь?
Онъ изъ любви со мною проболтался!
Дивлюся: какъ передъ моимъ отцемъ
Изъ дружбы ты доселѣ не открылся,
Отъ радости предъ нашимъ Королемъ,
Или еще предъ Паномъ Вишневецкимъ
Изъ вѣрнаго усердія слуги.

САМОЗВАНЕЦЪ,

Клянусь тебѣ, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признанье.
Клянусь тебѣ, что никогда, нигдѣ,
Ни въ пиршествѣ, за чашею безумства,
Ни въ дружескомъ завѣтномъ разговорѣ,
Ни подъ ножемъ, ни въ мукахъ истязаній,
Сихъ тяжкихъ тайнъ не выдастъ мой языкъ.

МАРИНА.

Клянешься ты! и такъ должна я вѣрить.
О вѣрю я! Но чѣмъ, нельзя ль узнать,
Клянешься ты? Не именемъ ли Бога,
Какъ набожный пріемышь Іезуитовъ?
Иль честію, какъ витязь благородный,
Иль, можетъ быть, единымъ Царскимъ словомъ,
Какъ Царскій сынъ? не такъ ли? говори.

ДИМИТРІЙ, (*гордо.*)

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ я. Довольно, стыдно мнѣ
Предъ гордою Полячкой унижаться.
Прощай навѣкъ: игра войны кровавой,
Судьбы моей обширныя заботы
Тоску любви, надѣюсь, заглушатъ.
О, какъ тебя я стану ненавидѣть,
Когда пройдетъ постыдной страсти жаръ.
Теперь иду — погибель иль вѣнецъ
Мою главу въ Россіи ожидаетъ,
Найду ли смерть, какъ воинъ въ битвѣ честной,
Иль какъ злодѣй на плахѣ площадной,
Не будешь ты подругою моею,
Моей судьбы не раздѣлишь со мною;
Но, можетъ быть, ты будешь сожалѣть
Объ участи, отвергнутой тобою.

МАРИНА.

А если я твой дерзостный обманъ
Заранѣ предъ всѣми обнаружу?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что болѣе повѣрятъ Польской дѣвѣ,

Чѣмъ Русскому Царевичу? Но знай,
 Что ни Король, ни Папа, ни вельможи
 Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.
 Димитрій я, иль нѣтъ — что имъ за дѣло?
 Но я предлогъ раздоровъ и войны.
 Имъ это лишь и нужно: и тебя,
 Мятежница, повѣрь, молчать заставить.
 Прощай.

МАРИНА.

Постой, Царевичъ. Наконецъ
 Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа;
 Съ тобою, Князь, она меня мирить.
 Безумный твой порывъ я забываю
 И вижу вновь Димитрія. Но слушай:
 Пора, пора! проснись, не медли болѣ,
 Веди полки скорѣе на Москву;
 Очисти Кремль, садись на тронъ Московскій —
 Тогда за мной шли брачнаго посла;
 Но, слышитъ Богъ, пока твоя нога
 Не оперлась на тронныя ступени,
 Пока тобой не сверженъ Годуновъ,
 Любви рѣчей не буду слушать я. (*Уходитъ*).

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ — легче мнѣ сражаться съ Годуновымъ,
 Или хитрить съ придворнымъ Іезуитомъ,
 Чѣмъ съ женщиной. Чортъ съ ними; мочи нѣтъ:

И путаетъ, и вѣется, и ползетъ,
Скользить изъ рукъ, шипить, грозить и жалить.
Змѣя! змѣя! . . . Недаромъ я дрожалъ.
Она меня чуть чуть не погубила.
Но рѣшено: завтра двину рать.

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ.

КНЯЗЬ КУРЬСКІЙ и САМОЗВАНЕЦЪ, *оба верхами. Полки приближаются къ границѣ*

Курьскій, *прискакавъ первый.*

Вотъ, вотъ она, вотъ Русская граница!
Святая Русь! Отечество! я твой!
Чужбины прахъ съ презрѣньемъ отряхаю
Съ моихъ одеждъ, пью жадно воздухъ новый:
Онъ мнѣ родной! теперь твоя душа,
О мой отецъ, утѣшилась, и въ гробъ
Опальные возрадуются кости!
Блеснулъ опять наслѣдственный нашъ мечъ,
Сей славный мечъ — гроза Казани темной,
Сей добрый мечъ — слуга Царей Московскихъ!
Въ своемъ пиру теперь онъ загуляетъ
За своего надѣжу - Государя! . . .

Самозванецъ, *идеть тихо съ поникшей головой.*
Какъ счастливъ онъ! какъ чистая душа
Въ немъ радостью и славой разыгралась!

О витязь мой, завидую тебѣ!
Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньи,
Забывъ отцемъ снесенныя обиды,
Его вину за гробомъ искупивъ,
Ты кровь излить за сына Іоанна
Готовишься, законнаго Царя
Ты возвратить отечеству . . . ты правъ,
Душа твоя должна пылать весельемъ.

КУРЬСКІЙ.

Уже ль и ты не веселишься духомъ?
Вотъ наша Русь: она твоя, Царевичъ.
Тамъ ждуть тебя сердца твоихъ людей,
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Кровь Русская, о Курбскій, потечеть!
Вы за Царя подъяли мечъ, вы чисты.
Я жъ васъ веду на братьевъ; я Литву
Позваль на Русь; я въ красную Москву
Кажу врагамъ завѣтную дорогу!
Но пусть мой грѣхъ падеть не на меня,
А на тебя, Борисъ - цареубійца!
Впередъ!

КУРЬСКІЙ.

Впередъ! и горе Годунову!

(Скажутъ. Полки переходятъ чрезъ границу.)

ЦАРСКАЯ ДУМА.

ЦАРЬ, ПАТРИАРХЪ и БОЯРЕ.

ЦАРЬ.

Возможноли ли? разстрига, бѣглый инокъ
На насъ ведетъ злодѣйскія дружины,
Дерзаетъ намъ писать угрозы! Полно,
Пора смирить безумца! Поѣзжайте,
Ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ; помощь
Нужна моимъ усерднымъ Воеводамъ.
Бунтовщикомъ Черниговъ осажденъ.
Спасайте градъ и гражданъ.

БАСМАНОВЪ.

Государь,
Трехъ мѣсяцевъ отнынѣ не пройдетъ,
И замолчить и слухъ о самозванцѣ;
Его въ Москву мы привеземъ, какъ звѣря

Заморскаго, въ желѣзной клѣткѣ. Богомъ
Тебѣ клянусь. (*Уходитъ съ Трубецкимъ*).

ЦАРЬ.

Мнѣ Свейскій Государь
Черезъ Пословъ союзъ свой предложилъ;
Но не нужна намъ чуждая помощь;
Своихъ людей у насъ довольно ратныхъ,
Чтобъ отразить измѣнниковъ и Ляха.
Я отказалъ.

Щелкаловъ! разослать
Во всѣ концы Указы къ Воеводамъ,
Чтобъ на коня сѣдлись, и людей
Постаринѣ на службу высылали;
Въ монастыряхъ подобно отобрать
Служителей причетныхъ. Въ прежни годы,
Когда бѣдой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли;
Но не хотимъ тревожить нынѣ ихъ;
Пусть молятся за насъ они: таковъ
Указъ Царя и приговоръ Боярскій.
Теперь вопросъ мы важный разрѣшимъ:
Вы знаете, что наглый самозванецъ
Коварные промчалъ повсюду слухи;
Повсюду имъ разосланныя письма
Посѣяли тревогу и сомнѣнье;
На площадяхъ мятежный бродитъ шопоть,
Умы кипятъ . . . ихъ нужно остудить;

Предупредить желалъ бы казни я,
Но чѣмъ и какъ? рѣшимъ теперь. Ты первый,
Святой Отецъ, свою повѣдай мысль.

ПАТРИАРХЪ.

Благословенъ Всевышній, поселившій
Духъ милости и кроткаго терпѣнья
Въ душъ твоей, великій Государь;
Ты грѣшному погибси не хочешь,
Ты тихо ждешь, да пройдетъ заблужденье:
Оно пройдетъ и солнце правды вѣчной
Всѣхъ озарить.

Твой вѣрный богомолецъ,
Въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія,
Дерзаетъ днесь подать тебѣ свой голосъ:

Бѣсовскій сынъ, разстрига окаянный,
Прослыть умѣлъ Димитріемъ въ народѣ;
Онъ именемъ Царевича, какъ ризою
Украденной, безстыдно облачился:
Но стоитъ лишь ее раздрать — и самъ
Онъ наготовой своею посрамится.

Самъ Богъ на то намъ средство посылаетъ:
Знай, Государь, тому прошло шесть лѣтъ,
Въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь
Благословилъ на Царскую державу —
Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды
Простой пастухъ, уже маститый старецъ,
И чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну:

«Въ молодыхъ лѣтахъ, сказалъ онъ, я ослѣпъ,
«И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи
«До старости: напрасно я лечился
«И зелиемъ и тайнымъ нашептаньемъ;
«Напрасно я ходилъ на поклоненье
«Въ обители къ великимъ Чудотворцамъ;
«Напрасно я изъ кладязей святыхъ
«Кропилъ водой цѣлебной темны очи —
«Не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья.
«Вотъ наконецъ утратилъ я надежду,
«И къ тмѣ своей привыкъ, и даже сны
«Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,
«А снилися мнѣ только звуки. Разъ
«Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голосъ
«Мнѣ говорить: встань, дѣдушка, поди
«Ты въ Угличъ-градъ, въ Соборъ Преображенья;
«Тамъ помолись ты надъ моей могилой,
«Богъ милостивъ — и я тебя прощу.
«Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ.
«Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
«Пріялъ меня въ ликъ Ангеловъ своихъ,
«И я теперь великій Чудотворецъ.
«Иди, старикъ. — Проснулся я и думалъ:
«Что жъ? можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Богъ
«Мнѣ позднее даруетъ исцѣljenje.
«Пойду — и въ путь отправился далекий.
«Вотъ Углича достигъ я, прихожу

«Въ святой Соборъ, и слушаю обѣдню,
 «И, разгорясь душой усердной, плачу,
 «Такъ сладостно, какъ будто слѣпота
 «Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
 «Когда народъ сталъ выходить, я впуку
 «Сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ
 «Царевича Димитрія. И мальчикъ
 «Повель меня — и только передъ гробомъ
 «Я тихую молитву сотворилъ,
 «Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ
 «И Божій свѣтъ, и внука, и могилку.»

Вотъ, Государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ.

*(Общее смущеніе. Въ продолженіе сей рѣчи Борисъ
 нѣсколько разъ отираетъ лице платкомъ.)*

Я посылалъ тогда нарочно въ Угличъ,
 И свѣдано, что многіе страдальцы
 Спасеніе подобно обрѣтали
 У гробовой Царевича доски.

Вотъ мой совѣтъ: во Кремль святыя мощи
 Перенести, поставить ихъ въ Соборъ
 Архангельскомъ; народъ увидитъ ясно
 Тогда обманъ безбожнаго злодѣя,
 И мощъ бѣсовъ исчезнетъ яко прахъ.

(Моланіе.)

Князь Шуйскій.

Святый отецъ, кто вѣдаетъ пути
 Всевышняго? Не мнѣ его судить.

Нетлѣнный сонъ и силу чудотворства
Онъ можетъ дать младенческимъ останкамъ;
Но надлежитъ народную молву
Измѣловать прилѣжно и безстрастно;
А въ бурныя ль смятеній времена
Намъ помышлять о столь великомъ дѣлѣ?
Не скажутъ ли, что мы святыню дерзко
Въ дѣлахъ мірскихъ орудіемъ творимъ?
Народъ и такъ колеблется безумно,
И такъ ужъ есть довольно шумныхъ толковъ:
Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.

Самъ вижу я: необходимо слухъ,
Разсѣянный разстригой, уничтожить;
Но есть на то иныя средства — проще.
Такъ, Государь, когда изволишь ты,
Я самъ явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовѣщу безумство
И злой обманъ бродяги обнаружу.

ЦАРЬ.

Да будетъ такъ! Владыка Патріархъ,
Прошу тебя пожаловать въ палату:
Сегодня мнѣ нужна твоя бесѣда.

(Уходитъ; за нимъ и всѣ Бояре.)

Одинъ Бояринъ, тихо другому.
Замѣтилъ ты, какъ Государь блѣднѣлъ
И крупный потъ съ лица его закапалъ?

Второй.

Я, признаюсь, не смѣль поднять очей,
Не смѣль вздохнуть, не только шевелиться.

Первый.

А выручилъ Князь Шуйскій. Молодецъ!

РАВНИНА БЛИЗЪ НОВГОРОДА- СЪВЕРСКАГО.

(1604 ГОДА, 21 ДЕКАБРЯ.)

БИТВА.

Воины, бѣгутъ въ безпорядкѣ.

Бѣда, бѣда! Царевичъ! Ляхи! Вотъ они! вотъ они!
(*Входятъ Капитаны: Маржеретъ и Вальтеръ Розенъ.*)

МАРЖЕРЕТЪ.

Куда, куда? Allons . . . пошелъ назадъ!

Одинъ изъ бѣглецовъ.

Самъ *пошелъ*, коли есть охота, проклятый басурманъ.

МАРЖЕРЕТЪ.

Quoi? quoi?

Другой.

Ква! ква! тебѣ любо, лягушка заморская, квакать на Русскаго Царевича; а мы вѣдь православные.

МАРЖЕРЕТЪ.

Qu'est - ce à dire *pravoslavni*?... Sacrés gueux, maudite canaille! Mordieu, mein Herr, j'enrage: on dirait que ça n'a pas de bras pour foapper, ça n'a que des jambes pour fuir.

В. РОЗЕНЪ.

Es ist Schande.

МАРЖЕРЕТЪ.

Ventre - saint - gris! Je ne bouge plus d'un pas; puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites vous, mein Herr?

В. РОЗЕНЪ.

Sie haben Recht.

МАРЖЕРЕТЪ.

Diable, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanetz, comme il s'appelle, est un brave à trois poils.

В. РОЗЕНЪ.

Ja.

МАРЖЕРЕТЪ.

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie.

В. РОЗЕНЪ.

Ich glaube das.

(Входятъ Нѣмцы.)

МАРЖЕРЕТЪ.

Ha, ha! voici nos Allemands. Messieurs! Mein Herr, dites-leur donc de se raillier et, sacrebleu, chargeons!

В. РОЗЕНЪ.

Sehr gut. Halt!

(Нѣмцы строятся.)

Marsch!

Нѣмцы, идутъ.

Hilf Gott!

(Сраженіе. Русскіе снова бѣгутъ.)

ЛЯХИ.

Побѣда! побѣда! Слава Царю Димитрію!

Димитрій, верхомъ.

Ударить отбой! Мы побѣдили. Довольно; щадите Русскую кровь. Отбой!

(Трубятъ; бьютъ барабаны.)

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕДЪ СОБОРОМЪ ВЪ МОСКВѢ.

НАРСДЪ.

Одинъ.

Скоро ли Царь выйдетъ изъ Собора?

Другой.

Обѣдня кончилась; теперь идетъ молебствіе.

Первый.

Что? ужъ проклинали того?

Другой.

Я стоялъ на паперти и слышалъ, какъ дьяконъ завопилъ: Гришка Отрепьевъ — анаеема!

Первый.

Пускай себѣ проклинаятъ; Царевичу дѣла нѣтъ до Отрепьева.

ДРУГОЙ.

А Царевичу поютъ теперь вѣчную память.

ПЕРВЫЙ.

Вѣчную память живому! Вотъ ужо имъ будетъ безбожникамъ.

ТРЕТИЙ.

Чу! шумъ. Не Царь ли?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Нѣтъ, это юродивый.

(Входитъ юродивый въ желѣзной шапкѣ, обвѣшанный веригами, окруженный мальчишками.)

МАЛЬЧИШКИ.

Желѣзный колпакъ! желѣзный колпакъ!
тр р р р

СТАРУХА.

Отвяжитесь отъ него, бѣсенята. Помолись, блаженный, за меня грѣшную.

ЮРОДИВЫЙ.

Дай, дай, дай копѣчку.

СТАРУХА.

Вотъ тебѣ копѣчка; помяни же меня.

ЮРОДИВЫЙ *садится на землю и поетъ:*

Мѣсяць ѣдетъ,
Котенокъ плачетъ,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!

(Мальчишки окружаютъ его снова.)

Одинъ изъ нихъ.

Здравствуй, юродивый, что же ты шапки не снимаешь? (*Щелкаетъ его по желъзной шапкѣ.*) Экъ она звонить!

Юродивый.

А у меня копѣчка есть.

Мальчишка.

Неправда, ну, покажи.

(*Вырываетъ копѣчку и убѣгаетъ.*)

Юродивый, плачетъ.

Взяли мою копѣчку, обижаютъ юродиваго.

Народъ.

Царь, Царь идетъ.

(*Царь выходитъ изъ Собора; Бояринъ впереди раздаетъ нищимъ милостыню. Бояре.*)

Юродивый.

Борисъ, Борисъ! мальчишки обижаютъ юродиваго.

Царь.

Подать ему милостыню! О чемъ онъ плачетъ?

Юродивый.

Мальчишки меня обижаютъ . . . Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго Царевича.

Бояре.

Поди прочь, дуракъ! схватите дурака!

ЦАРЬ.

Оставьте его. Молись за меня, юродивый.

(Уходитъ.)

ЮРОДИВЫЙ, *ему вслѣдъ.*

Нѣтъ, нѣтъ! нельзя молиться за Царя Ирода :
Богородица не велитъ.

СЪВСКЪ.

САМОЗВАНЕЦЪ, *окруженный своими.*

САМОЗВАНЕЦЪ.

Гдѣ плѣнный?

Ляхъ.

Здѣсь.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Позвать его ко мнѣ.

(Входитъ Русскій плѣнникъ.)

Кто ты?

Плѣнникъ.

Рожновъ, Московскій дворянинъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Давно ли ты на службѣ?

Плѣнникъ.

Съ мѣсяць будетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не совѣстно, Рожновъ, что на меня
Ты поднялъ мечъ?

ПЛѢННИКЪ.

Какъ быть, не наша воля.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Сражался ты подъ Сѣверскимъ?

ПЛѢННИКЪ:

Я прибылъ

Недѣли двѣ по битвѣ изъ Москвы.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что Годуновъ?

ПЛѢННИКЪ.

Онъ очень былъ встревоженъ

Потерею сраженія и раной

Мстиславскаго, и Шуйскаго послалъ

Начальствовать надъ войскомъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А зачѣмъ

Онъ отозвалъ Басманова въ Москву?

ПЛѢННИКЪ.

Царь наградилъ его заслуги честью

И золотомъ. Басмановъ въ Царской Думѣ

Теперь сидитъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Онъ въ войскѣ былъ нуженъе.

Ну, что въ Москвѣ?

Плѣнникъ.

Все, слава Богу, тихо.

Самозванецъ.

Что? ждуть меня?

Плѣнникъ.

Богъ знаетъ; о тебѣ

Тамъ говорить не слишкомъ нынче смѣютъ.

Кому языкъ отрѣжутъ, а кому

И голову. Такая право притча,

Что день, то казнь. Тюрьмы биткомъ набиты.

На площади, гдѣ человѣка три

Сойдется — глядь — лазутчикъ ужъ и вьется,

А Государь досужною порою

Доносчиковъ допрашиваетъ самъ.

Какъ разъ бѣда; такъ лучше ужъ молчать.

Самозванецъ.

Завидна жизнь Борисовыхъ людей!

Ну, войско что?

Плѣнникъ.

Что съ нимъ? одѣто, сыто,

Довольно всѣмъ.

Самозванецъ.

Да много ли его?

Плѣнникъ.

Богъ вѣдаетъ.

Самозванецъ.

А будетъ тысячь тридцать?

Плѣнникъ.

Да наберешь и тысячь пятьдесятъ.

(Самозванецъ задумывается; окружающіе смотрятъ другъ на друга.)

САМОЗВАНЕЦЪ.

Ну! обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ?

Плѣнникъ.

А говорятъ о милости твоей,
Что ты-дескать (будь не во гнѣвѣ) и воръ,
А молодець.

САМОЗВАНЕЦЪ, смѣясь.

Такъ это я на дѣлѣ

Имъ докажу: друзья, не станемъ ждать
Мы Шуйскаго; я поздравляю васъ:
Назавтра бой. (Уходитъ.)

Всѣ.

Да здравствуетъ Димитрій!

Ляхъ.

Назавтра бой! ихъ тысячь пятьдесятъ,
А насъ всего едва ль пятнадцать тысячь:
Съ ума сошелъ.

Другой.

Пустое, другъ: Полякъ
Одинъ пять сотъ Москалей вызвать можетъ.

Плѣнникъ.

Да, вызовешь! а какъ дойдетъ до драки,
Такъ убѣжишь отъ одного, хвастунъ.

Ляхъ.

Когда бь ты былъ при саблѣ, дерзкій плѣнникъ,
То я тебя (*указывая на свою саблю*)

Вотъ этимъ бы смирилъ.

Плѣнникъ.

Нашъ братъ Русакъ безъ сабли обойдется:

Не хочешь ли вотъ этого, (*показывая кулакъ*),
Безмозглый.

(*Ляхъ гордо смотритъ на него и молча отходитъ. Всѣ смѣются.*)

ЛЪСЬ.

ЛЖЕДИМИТРІЙ, ПУШКИНЪ.

(Въ отдаленіи лежитъ конь издыхающій.)

ЛЖЕДИМИТРІЙ.

Мой бѣдный конь! какъ бодро поскакалъ
Сегодня онъ въ послѣднее сраженье,
И раненый какъ быстро несъ меня.
Мой бѣдный конь.

Пушкинъ, *про себя.*

Ну, вотъ о чемъ жалѣть,
Объ лошади, когда все наше войско
Побито врахъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Послушай. Можетъ быть,
Отъ рапы онъ лишь только заморился
И отдохнетъ.

Пушкинъ.

Куда! онъ издыхаетъ.

Самозванецъ, идетъ къ своему кошу.

Мой бѣдный конь! . . . что дѣлать? снять узду,
Да отстегнуть подпругу. Пусть на волѣ
Идохнетъ онъ.

*(Разуздываетъ и расплываетъ коня. Входитъ
нѣсколько Ляховъ.)*

Здорово, господа!

Что жъ Курбскаго не вижу между вами?
Я видѣлъ, какъ сегодня въ гушу боя
Онъ врѣзался; тмы сабель молодца,
Что зыбкіе колосья, облѣпили;
Но мечъ его всѣхъ выше подымался,
А грозный кликъ всѣ клики заглушалъ!
Гдѣ жъ витязь мой?

Ляхъ.

Онъ легъ на полѣ смерти.

Самозванецъ.

Честь храброму и миръ его душѣ!
Какъ мало насъ отъ битвы уцѣлѣло!
Измѣнники, злодѣи Запорожцы,
Проклятые! вы, вы сгубили насъ.
Не выдержать и трехъ минутъ отпора!
Я ихъ ужё: десятаго повѣшу,
Разбойники!

Пушкинъ.

Кто тамъ ни виновать,
Но все таки мы начисто разбиты,
Истреблены.

Самозванецъ.

А дѣло было наше,
Я было снялъ передовую рать —
Да Нѣмцы насъ порядкомъ отразили!
А молодцы! ей Богу, молодцы!
Люблю за то; изъ нихъ ужъ непременно
Составлю я почетную дружину.

Пушкинъ.

А гдѣ-то намъ сегодня ночевать?

Самозванецъ.

Да здѣсь, въ лѣсу. Чѣмъ это не ночлегъ?
Чѣмъ свѣтъ, мывъ путь; къ обѣду будемъ въ Рыльскѣ.
Спокойна ночь. (*Ложится, кладетъ сѣдло подъ го-
лову и засыпаетъ.*)

Пушкинъ.

Пріятный сонъ, Царевичь!
Разбитый впрахъ, спасаяся побѣгомъ,
Безпечень онъ, какъ глупое дитя:
Хранить его конечно Провидѣнье;
И мы, друзья; не станемъ унывать.

МОСКВА. ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, БАСМАНОВЪ.

ЦАРЬ.

Онъ побѣждень, какая польза въ томъ?
Мы тщетною побѣдой увѣнчались.
Онъ вновь собралъ разсѣянное войско
И намъ со стѣнъ Путивля угрожаетъ.
Что дѣлають межъ тѣмъ герои наши?
Стоять у Кромъ, гдѣ кучка казаковъ
Смѣется имъ изъ-подъ гнилой ограды.
Вотъ слава! нѣтъ, я ими не доволенъ;
Пошлю тебя начальствовать надъ ними;
Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы;
Пускай ихъ спѣсь о мѣстничествѣ тужить;
Пора презрѣть мнѣ ропоть знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

БАСМАНОВЪ.

Ахъ, Государь, стократъ благословенъ
Тотъ будетъ день, когда разрядны книги
Съ раздорами, съ гордыней родословной
Пожреть огонь!

ЦАРЬ.

День этотъ недалёкъ;
Лишь дай сперва смятеніе народа
Мнѣ усмирить.

БАСМАНОВЪ.

Что на него смотрѣть;
Всегда народъ къ смятенію тайно склоненъ:
Такъ борзый конь грызетъ свои бразды;
На власть отца такъ отрокъ негодуетъ:
Но что жъ? конемъ спокойно всадникъ править,
И отрокомъ отецъ повелѣваетъ.

ЦАРЬ.

Конь иногда сбиваетъ сѣдока,
Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:
Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержатъ народъ. Такъ думалъ Іоаннь,
Смиритель бурь, разумный Самодержецъ,
Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
Твори добро — не скажетъ онъ спасибо;

Грабь и казни — тебѣ не будетъ хуже.

(*Входитъ Бояринъ.*)

Что?

Бояринъ.

Привели гостей иноплеменныхъ.

Царь.

Иду принять; Басмановъ, погоди,

Останься здѣсь: съ тобой еще мнѣ нужно

Поговорить. (*Уходитъ.*)

Басмановъ.

Высокій духъ державный.

Дай Богъ ему съ Отрепьевымъ проклятымъ

Управиться; и много, много онъ

Еще добра въ Россіи сотворить.

Мысль важная въ умѣ его родилась.

Не надобно ей дать остыть. Какое

Мнѣ поприще откроется, когда

Онъ сломить рогъ боярству родовому.

Соперниковъ во брани я не знаю;

У Царскаго престола стану первый....

И можетъ быть.... Но что за чудный шумъ?

(*Тревога. Бояре, придворные служители въ безпорядкѣ бѣгутъ, встрѣкаются и шепчутъ.*)

Одинъ.

За лекаремъ!

Другой.

Скорѣ къ Патріарху.

ТРЕТІЙ.

Царевича, Царевича зоветь!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Духовника!

БАСМАНОВЪ.

Что сдѣлалось такое?

ПЯТЫЙ и ШЕСТОЙ.

Царь занемогъ, Царь умираетъ.

БАСМАНОВЪ.

Боже!

ПЯТЫЙ.

На тронъ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;
Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.

*(Царя выносятъ на стуль; все Царское семейство,
всѣ Боляре.)*

ЦАРЬ.

Подите всѣ — оставьте одного
Царевича со мною. *(Всѣ удаляются.)* Умираю;
Обнимемъ; прощай, мой сынъ: сейчасъ
Ты царствовать начнешь . . . о Боже, Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ Тобой — и душу
Мнѣ нѣкогда очистить покаяньемъ.
Но чувствую, мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья . . . такъ и быть!
Я подданнымъ рождень, и умереть

Мнѣ подданнымъ во мракѣ бѣ надлежало;
Но я достигъ верховной власти — чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за все одинъ отвѣчу Богу.
О милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣплай себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты приемишь:
Опасенъ онъ, сей чудный Самозванецъ.
Опъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
Могъ удержать смятенье и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала:
Но ты молодой, неопытной властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну!
Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу... слушай:
Совѣтника во-первыхъ избери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ боярахъ
Почтеннаго породой или славой —
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басмапова пошли
И съ твердостью снеси боярскій ропоть.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣль со мною въ Думѣ,

Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣняй теченья дѣль. Привычка
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить ошала, казни — можешь
Ихъ отмѣнить; тебя благословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престоль онъ Грознаго пріялъ.
Со временемъ и понемногу снова
Затягивай державныя бразды.
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни уставъ церковный;
Будь молчаливъ! не долженъ Царскій голосъ
На воздухъ теряться попустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
О милый сынъ! тыходишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуется женскій ликъ.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ молодые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, утрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь всегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою —

Ты мужъ и Царь; люби свою сестру —
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

Феодоръ *(на колынахъ.)*

Нѣтъ, нѣтъ — живи и царствуй долговѣчно:
Народъ и мы погибли безъ тебя.

ЦАРЬ.

Все кончено — глаза мои темнѣютъ,
Я чувствую могильный хладъ... *(Входитъ Па-
тріархъ, Святители, за ними всѣ Бояре.
Царицу ведутъ подъ руки; Царевна ры-
даетъ).*

Кто тамъ?

А! схима... такъ! святое постриженье...
Ударилъ часъ! въ монахи Царь идетъ:
И темный гробъ моею будетъ кельей.
Повремени, Владыка Патріархъ,
Я Царь еще: внимлите вы, Бояре:
Се тотъ, кому приказываю царство;
Цалуйте крестъ Феодору... Басмановъ,
Друзья мои... при гробъ васъ молю
Ему служить усердіемъ и правдой!
Онъ такъ еще и младъ и непорочепъ.
Клянетесь ли?

Бояре.

Клянемся.

ЦАРЬ.

Я доволенъ.

Простите жъ мнѣ соблазны и грѣхи

И вольныя и тайныя обиды...

Святой отецъ, приближься, я готовъ.

*(Начинается обрядъ постриженія. Женщинъ
въ обморокъ выносятъ).*

СТАВКА.

БАСМАНОВЪ вводитъ ПУШКИНА.

Басмановъ.

Войди сюда и говори свободно.

И такъ тебѣ ко мнѣ онъ посылаетъ?

Пушкинъ.

Тебѣ свою онъ дружбу предлагаетъ

И первый санъ по немъ въ Московскомъ царствѣ.

Басмановъ.

Но я и такъ Феодоромъ высоко

Ужъ вознесенъ: начальствую надъ войскомъ:

Онъ для меня презрѣль и чинъ разрядный,

И гнѣвъ бояръ — я присягалъ ему.

Пушкинъ.

Ты присягалъ наследнику престола

Законному; но если живъ другой,

Законнѣйшій? . . .

БАСМАНОВЪ.

Послушай, Пушкинъ, полно;
Пустаго мнѣ не говори; я знаю,
Кто онъ такой.

ПУШКИНЪ.

Россія и Литва

Димитріемъ давно его признали;
Но впрочемъ я за это не стою.
Быть можетъ, онъ Димитрій настоящій,
Быть можетъ, онъ и самозванецъ; только
Я вѣдаю, что рано или поздно
Ему Москву уступитъ сынъ Борисовъ.

БАСМАНОВЪ.

Пока стою за юнаго Царя,
Дотолѣ онъ престола не оставитъ;
Полковъ у насъ довольно, слава Богу!
Побѣдою я ихъ одушевлею,
А вы кого противъ меня пошлете:
Не казака ль Карелу, али Мнишка?
Да много ль васъ? всего-то восемь тысячъ.

ПУШКИНЪ.

Ошибся ты: и тѣхъ не наберешь.
Я самъ скажу, что войско наше дрянъ,
Что казаки лишь только села грабятъ,
Что Поляки лишь хвастаютъ, да пьютъ,
А Русскіе . . . да что и говорить —
Передъ тобой не стану я лукавить;

Но знаешь ли, чѣмъ сильны мы, Басмановъ?
Не войскомъ, нѣтъ, не Польскою помощью,
А мнѣніемъ — да, мнѣніемъ народнымъ.
Димитрія ты помнишь торжество
И мирныя его завоеванья,
Когда вездѣ безъ выстрѣла ему
Послушные сдавались города,
А Воеводъ упрямыхъ чернь вязала?
Ты видѣлъ самъ: охотно ль ваши рати
Сражались съ нимъ? Когда же? при Борисѣ.
А нынче ль? . . . нѣтъ, Басмановъ, поздно спорить
И раздувать холодный пепель брани:
Со всѣмъ твоимъ умомъ и твердой волей
Не устоишь; не лучше ли тебѣ
Дать первому примѣръ благоразумной,
Димитрія Царемъ провозгласить
И тѣмъ ему навѣки удружить?
Какъ думаешь?

БАСМАНОВЪ.

Узнаете вы завтра.

ПУШКИНЪ.

Рѣшишь.

БАСМАНОВЪ.

Прощай.

ПУШКИНЪ.

Подумай же, Басмановъ.

(Уходитъ).

БАСМАНОВЪ.

Онъ правъ, онъ правъ, вездѣ измѣна зрѣеть:
Что дѣлать мнѣ? Уже ли буду ждать,
Чтобъ и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрывъ потока бурный,
И самому . . . Но измѣнить присягѣ!
Но заслужить безчестье въ родъ и родъ!
Довѣренность младаго Вѣнценосца
Предательствомъ ужаснымъ заплатить!
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятежъ и заговоръ,
Но мнѣ ли, мнѣ ль, любимцу Государя . . .
Но смерть . . . но власть . . . но бѣдствія народны . . .
(Задумывается).

Сюда! кто тамъ? (Свищетъ) Коня! трубите сборъ.

ЛОБНОЕ МѢСТО.

ПУШКИНЪ ИДЕТЬ ОКРУЖЕННЫЙ НАРОДОМЪ.

НАРОДЪ.

Царевичъ намъ Боярина послалъ.
Послушаемъ, что скажетъ намъ бояринъ.
Сюда! сюда!

Пушкинъ *(на амвонъ)*.

Московскіе граждане,
Вамъ кланяться Царевичъ приказалъ. *(Кланяется)*.
Вы знаете, какъ Промыселъ небесный
Царевича отъ рукъ убійцы спасъ;
Онъ шель казнить злодѣя своего,
Но Божій судъ ужъ поразилъ Бориса.
Димитрію Россія покорилась;
Басмановъ самъ съ раскаяньемъ усерднымъ
Свои полки привелъ ему къ присягѣ.
Димитрій къ вамъ идетъ съ любовью, съ миромъ.
Въ угоду ли семейству Годуновыхъ

Подымете вы руку на Царя
Законнаго, на внука Мономаха?

НАРОДЪ.

Вѣстимо нѣтъ.

ПУШКИНЪ.

Московскіе граждане,

Міръ вѣдаетъ, сколь много вы терпѣли
Подъ властію жестокаго пришельца:
Опалу, казнь, безчестіе, налоги;
И трудъ, и гладъ, все испытали вы.
Димитрій же васъ жаловать намѣренъ,
Бояръ, дворянъ, людей приказныхъ, ратныхъ,
Гостей, купцовъ — и весь честной народъ.
Вы ль станете упрямиться безумно
И милостей кичливо убѣгать?
Но онъ идетъ на Царственный престолъ
Своихъ отцевъ въ сопровожденіи грозномъ.
Не гнѣвайте жъ Царя и бойтесь Бога,
Цалуйте крестъ законному владыкѣ;
Смиритесь; немедленно пошлите
Къ Димитрію во станъ Митрополита,
Бояръ, Дьяковъ и Выборныхъ людей,
Да бьютъ челомъ отцу и Государю.

(Сходитъ. Шумъ народный.)

НАРОДЪ.

Что толковать? Бояринъ правду молвилъ.
Да здравствуетъ Димитрій нашъ отецъ!

Мужикъ на амвонѣ.

Народъ! народъ! въ Кремль! въ Царскія палаты!
Ступай! вязать Борисова щенка!

Народъ (*несется толпою*).

Вязать! топить! Да здравствуетъ Дмитрій!
Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!

**КРЕМЛЬ. ДОМЪ БОРИСОВЪ. СТРАЖА
У КРЫЛЬЦА.**

ТЕОДОРЪ, ПОДЪ ОКНОМЪ.

Нищій.

Дайте милостыню Христа ради!

СТРАЖА.

Поди прочь; не вѣлно говорить съ заключенными.

Теоdorf.

Поди, старикъ, я бѣднѣ тебя: ты на волѣ.

(Ксенія подъ покрываломъ подходитъ также къ окну).

Одинъ изъ народа.

Братъ да сестра! Бѣдныя дѣти, что пташки въ клѣткѣ.

Другой.

Есть о комъ жалѣть? Проклятое племя!

ПЕРВЫЙ.

Отецъ былъ злодѣй, а дѣтки невинны.

ДРУГОЙ.

Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ.

КСЕНИЯ.

Братецъ! братецъ! кажется, къ намъ Бояре
идутъ.

ФЕОДОРЪ.

Это Голицынъ, Мосальскій. Другіе мнѣ незнакомы.

КСЕНИЯ.

Ахъ, братецъ, сердце замираетъ.

*(Голицынъ, Мосальскій, Молгановъ
и Шерефединовъ; за нимъ трое
стрѣльцовъ).*

НАРОДЪ.

Разступитесь, разступитесь: Бояре идутъ.

(Они входятъ въ домъ).

Одинъ изъ народа.

Зачѣмъ они пришли?

ДРУГОЙ.

А вѣрно приводитъ къ присягѣ Феодора Году-
нова.

ТРЕТІЙ.

Въ самомъ дѣлѣ? слышишь, какой въ домѣ шумъ!
Тревога! дерутся!

НАРОДЪ.

Слышишь? визгъ! это женской голосъ... Взой-

демь! Двери заперты; крики замолкли; шумъ продолжается.

*(Отворяются двери. Мосальскій
является на крыльцѣ).*

МОСАЛЬСКІЙ.

Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Феодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы. *(Народъ въ ужасъ молчитъ)*. Что жъ вы молчите? Кричите: да здравствуетъ Царь Димитрій Ивановичь!

НАРОДЪ *безмолвствуетъ.*

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ.

СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

Берегъ моря. Фаустъ и Мефистофиль.

ФАУСТЪ.

Мнѣ скучно, бѣсъ.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Что дѣлать, Фаустъ?

Таковъ вамъ положень предѣль,
Его жь никто не преступаетъ.
Вся тварь разумная скучаетъ:
Иной отъ лѣни, тотъ отъ дѣль;
Кто вѣрить, кто утратилъ вѣру;
Тотъ насладиться не успѣлъ,
Тотъ насладился черезвѣру,
И всякъ зѣваетъ да живетъ —
И всѣхъ васъ гробъ, зѣвая, ждетъ.
Зѣвай и ты.

ФАУСТЪ.

Сухая шутка!

Найди мнѣ способъ какъ нибудь
Разсѣяться.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Доволенъ будь

Ты доказательствомъ разсудка.

Въ своемъ альбомѣ запиши:

Fastidium est quies — скука

Отдохновеніе души.

Я психологъ . . . о вотъ наука! . .

Скажи, когда ты не скучаль?

Подумай, поищи. Тогда ли,

Какъ надъ Виргиліемъ дремалъ,

А розги умъ твой возбуждали?

Тогда ль, какъ розами вѣнчалъ

Ты благосклонныхъ дѣвъ веселья

И въ буйствѣ шумномъ посвящаль

Имъ пылъ вечерняго похмѣлья?

Тогда ль, какъ погрузился ты

Въ великодушныя мечты,

Въ пучину темную науки?

Но, помнится, тогда со скуки,

Какъ арлекина, изъ огня

Ты вызваль наконецъ меня.

Я мелкимъ бѣсомъ извивался,

Развеселить тебя старался,

Возилъ и къ вѣдьмамъ и къ духамъ,
И что же? все попустыкамъ.
Желалъ ты славы — и добился,
Хотѣлъ влюбиться — и влюбился.
Ты съ жизни взялъ возможну дань,
А былъ ли счастливъ?

ФАУСТЪ.

Перестань,
Не растравляй мнѣ язвы тайной.
Въ глубокомъ знаньи жизни нѣтъ;
Я проклялъ знаній ложный свѣтъ.
А слава . . . лучъ ея случайной
Неуловимъ. Мѣрская честь
Безмысленна, какъ сонъ . . . Но есть
Прямое благо: сочетанье
Двухъ душъ . . .

МЕФИСТОФИЛЬ.

И первое свиданье,
Не правда ль? Но нельзя ль узнать,
Кого изволишь поминать?
Не Гретхень ли?

ФАУСТЪ.

О сонъ чудесной!
О пламя чистое любви!
Тамъ, тамъ — гдѣ тѣнь, гдѣ шумъ древесной,
Гдѣ сладко-звонкія струи —
Тамъ, на груди ея прелестной

Покоя томную главу,
Я счастливъ былъ

МЕФИСТОФИЛЬ.

Творецъ небесной!

Ты бредишь, Фаустъ, наяву!
Услужливымъ воспоминаньемъ
Себя обманываешь ты.
Не я ль тебѣ своимъ стараньемъ
Доставилъ чудо красоты?
И въ часъ полуночи глубокой
Съ тобою свель ее? Тогда
Плодами своего труда
Я забавлялся одинокой,
Какъ вы вдвоемъ — все помню я.
Когда красавица твоя
Была въ восторгъ, въ упоеньѣ,
Ты безпокойною душой
Ужъ погружался въ размышленье
(А доказали мы съ тобой,
Что размышленье — скуки сѣмя).
И знаешь ли, философъ мой,
Что думалъ ты въ такое время,
Когда не думаетъ никто?
Сказать ли?

ФАУСТЪ.

Говори. Ну, что?

МЕФИСТОФИЛЬ.

Ты думалъ: агнецъ мой послушной!
Какъ жадно я тебя желалъ!
Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной
Я грезы сердца возмущалъ!
Любви невольной, безкорыстной
Невинно предалась она . . .
Чтожь грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистной? . . .
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьемъ,
Съ неодолимымъ отвращеньемъ:
Такъ безрасчетный дуралей,
Вотще рѣшась на злое дѣло,
Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
Бранить ободранное тѣло;
Такъ на продажную красу,
Насытись ею торопливо,
Развратъ косится боязливо . . .
Потомъ изъ этого всего
Одно ты вывелъ заключенье . . .

ФАУСТЪ.

Сокройся, адское творенье!
Бѣги отъ взора моего!

МЕФИСТОФИЛЬ.

Изволь. Задай лишь мнѣ задачу:
Безъ дѣла, знаешь, отъ тебя

Не смѣю отлучаться я :
Я даромъ времени не трачу.

ФАУСТЪ.

Что тамъ бѣлѣеть? говори.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Корабль Испанскій трехмачтовый,
Пристать въ Голландію готовый:
На немъ мерзавцевъ сотни три,
Двѣ обезьяны, бочки золота,
Да грузъ богатый шоколата . . .

.

ФАУСТЪ.

Все утопить.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Сейчасъ. (*Исчезаетъ.*)

ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

*(Улица. Накрытый столъ. Нѣсколько пирующихъ
мужинъ и женщинъ.)*

Молодой человекъ.

Почтенный председатель! я напомню
О человекѣ, очень намъ знакомомъ,
О томъ, чьи шутки, повѣсти смѣшныя,
Отвѣты острые и замѣчанья,
Столъ ѣдкія въ ихъ важности забавной,
Застольную бесѣду оживляли
И разгоняли мракъ, который нынѣ
Зараза, гостя наша, насылаетъ
На самые блестящіе умы.
Тому два дня, нашъ общій хохотъ славилъ
Его рассказы; не возможно быть,
Чтобъ мы въ своемъ веселомъ пиrowаньи
Забыли Джексона! Его здѣсь кресла
Стоять пустыя, будто ожидая

Весельчака; но онъ ушелъ уже
 Въ холодныя, подземныя жилища . . .
 Хотя краснорѣчивѣйшій языкъ
 Не умолкалъ еще во прахъ гроба;
 Но много насъ еще живыхъ, и намъ
 Причпны нѣтъ печалиться. И такъ
 Я предлагаю выпить въ его память
 Съ весельемъ звономъ рюмокъ, съ восклицаньемъ,
 Какъ будто бѣ былъ онъ живъ.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Онъ выбылъ первый
 Изъ круга нашего. Пускай въ молчаньи
 Мы выпьемъ въ честь его.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Да будетъ такъ!

(*Всѣ пьютъ молча.*)

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Твой голосъ, милая, выводитъ звуки
 Родимыхъ пѣсень съ дикимъ совершенствомъ;
 Спой, Мери, намъ, уныло и протяжно,
 Чтобъ мы потомъ къ веселью обратились
 Безумнѣе, какъ тотъ, кто отъ земли
 Былъ отлученъ какимъ нибудь видѣньемъ.

МЕРИ (*поетъ.*)

Было время, процвѣтала
 Въ мирѣ наша сторона:
 Въ воскресеніе бывала

Церковь Божія полна;
Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,
И сверкали въ свѣтломъ полѣ
Серпъ и быстрая коса.

Шинѣ церковь опустѣла;
Школа глухо зашурта;
Нива праздно перерѣла,
Роща темная пуста;
И селенье, какъ жилище
Погорѣлое, стоитъ;
Тихо все — одно кладбище
Не пустѣеть, не молчитъ.

Поминутно мертвыхъ носить,
И степенія живыхъ
Боязливо Бога просить
Упокоить души ихъ!
Поминутно мѣста падо,
И могилы межъ собою,
Какъ испуганное стадо,
Жмутся тѣсною чередой.

Если ранняя могила
Суждена моей веснѣ;
Ты, кого я такъ любила,

Чья любовь отрада мнѣ,
Я молю: не приближайся
Къ тѣлу Дженни ты свосй;
Усть умершихъ не касайся;
Слѣдуй издали за ней.

И потомъ оставь селенье!
Уходи куда нибудь,
Гдѣ бь ты могъ души мученье
Усладить и отдохнуть.
И когда зараза минеть,
Посѣти мой бѣдный прахъ;
А Эдмонда не покинетъ
Дженни даже въ небесахъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Благодаримъ, задумчивая Мери,
Благодаримъ за жалобную пѣсню!
Въ дни прежніе чума такая жь, видно,
Холмы и доли ваши посѣтила,
И раздвались жалкія стenanья
По берегамъ потоковъ и ручьевъ,
Бѣгущихъ нынѣ весело и мирно
Сквозь дикій рай твоей земли родной;
И мрачный годъ, въ который пало столько
Отважныхъ, добрыхъ и прекрасныхъ жертвъ,
Едва оставилъ память о себѣ
Въ какой нибудь простой пастушьей пѣснѣ,

Унылой и пріятной . . . Нѣтъ! ничто
 Такъ не печалитъ насъ среди веселій,
 Какъ томный, сердцемъ повторенный звукъ!

МЕРИ.

О, если бѣ никогда я не пѣвала
 Внѣ хижины родителей своихъ!
 Они свою любили слушать Мери;
 Самой себѣ я, кажется, внимаю
 Поющей у родимаго порога.
 Мой голосъ слаще былъ въ то время: онъ
 Былъ голосомъ невинности . . .

ЛУИЗА.

Не въ модѣ
 Теперь такіа пѣсни! Но все жъ есть
 Еще простыя души: рады таятъ
 Отъ женскихъ слезъ, и слѣпо вѣрятъ имъ.
 Она увѣрена, что взоръ слезливый
 Ея неотразимъ; а если бѣ тоже
 О смѣхѣ думала своемъ, то вѣрно
 Все бѣ улыбалась. Вальсингамъ хвалилъ
 Крикливыхъ сѣверныхъ красавицъ: вотъ
 Она и разстоналась. Ненавижу
 Волосъ Шотландскихъ этихъ желтизну.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Послушайте: я слышу стукъ колесъ!

(Ѣдетъ телега, наполненная жертвами тлями.

Негръ управляетъ ею.)

Ага! Луизѣ дурно; въ ней, я думалъ,
 По языку судя, мужское сердце.
 Но такъ-то: нѣжнаго слабѣй жестокой,
 И страхъ живетъ въ душѣ, страстьми томимой!
 Брось, Мери, ей воды въ лице. Ей лучше.

МЕРИ.

Сестра моей печали и позора,
 Прилягъ на грудь мою.

Луиза (*приходя въ чувство.*)

Ужасный демонъ

Приснился мнѣ: весь черный, бѣлоглазый...

Онъ звалъ меня въ свою тележку. Въ ней

Лежали мертвые — и лепетали

Ужасную, невѣдомую рѣчь...

Скажите мнѣ: во снѣ ли это было?

Проѣхала ль телега?

Молодой человекъ.

Ну, Луиза,

Развеселись: хоть улица вся наша

Безмолвное убѣжище отъ смерти,

Пріютъ пировъ ничѣмъ невозмутимыхъ,

Но знаешь? эта черная телега

Имѣетъ право всюду разѣзжать —

Мы пропускать ее должны! Послушай

Ты, Вальсингамъ: для пресѣченья споровъ

И слѣдствій женскихъ обмороковъ, спой

Намъ пѣсню — вольную, живую пѣсню,

Не грустию Шотландской вдохновенну,
А буйную, вакхическую пѣснь,
Рожденную за чашею кипящей.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Такой не знаю; но спою вамъ гимнъ
Я въ честь чумы: я написалъ его
Прошедшей ночью, какъ разстались мы.
Мнѣ странная наша охота къ рифмамъ
Впервые въ жизни! Слушайте жъ меня:
Охрипый голосъ мой приличенъ пѣснѣ.

МНОГІЕ.

Гимнъ въ честь чумы! послушаемъ его!
Гимнъ въ честь чумы! прекрасно! bravo! bravo!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ (*поетъ.*)

Когда могущая зима,
Какъ бодрый вождь, ведетъ сама
На насъ косматыя дружины
Своихъ морозовъ и снѣговъ,
Навстрѣчу ей трещать камины,
И весель зимній жаръ шировъ.

Царица грозная, Чума
Теперь идетъ на насъ сама
И льстится жатвою богатой;
И къ намъ въ окошко день и ночь
Стучитъ могильною лопатой...
Что дѣлать намъ? и чѣмъ помочь?

Какъ отъ проказницы зимы,
Запремся также отъ Чумы!
Зажжемъ огни, нальемъ бокалы;
Утопимъ весело умы
И, заваривъ пшры да балы,
Возславимъ царствіе Чумы.

Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнь и бурной тмы,
И въ Аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи Чумы.

Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья —
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтаетъ и вѣдать могъ.

И такъ — хвала тебѣ, Чума!
Намъ не страшна могилы тма,
Насъ не смутитъ твое призванье!
Бокалы пѣнимъ дружно мы,
И Дѣвы-Розы пьемъ дыханье —
Быть можетъ — — полное Чумы!

(Входитъ старый священникъ.)

Священникъ.

Безбожный пиръ, безбожные безумцы!
Вы пиршествомъ и пѣснями разврата
Ругаетесь надъ мрачной тишиной,
Повсюду смертію распространенной!
Средь ужаса плачевныхъ похорошь,
Средь блѣдныхъ лицъ, молюсь я на кладбищѣ,
А ваши ненавистные восторги
Смущаютъ тишину гробовъ — и землю
Надъ мертвыми тѣлами потрясаютъ!
Когда бы стариковъ и женъ моленья
Не освятили общей, смертной ямы,
Подумать могъ бы я, что нынче бѣсы
Погибшій духъ безбожника терзаютъ
И въ тму кромѣшную тащатъ со смѣхомъ.

Нѣсколько голосовъ.

Онъ мастерски объ адѣ говорить;
Ступай, старикъ! ступай своей дорогой!

Священникъ.

Я заклинаю васъ святою кровью
Спасителя, распятаго за насъ:
Прервите пиръ чудовищный, когда
Желаете вы встрѣтить въ небесахъ
Утраченныхъ возлюбленныхъ души.
Ступайте по своимъ домамъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Домѣ

У насъ печальны: юность любить радость.

СВЯЩЕННИКЪ.

Ты ль это, Вальсингамъ? ты ль самый тотъ,
 Кто три тому недѣли, на колѣняхъ,
 Трупъ матери, рыдая, обнималъ
 И съ воплемъ бился надъ ея могилой?
 Иль думаешь: она теперь не плачетъ,
 Не плачетъ горько въ самыхъ небесахъ,
 Взирая на пирующаго сына
 Въ пиру разврата, слыша голосъ твой,
 Поющій бѣшенныя пѣсни между
 Мольбы святой и тяжкихъ воздыханій?
 Ступай за мной!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Зачѣмъ приходишь ты

Меня тревожить? Не могу, не долженъ
 Я за тобой итти: я здѣсь удержанъ
 Отчаяньемъ, воспоминаньемъ страшнымъ,
 Сознаньемъ беззаконья моего,
 И ужасомъ той мертвой пустоты,
 Которую въ моемъ дому встрѣчаю,
 И новостью сихъ бѣшеныхъ веселій,
 И благодатнымъ ядомъ этой чаши,
 И ласками (прости меня Господь)
 Ногибшаго, но мнѣ много создающаго...

Тѣнь матери не вызоветъ меня
 Отсель; поздно слышу голосъ твой,
 Меня зовущій; признаю усилъя
 Меня спасти . . . старикъ! иди же съ миромъ;
 Но проклять будь, кто за тобой пойдетъ!

Многие.

Bravo, bravo! достойный председатель!
 Вотъ проповѣдь тебѣ! пошелъ! пошелъ!

Священникъ.

Матильды чистый духъ тебѣ зоветъ!

Председатель (*встаетъ.*)

Клянись же мнѣ, съ поднятой къ небесамъ,
 Увядшей, блѣдною рукой, оставить
 Въ гробу навѣкъ умолкнувшее имя!
 О, если бѣ отъ очей ея безсмертныхъ
 Скрыть это зрѣлище! Меня когда-то
 Она считала чистымъ, гордымъ, вольнымъ —
 И знала рай въ объятіяхъ моихъ . . .
 Гдѣ я? Святое чадо свѣта! вижу
 Тебя я тамъ, куда мой падшій духъ
 Не достигнетъ уже . . .

Женскій голосъ.

Онъ сумасшедшій:

Онъ бредитъ о женѣ похороненной!

Священникъ.

Пойдемъ, пойдемъ . . .

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Отецъ мой, ради Бога,

Оставь меня!

СВЯЩЕННИКЪ.

Спаси тебя Господь!

Прости, мой сынъ. (*Уходитъ. Пиръ продолжается.*

Предсѣдатель остается, погруженный въ глубокую задумчивость.)

МОЦАРТЪ И САЛЪЕРИ.

МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(Комната.)

САЛЬЕРИ.

Всѣ говорятъ: нѣтъ правды на землѣ.
Но правды нѣтъ — и выше. Для меня
Такъ это ясно, какъ простая гамма.
Родился я съ любовію къ искусству;
Ребенкомъ будучи, когда высоко
Звучалъ органъ въ старинной церкви нашей,
Я слушалъ и заслушивался, слезы
Невольныя и сладкія текли.
Отвергъ я рано праздныя забавы;
Науки, чуждыя музыкѣ, были
Постылы мнѣ; упрямо и надменно
Отъ нихъ отрекся я и предался
Одной музыкѣ. Труденъ первый шагъ

И́ скученъ первый путь. Преодолю́
Я раннія невзгоды. Ремесло
Поставилъ я подножіемъ искусству;
Я сдѣлался ремесленникъ: перстамъ
Придалъ послушную, сухую бѣглость,
И вѣрность уху. Звуки умертвивъ,
Музыку я разъялъ, какъ трупъ. Повѣрилъ
Я алгеброй гармонію. Тогда
Уже дерзнулъ, въ наукѣ искушенный,
Предаться нѣгѣ творческой мечты.
Я сталъ творить, но въ тишинѣ, но втайнѣ,
Не смѣя помышлять еще о славѣ.
Нерѣдко, просидѣвъ въ безмолвной кельѣ
Два-три дня, позабывъ и сонъ и пищу,
Вкусивъ восторгъ и слезы вдохновенья,
Я жегъ мой трудъ и холодно смотрѣлъ,
Какъ мысль моя и звуки, мной рожденны,
Пылая, съ легкимъ дымомъ исчезали.
Что говорю? Когда великій Глюкъ
Явился и открылъ намъ новы тайны
(Глубокія, плѣнительныя тайны),
Не бросилъ ли я все, что прежде зналъ,
Что такъ любилъ, чему такъ жарко вѣрилъ,
И не пошелъ ли бодро вслѣдъ за нимъ
Безропотно, какъ тотъ, кто заблуждался,
И встрѣчнымъ послакъ въ сторону иную?
Усиленнымъ, напряженнымъ постоянствомъ

Я наконецъ въ искусствѣ безграничномъ
Достигнулъ степени высокой. Слава
Мнѣ улыбулась; я въ сердцахъ людей
Нашелъ созвучія своимъ созданьямъ.
Я счастливъ былъ: я наслаждался мирно
Своимъ трудомъ, успѣхомъ, славой; также
Трудами и успѣхами друзей,
Товарищей моихъ въ искусствѣ дивномъ.
Нѣтъ! никогда я зависти не зналъ,
О, никогда! — ниже, когда Пиччини
Плѣнить умѣлъ слухъ дикихъ Парижанъ,
Ниже, когда услышалъ въ первый разъ
Я Ифигеніи начальны звуки.
Кто скажетъ, чтобъ Сальери гордый былъ
Когда нибудь завистникомъ презрѣннымъ,
Змѣей, людьми растоптанною, вживѣ
Песокъ и пыль грызущею безсильно?
Никто!... А нынѣ, самъ скажу, я нынѣ
Завистникъ; Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую. — О небо!
Гдѣ жъ правота, когда священный даръ,
Когда безсмертный геній — не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ,
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго?... О Моцартъ, Моцартъ!

(Входитъ Моцартъ.)

МОЦАРТЬ.

Ага! увидѣлъ ты! а мнѣ хотѣлось
Тебя неожиданой шуткой угостить.

САЛЬЕРИ.

Ты здѣсь! — Давно ль?

МОЦАРТЬ.

Сейчасъ. Я шель къ тебѣ,
Несъ кое-что тебѣ я показать;
Но, проходя передъ трактиромъ, вдругъ
Услышалъ скрипку... Нѣтъ, мой другъ, Сальери!
Смѣшнѣе отроду ты ничего
Не слыхивалъ... Слѣпой скрипачъ въ трактирѣ
Разыгрывалъ *voi che sapete*. Чудо!
Не вытерпѣлъ, привелъ я скрипача,
Чтобъ угостить тебя его искусствомъ.
Войди!

(Входитъ слѣпой старикъ со скрипкой.)

Изъ Моцарта намъ что нибудь!

*(Старикъ играетъ арію изъ Донъ-Жуана;
Моцартъ хохочетъ.)*

САЛЬЕРИ.

И ты смѣяться можешь?

МОЦАРТЬ.

Ахъ, Сальери!

Уже ль и самъ ты не смѣнешся?

САЛЬЕРИ.

Нѣтъ,

Мнѣ не смѣшно, когда маляръ негодный
Мнѣ пачкаетъ Мадону Рафаэля,
Мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный
Пародіей безчеститъ Алигъери.
Пошелъ, старикъ.

МОЦАРТЬ.

Постой же: вотъ тебѣ;
Пей за мое здоровье.

(Старикъ уходитъ.)

Ты, Сальери,

Не духъ нынче. Я приду къ тебѣ
Въ другое время.

САЛЬЕРИ.

Что ты мнѣ принесешь?

МОЦАРТЬ.

Нѣтъ — такъ, бездѣлицу. Намедни ночью
Безсонница моя меня томила,
И въ голову пришли мнѣ двѣ-три мысли.
Сегодня ихъ я набросалъ. Хотѣлось
Твое мнѣ слышать мнѣнье; но теперь
Тебѣ не до меня.

САЛЬЕРИ.

Ахъ, Моцартъ, Моцартъ!

Когда же мнѣ не до тебя? Садись;
Я слушаю.

МОЦАРТЬ (*за фортепiano*).

Представь себѣ... кого бы?

Ну, хоть меня — немного помоложе;
Влюбленнаго — не слишкомъ, а слегка —
Съ красоткой, или съ другомъ — хоть съ тобой —
Я весель... Вдругъ: видѣнье гробовое,
Незанный мракъ иль что нибудь такое...
Ну, слушай же.

(*Играетъ.*)

САЛЬЕРИ.

Ты съ этимъ шелъ ко мнѣ

И могъ остановиться у трактира
И слушать скрипача слѣпаго! — Боже!
Ты, Моцартъ, недостоинъ самъ себя.

МОЦАРТЬ.

Что жъ, хорошо?

САЛЬЕРИ.

Какая глубина!

Какая смѣлость и какая стройность!
Ты, Моцартъ, богъ, и самъ того не знаешь;
Я знаю, я.

МОЦАРТЬ.

Ба! право? можетъ быть...

Но божество мое проголодалось.

САЛЬЕРИ.

Послушай: отобѣдаемъ мы вмѣстѣ
Въ трактирѣ Золотаго Льва.

МОЦАРТЬ.

Пожалуй;

Я радъ. Но дай, схожу домой, сказатъ
Женѣ, чтобы меня она къ обѣду
Не дожидалась.

(Уходитъ.)

САЛЬЕРИ.

Жду тебя; смотри жъ.

Нѣтъ! не могу противиться я долѣ
Судьбѣ моей: я избранъ, чтобъ его
Остановить — не то, мы всѣ погибли,
Мы всѣ, жрецы, служители музыки,
Не я одинъ съ моей глухою славой . . .
Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ;
Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ:
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.
Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсень райскихъ,
Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!
Такъ улетай же! чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.
Вотъ ядъ, послѣдній даръ моей Изоры.
Осмынадцать лѣтъ ношу его съ собою —
И часто жизнь казалась мнѣ съ тѣхъ поръ

Несносной раной, и сидѣль я часто
Съ врагомъ безпечнымъ за одной трапезой,
И никогда на шепоть искушенья
Не преклонился я, хоть я не трусь,
Хоть обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Все медлил я.
Какъ жажда смерти мучила меня;
Что умирать? я мнилъ: быть можетъ, жизнь
Мнѣ принесетъ незапные дары;
Быть можетъ, посѣтитъ меня восторгъ
И творческая ночь и вдохновенье;
Быть можетъ, новый Гайдснъ сотворить
Великое — и наслажуся имъ . . .
Какъ пировалъ я съ гостемъ ненавистнымъ;
Быть можетъ, мнилъ я, злѣйшаго врага
Найду; быть можетъ, злѣйшая обида
Въ меня съ надменной грянетъ высоты —
Тогда не пропадешь ты, даръ Изоры.
И я былъ правъ! и наконецъ нашель
Я моего врага, и новый Гайдснъ
Меня восторгомъ дивно упоилъ!
Теперь — пора! Завѣтный даръ любви
Переходи сегодня въ чашу дружбы.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(Особая комната въ трактирѣ; фортепiано).

МОЦАРТЬ и САЛЬЕРИ *(за столомъ.)*

САЛЬЕРИ.

Что ты сегодня пасмурень?

МОЦАРТЬ.

Я? Нѣтъ!

САЛЬЕРИ.

Ты вѣрно, Моцартъ, чѣмъ нибудь разстроенъ?

Обѣдъ хорошій, славное вино,

А ты молчишь и хмуришься.

МОЦАРТЬ.

Признаться,

Мой Requiem меня тревожитъ,

САЛЬЕРИ.

А!

Ты сочинишь Requiem? Давно ли?

МОЦАРТЬ.

Давно, недѣли три. Но странный случай...
Не сказывалъ тебѣ я?

САЛЬЕРИ.

НѢТЬ.

МОЦАРТЬ.

Такъ слушай:

Недѣли три тому, пришелъ я поздно
Домой. Сказали мнѣ, что заходилъ
За мною кто-то. Отъ чего — не знаю,
Всю ночь я думалъ: кто бы это былъ?
И что ему во мнѣ? Назавтра тотъ же
Зашелъ, и не засталъ опять меня.
На третій день игралъ я на полу
Съ моимъ мальчишкой. Кликнули меня;
Я вышелъ. Человѣкъ, одѣтый въ черномъ,
Учтиво поклонившись, заказалъ
Мнѣ Requiem и скрылся. Сѣлъ я тотчасъ
И сталъ писать — и съ той поры за мною
Не приходилъ мой черный человѣкъ;
А я и радъ: мнѣ было бѣ жаль разстаться
Съ моей работой, хоть совсѣмъ готовъ
Ужъ Requiem. Но между тѣмъ я...

САЛЬЕРИ.

Что?

МОЦАРТЬ.

Мнѣ совѣстно признаться въ этомъ...

САЛЬЕРИ.

Въ чемъ же?

МОЦАРТЬ.

Мнѣ день и ночь покоя не даетъ
Мой черный челоѡкъ. За мною всюду
Какъ тѣнь онъ гонится. Вотъ и теперь
Мнѣ кажется, онъ съ нами самтретей
Сидитъ.

САЛЬЕРИ.

И, полно! что за страхъ ребячій?
Разсѣй пустую думу. Бомарше
Говариваль мнѣ: «слунай, братъ Сальери,
Какъ мысли черныя къ тебѣ придуть,
Откупори шампанскаго бутылку,
Иль перечти женитьбу Фигаро.»

МОЦАРТЬ.

Да! Бомарше вѣдь былъ тебѣ пріятель;
Ты для него Тарара сочинилъ,
Вещь славную. Тамъ есть одишь мотивъ...
Я все твержу его, когда я счастливъ...
Ла ла ла ла... Ахъ, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравилъ?

САЛЬЕРИ.

Не думаю: онъ слишкомъ былъ смѣшонъ
Для ремесла такого.

МОЦАРТЬ.

Онъ же геній
Какъ ты, да я. А геній и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда ль?

САЛЬЕРИ.

Ты думаешь?

(Бросаетъ лѣ въ стаканъ Моцарта.)

Ну, пей же.

МОЦАРТЬ.

За твое
Здоровье, другъ, за искренній союзъ,
Связующій Моцарта и Сальери,
Двухъ сыновой гармоніи.

(Пьетъ.)

САЛЬЕРИ.

Постой,
Постой, постой! . . . Ты выпилъ! . . . Безъ меня?

МОЦАРТЬ *(бросаетъ салфетку на столъ.)*

Довольно, сытъ я.

(Идетъ къ фортепіано.)

Слушай же, Сальери,
Мой Requiem. *(Играетъ.)*

Ты плачешь?

САЛЬЕРИ.

Эти слезы
Впервые лью: и больно и приятно,
Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ,

Какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ отсѣкъ
Страдавшій членъ! Другъ Моцартъ, эти слезы...
Не замѣчай ихъ. Продолжай, спиши
Еще наполнить звуками мнѣ душу...

МОЦАРТЬ.

Когда бы всѣ такъ чувствовали силу
Гармоніи! Но нѣтъ: тогда бъ не могъ
И міръ существовать; никто бъ не сталъ
Заботиться о нуждахъ низкой жизни;
Всѣ предались бы вольному искусству.
Насъ мало избранныхъ, счастливицевъ праздныхъ,
Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единого прекраснаго жрецовъ.
Не правда ль? Но я нынче нездоровъ,
Мнѣ что-то тяжело; пойду, засну.
Прощай же.

САЛЬЕРИ.

До свиданья.

(Одинъ)

Ты заснешь

Надолго, Моцартъ! Но уже ль онъ правъ,
И я не гспій? Гспій и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Неправда:
А Бонаротти? Или это сказка
Тупой, безсмысленной толпы — и не былъ
Убийцею создатель Ватикана?

СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

(ИЗЪ ЧЕНСТОНОВОЙ ТРАГИ-КОМЕДИИ «*The caveteous Knight.*»)

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(Въ башнѣ.)

АЛЬБЕРЬ и ИВАНЬ.

АЛЬБЕРЬ.

Во что бы то ни стало, на турнирѣ
Явлюсь я. Покажи мнѣ шлемъ, Ивань.

(Ивань подаетъ ему шлемъ.)

Пробить насквозь, испорченъ. Невозможно
Его надѣть. Достать мнѣ надо новый.
Какой ударъ! проклятый Графъ Делоржъ!

ИВАНЬ.

И вы ему порядкомъ отплатили:
Какъ изъ стремянъ вы вышибли его,
Онъ сутки замертво лежалъ — и врядъ-ли
Оправился.

АЛЬВЕРЬ.

А все жь онъ не въ убыткѣ;
Его нагрудникъ цѣль Венеціанскій,
А грудь своя: гроша ему не стоитъ;
Другой себѣ не станетъ покупать.
Зачѣмъ съ него не снялъ я шлема тутъ-же!
А снялъ бы я, когда бъ не было стыдно
Мнѣ дамъ и Герцога. Проклятый Графъ!
Онъ лучше бы мнѣ голову пробилъ.
И платью пужно мнѣ. Въ послѣдній разъ
Всѣ рыцари сидѣли тутъ въ атласѣ
Да бархатѣ; я въ латахъ былъ одинъ
За Герцогскимъ столомъ. Отговорился
Я тѣмъ, что на турниръ попалъ случайно.
А нынче что скажу? О, бѣдность, бѣдность!
Какъ унижаетъ сердце намъ она!
Когда Делоржъ копьемъ своимъ тяжелымъ
Пробилъ мнѣ шлемъ и мимо проскакалъ,
А я съ открытой головой пришпорилъ
Эмира моего, помчался вихремъ
И бросилъ Графа на двадцать шаговъ,
Какъ маленькаго пажу; какъ всѣ дамы
Привстали съ мѣсто, когда сама Клотильда,
Закрывъ лице, невольно закричала
И славили Герольды мой ударъ:
Тогда никто не думалъ о причинѣ
И храбрости моей и силы дивной!

Взбѣсился я за поврежденный шлемъ;
Геройству что виною было? — скуность —
Да! заразиться здѣсь не трудно ею
Подъ кровлею одной съ моимъ отцемъ.
Что бѣдный мой Эмиръ?

ИВАНЪ.

Опъ все хромасть.

Вамъ выхъхатъ на немъ еще пельзя.

АЛБЕРЬ.

Ну дѣлать нечего: куплю гнѣдаго.
Недорого и просятъ за него.

ИВАНЪ.

Недорого, да денегъ нѣтъ у насъ.

АЛБЕРЬ.

Что-жъ говорить бездѣльникъ Саломонъ?

ИВАНЪ.

Онъ говорить, что болѣе не можетъ
Взаимы давать вамъ денегъ безъ закладу.

АЛБЕРЬ.

Закладъ! а гдѣ мнѣ взять заклада, дьяволь!

ИВАНЪ.

Я сказываль.

АЛБЕРЬ.

Что-жъ опъ?

ИВАНЪ.

Кряхтитъ да жмется.

АЛЬБЕРЬ.

Да ты бѣ ему сказалъ, что мой отецъ
Богатъ и самъ какъ жидъ, что рано-ль, поздно-ль
Всеу наслѣдую.

ИВАНЪ.

Я говорилъ.

АЛЬБЕРЬ.

Что-жь?

ИВАНЪ.

Жметса да кряхтитъ.

АЛЬБЕРЬ.

Какое горе!

ИВАНЪ.

Онъ самъ хотѣлъ придти.

АЛЬБЕРЬ.

Ну, слава Богу.

Безъ выкупа не выпущу его. (*Стукаетъ въ дверь.*)

Кто тамъ? (*Входитъ жидъ.*)

Жидъ.

Слуга вашъ низкій.

АЛЬБЕРЬ.

А, пріятель!

Проклятый жидъ, почтенный Саломонъ,

Пожалуй-ка сюда: такъ ты, я слышу,

Не вѣришь вдолгъ.

Жидъ.

Ахъ, милостивый рыцарь,
Клянусь вамъ: радъ бы . . . право не могу.
Гдѣ денегъ взять? весь разорился я,
Все рыцарямъ усердно помогая.
Никто не платить. Васъ хотѣлъ просить,
Не можете-ль хоть часть отдать

Альберъ.

Разбойникъ!

Да если бъ у меня водились деньги,
Съ тобою сталь-ли бъ я возиться? Полно,
Не будь упрямъ, мой милый Саломонъ;
Давай червонцы. Высыпи мнѣ сотню,
Пока тебя не обыскали.

Жидъ.

Сотню!

Когда бъ имѣлъ я сто червонцевъ!

Альберъ.

Слушай:

Не стыдно ли тебѣ своихъ друзей
Не выручать?

Жидъ.

Клянусь вамъ

Альберъ.

Полно, полно.

Ты требуешь закладу? что за вздоръ!
Что дамъ тебѣ въ закладъ? свиную кожу?

Когда бъ я могъ что заложить, давно
Ужъ продалъ бы. Иль рыцарскаго слова
Тебѣ, собака, мало?

Жидъ.

Ваше слово,

Пока вы живы, много, много значить.
Всѣ сундуки Фламандскихъ богачей
Какъ талисманъ оно вамъ отогреть.
Но если вы его передадите
Мнѣ, бѣдному Еврею, а межъ тѣмъ
Умрете (Боже сохрани), тогда
Въ моихъ рукахъ оно подобно будетъ
Ключу отъ брошенной шкатулки въ море.

Альберъ.

Уже ль отецъ меня переживетъ?

Жидъ.

Какъ знать? дни наши сочтены не нами;
Цвѣлъ юноша вечеръ, а нынче умеръ,
И вотъ его четыре старика
Несутъ на сторбленныхъ плечахъ въ могилу.
Баронъ здоровъ. Богъ дастъ лѣтъ десять, двадцать
И двадцать пять и тридцать проживетъ онъ.

Альберъ.

Ты врешь, Еврей: да черезъ тридцать лѣтъ
Мнѣ стукнетъ пятьдесятъ, тогда и деньги
Начто мнѣ пригодятся?

Жидь.

Деньги? — деньги

Всегда, во всякій возрастъ намъ пригодны;
Но юноша въ нихъ ищетъ слугъ проворныхъ,
И не жалѣя шлетъ туда — сюда.
Старикъ же видитъ въ нихъ друзей надежныхъ,
И бережетъ ихъ какъ зѣницу ока.

Альберъ.

О! мой отецъ не слугъ и не друзей
Въ нихъ видитъ, а господь; и самъ имъ служить,
И какъ же служить? какъ Алжирскій рабъ,
Какъ песь цѣпной. Въ нетопленной канурѣ
Живетъ, пьетъ воду, ѣстъ сухія корки,
Всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ да лаеъ.
А золото спокойно въ сундукахъ
Лежитъ себѣ. Молчи! когда нибудь
Оно послужитъ мнѣ, лежать забудеть.

Жидь.

Да, на бароновыхъ похоронахъ
Пролетѣя больше денегъ, нежели слезъ.
Пошли вамъ Богъ скорѣй наслѣдство.

Альберъ.

Amen!

Жидь.

А можно бѣ

Альберъ.

Что?

Жидъ.

Такъ, думаль я, что средство
Такое есть

Альберъ.

Какое средство?

Жидъ.

Такъ —

Есть у меня знакомый старичокъ,
Еврей, аптекаръ бѣдный

Альберъ.

Ростовщикъ

Такой-же какъ и ты, или почестнѣе?

Жидъ.

Нѣтъ, рыцарь, Товій торгъ ведетъ иной:
Онъ составляетъ капли . . . право, чудно,
Какъ дѣйствуютъ онѣ.

Альберъ.

А что мнѣ въ нихъ?

Жидъ.

Въ стаканъ воды подлить . . . трехъ капель будетъ,
Ни вкуса въ нихъ, ни цвѣта незамѣтно;
А человекъ безъ рѣзи въ животѣ
Безъ тошноты, безъ боли умираетъ.

Альберъ.

Твой старичокъ торгуетъ ядомъ.

Жидь.

Да —

И ядомь.

Альберь.

Что жь? займы намѣсто денегъ
Ты мнѣ предложишь стклянокъ двѣсти яду
За стклянку по червонцу. Такъ-ли, что ли?

Жидь.

Смѣяться вамъ угодно надо мною.
Нѣтъ; я хотѣлъ. . . . быть можетъ вы . . . я думалъ,
Что ужь барону время умереть.

Альберь.

Какъ! отравить отца! и смѣлъ ты сыну . . .
Иванъ! держи его. И смѣлъ ты мнѣ! . . .
Да знаешь ли, жидовская душа,
Собака, змѣй! что я тебя сей часъ-же
На воротахъ повѣшу.

Жидь.

Виновать!

Простите: я шутилъ.

Альберь.

Иванъ, веревку.

Жидь.

Я . . . я шутилъ. Я деньги вамъ принесъ.

Альберь.

Вонъ, песь! (*Жидь уходитъ*).

Вотъ до чего меня доводитъ
Отца роднаго скупость! Жидь мнѣ смѣлъ

Что предложить! Дай мнѣ стаканъ вина,
Я весь дрожу . . . Иванъ, однако жъ деньги
Мнѣ нужны. Сбѣгай за жидомъ проклятымъ,
Возьми его червонцы. Да сюда
Мнѣ принеси чернильницу. Я плуту
Росписку дамъ. Да не вводи сюда
Гуду этаго . . . Иль нѣтъ, стой,
Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ,
Какъ сребреники пращура его
Я спрашивалъ вина.

ИВАНЪ.

У насъ гина

Ни капли нѣтъ.

АЛЬБЕРЪ.

А то, что мнѣ прислалъ
Въ подарокъ изъ Испаніи Ремонъ?

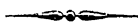
ИВАНЪ.

Вечоръ я спесь послѣднюю бутылку
Больному кузнецу.

АЛЬБЕРЪ.

Да, помню, знаю

Такъ дай воды. Проклятое житье!
Нѣтъ, рѣшено — пойду искать управы
У Герцога: пускай отца заставятъ
Меня держать какъ сына, не какъ мышъ,
Рожденную въ подпольѣ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(Подвалъ.)

БАРОНЪ.

Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой нибудь развратницей лукавой,
Иль душой имъ обманутой, такъ я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливыи день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще неполный)
Горсть золота накопленнаго всыпать.
Не много кажется, но понемногу
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ-то,
Что Царь однажды воишамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу,
И гордый холмъ возвысился, и Царь
Могъ съ вышины съ весельемъ озираться
И доль, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося

Привычну дань мою сюда въ подвалъ,
Вознесъ мой холмъ — и съ высоты его
Могу взирать на все, что мнѣ подвластно.
Что не подвластно мнѣ? какъ нѣкій демонъ
Отселѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою;
И музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный геній мнѣ поработится,
И добродѣтель и безсонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды.
Я свисну, и ко мнѣ послушно, робко
Вползеть окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
Мнѣ все послушно, я же — ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья (*смотритъ на свое золото.*)

Кажется немного,
А сколькихъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!
Тутъ есть дублонъ старинный . . . вотъ онъ. Нынче
Вдова мнѣ отдала его, но прежде
Съ тремя дѣтьми подня передъ окномъ

Она стояла на колыньяхъ воя.

Шель дождь, и пересталь, и вновь пошель,
Притворщица не трогалась; я могъ бы
Ее прогнать, но что-то мнѣ шептало,
Что мужнинъ долгъ она мнѣ принесла,
И не захочеть завтра быть въ тюрьмѣ.
А этотъ? этотъ мнѣ принесь Тибо —
Гдѣ было взять ему лѣнивцу, плуту?
Укралъ конечно, или, можетъ быть,
Тамъ на большой дорогѣ, ночью, въ роцѣ...
Да! если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ — я захлебнулся бѣ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.

(Хочетъ отпереть сундукъ.)

Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
Мой отпереть, впадаю въ жаръ и треметь.
Не страхъ (о, нѣтъ! кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ, за злато отвѣчаетъ
Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣснить
Какое-то невѣдомое чувство....
Насъ увѣряють медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность.
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, тоже
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно

И страшно вмѣстѣ. (*Отпираетъ сундукъ.*)

Вотъ мое блаженство!

(*Всыпаетъ деньги.*)

Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,

Служа страстямъ и нуждамъ челоуѣка.

Усните здѣсь сномъ силы и покоя,

Какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ. — — —

Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:

Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,

И всѣ ихъ отопру, и стану самъ

Средь нихъ глядѣть на блестящія груди.

(*Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ сундуки одинъ за другимъ.*)

Я царствую! — — — Какой волшебный блескъ!

Послушна мнѣ, сильна моя держава;

Въ ней счастье, въ ней честь моя и слава!

Я царствую — — но кто вослѣдъ за мной

Приметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!

Безумецъ, расточитель молодой!

Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!

Едва умру, онъ, онъ! сойдетъ сюда

Подъ эти мирные, нѣмые своды

Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ.

Укравъ ключи у трупа моего,

Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ

И потекутъ сокровища мои

Въ атласные, дыравые карманы.

Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоить —
Онъ расточить А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шутя, какъ игроку, который
Гремитъ костями, да груди загребаешь?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузанныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей бессонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла, совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце, совѣсть,
Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
Займодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей мерклетъ мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ? — — —
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ, посмотримъ, станетъ-ли несчастный
То расточать, что кровью приобрѣлъ.
О, еслибъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ! о, еслибъ изъ могилы
Придти я могъ, сторожевою тѣнью
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить какъ нынѣ! — —

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

(Во дворецъ).

АЛЬБЕРЪ, ГЕРЦОГЪ.

АЛЬБЕРЪ.

Повѣрьте, Государь, терпѣль я долго
Стыдъ горькой бѣдности. Когда бъ не крайность,
Вы бъ жалобы моей не услышали.

ГЕРЦОГЪ.

Я вѣрю: благородный рыцарь,
Таковъ какъ вы, отца не обвинить
Безъ крайности. Такихъ развратныхъ мало...
Спокойны будьте: вашего отца
Усовѣщу наединѣ, безъ шуму.
Я жду его. Давно мы не видались.
Онъ былъ другъ дѣду моему. Я помню,
Когда я былъ еще ребенкомъ, онъ
Меня сажалъ на своего коня
И покрывалъ своимъ тяжелымъ шлемомъ
Какъ будто колоколомъ. — (Смѣтрить въ окно.)

Это кто?

Не онъ ли?

Альберъ.

Такъ, онъ, Государь.

Герцогъ.

Подите-жь

Въ ту комнату. Я кликну васъ.

(Альберъ уходитъ; входитъ Баронъ.)

Баронъ,

Я радъ васъ видѣть бодрымъ и здоровымъ.

Баронъ.

Я счастливъ, Государь, что въ силахъ былъ
По приказанью вашему явиться.

Герцогъ.

Давно, Баронъ, давно разстались мы.
Вы помните меня?

Баронъ.

Я, Государь?

Я какъ теперь васъ вижу. О, вы были
Ребенокъ рѣзвый. — Мнѣ покойный Герцогъ
Говариваль: Филиппъ (онъ звалъ меня
Всегда Филиппомъ), что ты скажешь? а?
Лѣтъ черезъ двадцать, право, ты да я,
Мы будемъ глупы передъ этимъ малымъ
Предъ вами, то есть

ГЕРЦОГЪ.

Мы теперь знакомство
Возобновимъ. Вы Дворъ забыли мой.

БАРОНЪ.

Старъ, Государь, я нынче: при Дворѣ
Что дѣлать мнѣ? Вы молоды; вамъ любви
Турниры, праздники. А я на нихъ
Ужъ не гожусь. Богъ дастъ войну, такъ я
Готовъ, кряхтя, взлѣзть снова на коня;
Еще достанетъ силы старый мечъ
За васъ рукой дрожащей облажить.

ГЕРЦОГЪ.

Баронъ, усердье ваше намъ извѣстно;
Вы дѣду были другомъ; мой отецъ
Васъ уважалъ. И я всегда считалъ
Васъ вѣрнымъ, храбрымъ рыцаремъ; но сядемъ.
У васъ, Баронъ, есть дѣти?

БАРОНЪ.

Сынъ одинъ.

ГЕРЦОГЪ.

Зачѣмъ его я при себѣ не вижу?
Вамъ Дворъ наскучилъ, но ему прилично
Въ его лѣтахъ и званьи быть при насъ.

БАРОНЪ.

Мой сынъ не любитъ шумной, свѣтской жизни;
Онъ дикаго и сумрачнаго нрава —

Вкругъ замка по лѣсамъ онъ вѣчно бродить
Какъ молодой олень.

Герцогъ.

Нехорошо

Ему дичиться. Мы тотчасъ приучимъ
Его къ весельямъ, къ баламъ и турнирамъ.
Пришлите мнѣ его; назначьте сыну
Приличное по званью содержанье — — —
Вы хмуритесь, устами вы съ дороги,
Быть можетъ.

Баронъ.

Государь, я не усталъ;

Но вы меня смутили. Передъ вами
Я бъ не хотѣлъ сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сынѣ
То, что желалъ отъ васъ бы утаить.
Онь, Государь, къ несчастью, недостойнъ
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Онь молодость свою проводитъ въ буйствѣ,
Въ порокахъ низкихъ

Герцогъ.

Это потому,

Баронъ, что онъ одинъ. Уединенье
И праздность губятъ молодыхъ людей.
Пришлите къ намъ его; онъ позабудеть
Привычки, зарожденныя въ глуши.

БАРОНЪ.

Простите мнѣ, но право, Государь,
Я согласиться не могу на это

ГЕРЦОГЪ.

Но почему жъ?

БАРОНЪ.

Увольте старика . . .

ГЕРЦОГЪ.

Я требую: откройте мнѣ причину
Отказа вашего.

БАРОНЪ.

На сына я

Сердить.

ГЕРЦОГЪ.

За что?

БАРОНЪ.

За злое преступленье.

ГЕРЦОГЪ.

А въ чемъ оно, скажите, состоитъ?

БАРОНЪ.

Увольте, Герцогъ . . .

ГЕРЦОГЪ.

Это очень странно,
Или вамъ стыдно за него?

БАРОНЪ.

Да стыдно

ГЕРЦОГЪ.

Но что же сдѣлалъ онъ?

БАРОНЬ.

Онъ онъ меня

Хотѣлъ убить.

ГЕРЦОГЪ.

Убить! такъ я суду

Его предамъ, какъ чернаго злодѣя.

БАРОНЬ.

Доказывать не стану я, хоть знаю,

Что точно смерти жаждетъ онъ моей,

Хоть знаю то, что покушался онъ

Меня

ГЕРЦОГЪ.

Что?

БАРОНЬ.

Обокрасть.

(Альберъ бросается въ комнату).

АЛЬБЕРЬ.

Баронъ, вы лжете.

ГЕРЦОГЪ *(силу)*.

Какъ смѣли вы? . . .

БАРОНЬ.

Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣлъ! . . .

Ты могъ отцу такое слово молвить! . . .

Я лгу и передъ нашимъ Государемъ! . . .

Мнѣ, мнѣ иль ужъ не рыцарь я.

АЛЬБЕРЬ.

Вы лжець.

Баронъ.

И громъ еще не грянулъ, Боже правый!

Такъ подыми жъ, и мечъ насъ разсуди!

(Бросаетъ перчатку, сынъ поспышно ее подымаетъ.)

АЛЬБЕРЬ.

Благодарю. Вотъ первый даръ отца.

Герцогъ.

Что видѣлъ я? что было предо мною?

Сынъ принялъ вызовъ стараго отца!

Въ какіе дни надѣлъ я на себя

Цѣпь Герцоговъ! Молчите: ты, безумецъ,

И ты, тигренокъ! полно. (сыну) Бросьте это;

Отдайте мнѣ перчатку эту (отнимаетъ ее.)

АЛЬБЕРЬ. (а parte)

Жаль.

Герцогъ.

Такъ и вшился въ нее когтями! — извергъ!

Подите: на глаза мои не смѣйте

Являться до тѣхъ поръ, пока я самъ!

Не призову васъ. (Альберъ выходитъ).

Вы, старикъ несчастный.

Не стыдно ль вамъ

Баронъ.

Простите, Государь

Стоять я не могу мои колѣна

Слабѣють душно! . . . душно! . . . Гдѣ ключи?

Ключи, ключи мои!

Герцогъ.

Онъ умеръ. Боже!

Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВАГО ТОМА.

—

	<i>Стр.</i>
Евгеній Онѣгинъ	1
Борисъ Годуновъ	255

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ:

Сцена изъ Фауста	377
Пиръ во время чумы	385
Моцартъ и Сальери	399
Скупой Рыцарь	415

